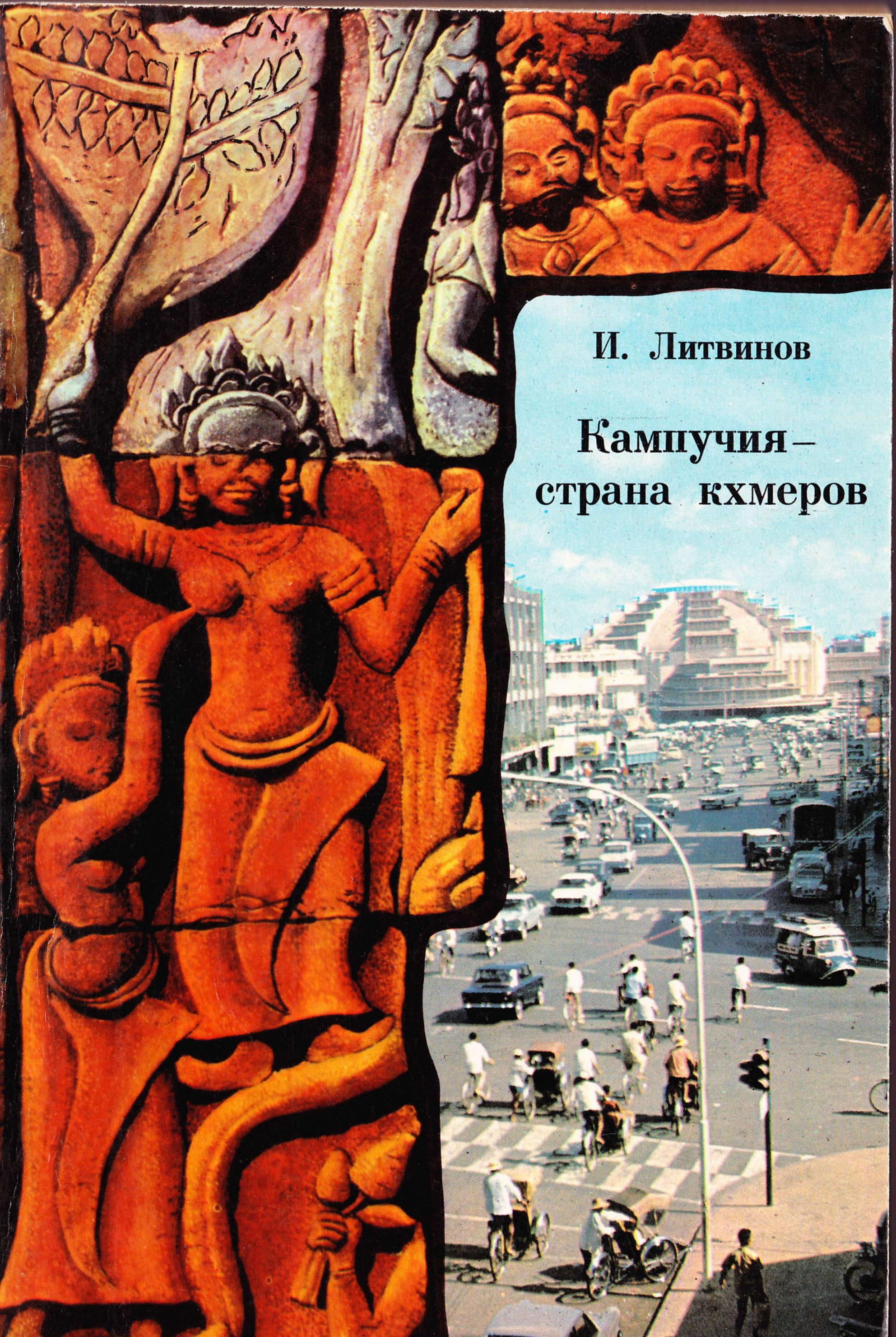
И. Литвинов

Кампучия — страна кхмеров

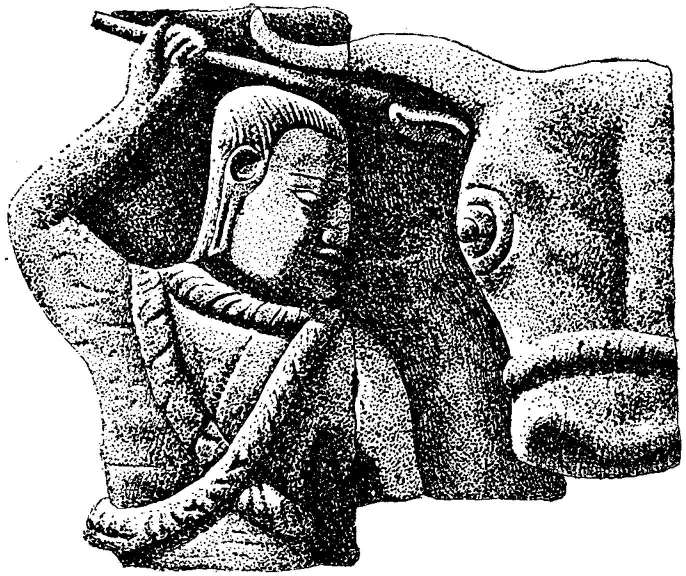


54 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
·МЫСЛЬ·

И. Литвинов

Кампучия — страна кхмеров



Издательство «Мысль»
Москва, 1976

91 (И5)
Л 64

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ХУДОЖНИК С. В. ЮКИН
ФОТОГРАФИИ АВТОРА

Л $\frac{20901\text{-}152}{004(01)\text{-}76}$ БЗ-89-25-75

© Издательство «Мысль». 1976

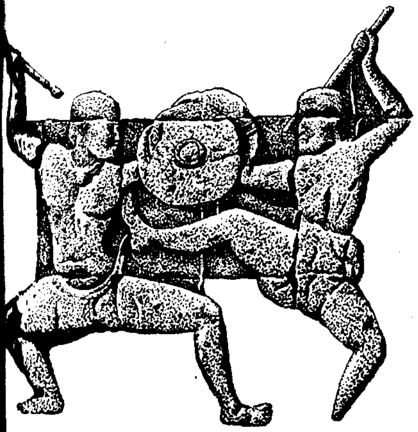
Наследница древней цивилизации

Вместо предисловия

Камбоджа — сравнительно небольшая по территории и населению страна Юго-Восточной Азии. Она расположена в южной части полуострова Индокитай. Юг страны омывается водами Сиамского залива, на севере она граничит с Лаосом, на западе — с Таиландом и на юго-востоке — Вьетнамом.*

На политической карте мира как суверенное государство Камбоджа появилась сравнительно недавно, в 1953 году, в результате победы национально-освободительного движения. До этого она, как и соседние с ней Лаос и Вьетнам, около века находилась под протекторатом Франции и составляла вместе с ними ее богатейшую азиатскую колонию — Индокитайский Союз, или Французский Индокитай.

Вместе с тем Камбоджа как государство имеет богатейшую историю и является прямой наследницей блестящей древней цивилизации.



Первым упоминанием о следах древней цивилизации на территории Камбоджи Европа обязана Марцелло Рибаденейро — испанскому миссионеру, то есть одному из тех ревнителей христианской религии, которые сознательно или невольно именем владыки небесного прокладывали пути земным владыкам к земным сокровищам. В этом качестве он и появился однажды в королевстве Камбоджа. Густонаселенные районы страны ненадолго привлекли внимание любознательного спасителя языческих душ, его тянуло на север, малонаселенный и почти незнакомый европейцам. Здесь в 1601 году, блуждая в джунглях, окружавших озеро Тонлесап, испанский мис-

* По новой конституции, принятой в январе 1976 года, она официально называется Демократическая Кампучия.

сионер и натолкнулся на развалины гигантского каменного города. Зная, что традиции кхмеров не позволяют им строить каменные дома, Марцелло Рибаденейро не мог даже предположить, что найденные им развалины имеют хоть какое-то отношение к истории кхмерской цивилизации. Сами кхмеры, как те, которые жили недалеко от этих развалин и знали о их существовании, так и члены обширного королевского двора, с которым испанец «по долгу службы» поддерживал тесные отношения, тоже не могли объяснить происхождение этих руин. Легенды же, бытовавшие у жителей окрестных сел, только укрепили испанского миссионера в мысли о том, что развалины города принадлежат чуждой кхмерам цивилизации. Так появились в его книге описаний путешествий по странам Юго-Восточной Азии следующие строки: «Есть в Камбодже руины древнего города, который, по мнению некоторых, был построен римлянами или Александром Македонским. Примечательно, что никто из туземцев не может жить в этих руинах и они служат прибежищем диким зверям. Эти язычники считают, по традиции, что город должен быть восстановлен чужеземным народом».

За два с половиной столетия, прошедшие со времени открытия Рибаденейро древних развалин, в европейских источниках о них упоминается только один раз — в 1672 году. И это несмотря на то, что испанских миссионеров-одиночек давно уже сменили организованные группы французов — членов созданного еще в 1658 году в Париже «Общества заграничных миссий».

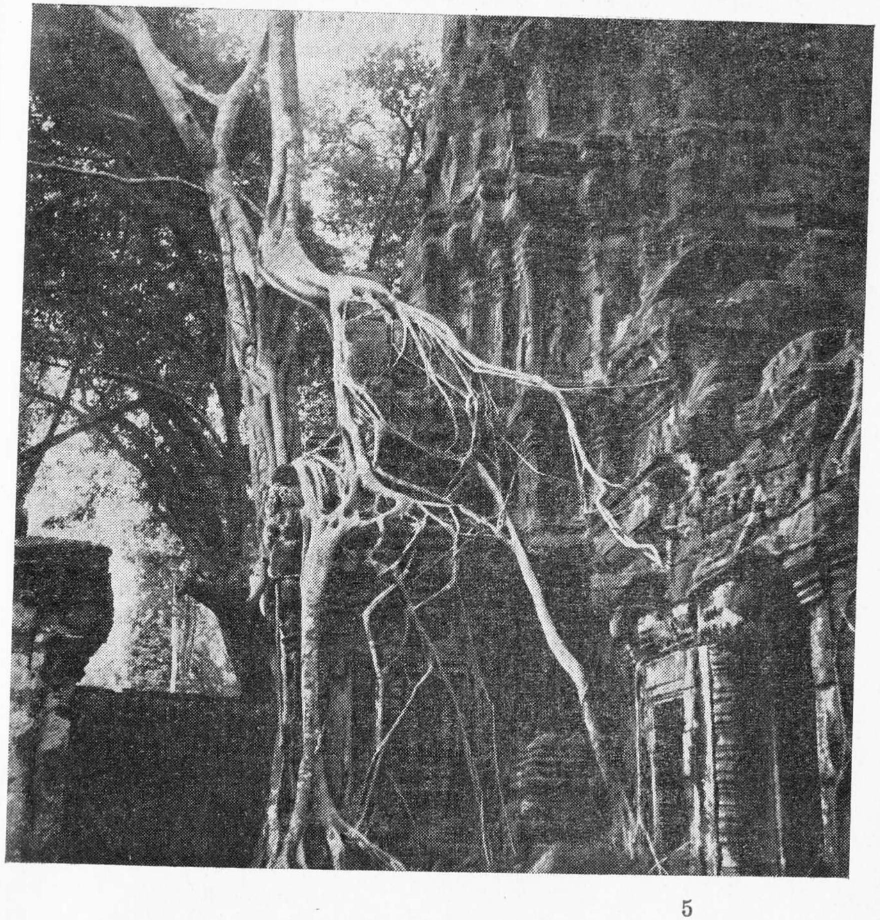
Трудно сказать, сколько еще времени история великой кхмерской цивилизации и для самих кхмеров и для мира оставалась бы тайной за семью печатями, если бы страсть к открытиям и исследованиям не привела однажды французского натуралиста Анри Муо в район города Сиемреап, расположенного в нескольких километрах к северо-востоку от озера Тонлесап.

Увлеченный поисками, Анри Муо углубился в джунгли и заблудился. Несколько дней без пищи бродил он в дебрях гигантского леса в тщетных поисках обратной дороги. В довершение всего у него начался приступ малярии, полученной им в годы путешествий по тропическим лесам. И когда Анри Муо уже казалось, что это путешествие станет для него последним, лес внезапно расступился, и ученый вышел на большую, залитую ярким солнечным светом поляну. Он успел заметить тропу, понять, что спасен, и упал без чувств.

Очнулся он уже под вечер. Воздух был наполнен странным мелодичным звоном, казалось, лес пел. Вначале французский натуралист подумал, что у него просто звенит в ушах от пере-

утомления и истощения. Но звон продолжался и после того, как Муо окончательно пришел в себя. Это звенели цикады, они и сегодня наполняют эти леса необычайно мелодичным, каким-то неземным звуком. Но то, что он увидел, когда встал и огляделся, заставило его вновь усомниться в здравости своего рассудка: перед ним, возвышаясь над джунглями, подсвеченные красными лучами заходящего солнца стояли три стройные башни, напоминавшие бутоны нераспустившегося лотоса. Муо

В сумраке джунглей — развалины некогда величественных сооружений



решил, что это галлюцинация. Чтобы избавиться от нее, он направился в сторону башен. Но они не исчезали. Напротив, их стройные, изящные силуэты становились все более отчетливыми на фоне вечернего неба.

Муо шел и шел к встающему из джунглей волшебному городу, пока не оказался у его ворот, пока не ощутил под рукой шероховатый камень украшающих их изваяний.

Так был открыт Ангкорват, крупнейший в мире памятник культовой архитектуры, именем которого впоследствии была названа целая эпоха истории камбоджийского народа — эпоха Ангкорской империи, эпоха Ангкорской цивилизации. Это произошло 22 января 1861 года, за два года до того, как камбоджийский король Нородом под нажимом французского католического епископа Дансара и священника Хенкарта подписал подготовленный французским эмиссаром Дударом де Лагре документ, по которому Камбоджа признала над собой протекторат Франции.

Несколько лет спустя Муо написал о своей находке книгу. Ее издали уже после смерти автора. Однако ни у кого вначале не возникло мысли связать открытие Муо с историей Камбоджи — страны, которая была уже известна европейцам, и прежде всего французам, довольно хорошо. И все же работа Муо заставила наконец французских ученых обратиться к истории новой колонии.

Попытка что-то выяснить в кхмерских источниках успеха не принесла. В Камбодже не существовало письменных свидетельств почти ни об одном этапе развития страны вплоть до гибели Ангкорской империи (XV век). Приступить к непосредственному изучению памятников, открытых Анри Муо, в то время не представлялось возможным. Территория, на которой они расположены, была оккупирована Сиамом (Таиландом). За Сиамом стояла Великобритания — основной соперник Франции по колониальным захватам. Французские ученые обратились к китайским хроникам. Они оказались самыми полными и достоверными источниками, проливающими свет на прошлое Камбоджи. Позднее исторические сведения пополнились надписями на камнях, обнаруженными в районе Ангкора и на территории древнего государства Чампа, бывшего некоторое время одним из могущественных соседей Камбоджи.

Фунань (Фу Нань) — так называли китайские хроники государство, возникшее в I веке нашей эры на юге Индокитайского полуострова. Столица страны Вьядхапура — политический и административный центр государства — располагалась к югу от Пномпеня, в нижнем течении Меконга. Население древней

Фунани возводило ирригационные сооружения, позволявшие осушать и засевать заболоченные земли дельты Меконга, строило большие морские суда, изготовляло хлопчатобумажные ткани. Высоко ценились в соседних странах и пользовались спросом даже в Индии и Китае фунанские изделия из стекла, ювелирные изделия из золота и серебра. Большое значение в хозяйстве страны имела внешняя торговля. Правили страной могущественные цари, которые называли себя владыками горы Курубнам. Возможно, что это название в китайской транслитерации трансформировалось в название страны Фунань.

Наивысшего расцвета Фунань достигла в III веке нашей эры. Она была одной из мощных морских держав Юго-Восточной Азии того времени, контролировавших морские торговые пути из Индии в Китай.

Как ныне считают, Фунань — результат индийской колонизации народа, населявшего прибрежные районы современной территории Камбоджи. Колонизация произошла во II—I веках до нашей эры. Первыми появились здесь купцы. По путям, проложенным купцами, шли сюда в поисках богатств и власти отпрыски разорившихся знатных индийских родов и представители брахманской касты. Они способствовали разложению первобытнообщинного строя местных племен, созданию раннеклассовых государств. Этому благоприятствовало и то, что индийскую, и прежде всего южноиндийскую, цивилизацию легко восприняли аборигены, представлявшие собой смешение индонезийских и негроидных племен. Не утрачивая самобытности, аборигены легко смешивались с пришельцами, многие из которых становились даже основателями новых местных династий, женясь на представительницах племенной знати.

Таким образом, согласно древней легенде, записанной во II веке нашей эры, и было основано государство Фунань. Легенда, в основе которой лежат скорее всего реальные события, повествует о том, что прибывший на большом корабле из Южной Индии прекрасный принц женился на местной царице.

Рассказ о прекрасном принце и царице имеет много красочных вариантов, но все они сводятся к утверждению, что основателем фунанской династии и государства был выходец из Индии. Современная историческая наука отождествляет легендарного принца с индийским брахманом по имени Каундинья. Имя этого брахмана, приплывшего на полуостров во время одного из крупных переселений, упоминается в надписях Чампы.

Фунань процветала до середины VI века. С этого времени влияние ее и могущество начали слабеть. Уже в начале VII века она пала под ударами одного из своих бывших вассалов, и ее

название навсегда исчезло из китайских хроник. Вместо него появилось имя нового государства, возникшего на этой территории,— Ченла, и начался новый этап истории становления камбоджийского народа и государства.

Ченла — название страны, как и Фунани, данное ей китайцами. Собственное ее имя историкам еще не известно. Вплоть до VI века Ченла оставалась вассалом Фунани и не играла самостоятельной роли в Юго-Восточной Азии. Однако в первой половине VI века один из царей Ченлы восстал против господства Фунани и освободился от обязанности выплачивать ей дань. Его преемники продолжали активную наступательную борьбу против Фунани до тех пор, пока Фунань не перестала существовать. Это произошло в первой половине VII века при ченлском царе Ишанавармане I (616—635 годы).

Ишанаварман был настоящим царем-воином. В отличие от царей Фунани Ишанаварман в своей завоевательной политике стремился не к господству на морских торговых путях, а к территориальному расширению государства. Основными направлениями его экспансии были юг и запад. Ближе к центру страны, в район Тонлесап, перенес он столицу, назвал ее Ишанапурой и положил, таким образом, начало освоению этого района, которому суждено было стать впоследствии экономическим и политическим центром мощной Ангкорской державы.

В архитектуре и особенно скульптуре Ченлы того времени сохраняется влияние индийских прототипов, но уже проявляются и черты самобытного кхмерского искусства, в полную силу расцветшего в период Ангкорской империи.

Со времени царствования Ишанавармана I, как полагают ученые, и начинается история собственно Камбоджи. Но это отнюдь не означает, что на Индокитайском полуострове появилось некое принципиально новое государство или тем более новый народ. Борьба Ченлы против Фунани была не борьбой одного государства против другого, а борьбой двух частей одного и того же государства.

Победа Ченлы была закономерна. Это победа выросшего и окрепшего в глубинных районах страны княжества, сумевшего создать прочную экономическую и политическую базу над своим приморским сюзереном, экономика которого была основана преимущественно на внешней торговле, а рафинированная индийская культура так и не сумела пустить глубоких корней в местной почве.

Наиболее ярко и полно общность Фунани с ее преемниками прослеживается в области материальной и духовной культуры кхмерского народа.

Фунанцы были искусными кораблестроителями. Одной из статей экспорта Камбоджи вплоть до ее колонизации Францией были большие лодки, предназначенные для морских перевозок грузов. Фунанцы любили вырезать рельефные украшения. Рельефы Ангкора — яркое свидетельство преемственности и этой традиции. Фунанцы строили дома на сваях, носили саронг (национальная одежда, своеобразная юбка, которую носят как женщины, так и мужчины), любили петушиные бои. Дома на сваях — до сих пор основной тип сельской постройки в Камбодже, саронг остается национальной одеждой кхмеров и поныне, и сегодня камбоджийцы увлекаются петушиными боями. Ни один, пожалуй, праздник в деревне не обходится без петушиных боев. И такие аналогии можно проводить до бесконечности.

Созданная Ишанаварманом империя, как и многие другие раннеклассовые государства, являлась конгломератом часто враждующих между собой княжеств. В начале VIII века эта империя распалась на две большие части, известные под названием Сухопутная и Водная Ченлы. Каждая из них представляла собой пеструю смесь независимых и полузависимых государств и княжеств. Понадобилось еще два века, чтобы все они объединились в единое мощное государство.

Роль объединителя всех кхмерских земель взяло на себя небольшое княжество Индрапура, расположенное, по мнению ряда ученых, к западу от озера Тонлесап. Это случилось во время царствования там Джайяварманa II.

Джайяварман II по праву считается основателем Ангкорской империи. Правда, он еще не добился полного объединения страны, но осуществил два крупных мероприятия, способствовавших укреплению его власти. Около 822 года он основал культ Девараджи — бога-царя. Для этого на горе Пхномкулен был совершен специальный священный обряд, обожествлявший его царскую особу, во время которого Джайявармана II провозгласили «монархом Вселенной» — Чакравартином. Так была создана идеологическая основа для объединения страны вокруг божественной особы Чакравартина. Вторым, не менее важным шагом Джайявармана II было строительство в районе Ангкора новой столицы Амарендрапуры, позволившее начать экономическое освоение богатых территорий района Тонлесап.

Джайяварман II считается не только основателем Ангкорской империи, но и родоначальником династии ангкорских царей. В его же царствование в тямпской надписи впервые появляется название страны Камбуджа (Кампучия), а одна из его жен носила титул Камбуджалакшми. Согласно одной из ле-

генд, род этот произошел от отшельника по имени Камбу и апсары (небесной танцовщицы) Меру, и в нем соединились две постоянно противоборствовавшие на территории Камбоджи династии — «солнечная» и «лунная». Когда это произошло — неизвестно. Однако некоторые источники указывают, что чуть ли не на протяжении всей истории Фунани на севере ее жили племена, называвшиеся камбуджиями. Можно полагать, что провозглашение себя наследником двух династий понадобилось Джайяварману II для утверждения своего права на объединение всей страны.

Племянник жены Джайявармана II Индраварман I, правивший Камбоджей в 877—889 годах, завершил замыслы основателя Ангкорской династии; он сумел объединить под своей властью всю долину Меконга и начал сооружать в районе Ангкора систему ирригации, ставшую основой развитого сельскохозяйственного производства, основой быстрого экономического развития страны.

Дальнейшее укрепление Ангкорского государства происходит при сыне Индравармана Яшовармане I (889—900 годы). Яшоварман I развернул строительство монастырей, являвшихся на протяжении всей истории Ангкорской империи верным оплотом государственной власти. Но он строил не только монастыри. На месте нынешнего Ангкора он заложил новую столицу, названную Яшодхарапурой, и приступил к сооружению грандиозной ирригационной системы.

«Создание огромного Восточного Барая [барай по-кхмерски означает «водоем», «водохранилище».— *И. Л.*],— пишет один из исследователей Камбоджи периода Ангкорской империи, Л. Бриггс,— изменение течения реки Сиемреап, удивительная система рвов, водохранилищ и бассейнов, при помощи которых он обеспечил водоснабжение своей новой столицы, представляют собой замечательное достижение».

Датой окончания процесса объединения кхмерских княжеств и государств в Ангкорскую империю принято считать середину X века. До XIII века она была самым развитым в экономическом, культурном и военном отношении государством Юго-Восточной Азии. В тот период и были созданы все выдающиеся памятники кхмерской архитектуры, и по сей день поражающие воображение каждого, кто с ними знакомится.

С XIII века начинается медленное, но неуклонное угасание могущества Ангкорской империи, длившееся без малого триста лет.

В 1353 году Ангкор впервые был захвачен чужеземцами — сиамцами. Завоевателей изгнали лишь через четыре года, но уже в 1380 году они опять атаковали кхмерскую столицу и

снова посадили на ангкорский трон своего ставленника. Правда, его вскоре убили, и трон возвратился к кхмерам.

Последним ангкорским царем и первым королем Камбоджи был Понья Ят (1432—1459 годы). В его царствование, в 1432 году, сиамские армии после семимесячной осады захватили Ангкор и полностью разрушили все, что поддавалось разрушению: дома, королевский дворец, рынки, пагоды. Понья Ят, не видя возможности ни восстановить город, ни защитить его от новых нашествий сиамцев, принимает решение покинуть столицу и искать для нее более безопасное место.

Длительный период, пока Камбоджа не стала колонией Франции, был для этой страны, потерявшей значительную часть территории и все свое экономическое и военное могущество, периодом бесконечных дворцовых переворотов, интриг, заговоров, убийств и безнадежных попыток сохранить остатки территории в борьбе с могущественными соседями и сюзеренами — Сиамом и Вьетнамом. Такой ее и застал первый европеец, столкнувшийся со следами древней цивилизации на ее территории, испанский миссионер Марцелло Рибаденейро, такой ее увидели и французские колонизаторы.

Господство французских колонизаторов в Камбодже продолжалось ровно 90 лет, правда, с небольшим перерывом: в годы второй мировой войны Камбоджу оккупировали японские войска.

Разгром фашистской Германии и ее союзников во второй мировой войне, решающую роль в которой сыграл Советский Союз, знаменовал собой начало мощного этапа развития национально-освободительного движения. Не миновало оно и Индокитайский полуостров, где первыми поднялись на борьбу вьетнамцы. С 1946 года началась организованная вооруженная борьба против французских колонизаторов и на кхмерской земле. Ее инициатором и главной силой было движение «Кхмер иссарак» (Свободный кхмер).

Поражения французских колониальных войск во Вьетнаме, успехи движения Сопротивления Камбоджи, подкрепленные активной дипломатической политикой кхмерского королевского правительства, заставили Францию признать независимость Камбоджи. Официально провозглашение независимости состоялось 9 ноября 1953 года. Международное признание государственного суверенитета Камбоджи нашло отражение в Женевских соглашениях 1954 года, которые закрепили успехи национально-освободительного движения стран Индокитая. Неоценимое значение для успешного завершения работы Женевской конференции имела последовательная позиция Со-

ветского Союза, направленная на поддержку национально-освободительного движения народов Юго-Восточной Азии.

После завоевания независимости, оставаясь по своему государственному строю конституционной монархией, Камбоджа предприняла усилия, чтобы ликвидировать тяжелое наследие колониализма в социальной и экономической областях. Заметные успехи были достигнуты в области образования, здравоохранения, профессиональной подготовки кадров. Опираясь на бескорыстную финансовую, экономическую и техническую помощь социалистических стран, Камбоджа сделала серьезный шаг по пути развития национальной промышленности. Однако коренных социально-экономических изменений в жизни страны и народа в этот период все же не произошло.

Внешняя политика Камбоджи того времени была политикой нейтралитета и развития равноправных отношений со всеми странами, независимо от их социально-политического устройства.

В 1970 году в Камбодже произошел правительственный переворот, открывший двери страны для иностранного вмешательства. В ответ на это в стране был создан Национальный единый фронт Камбоджи (НЕФК), в который вошли представители всех слоев населения, объединенные желанием видеть родину независимой.

Несмотря на щедрую финансовую и военную поддержку извне, проимпериалистический режим смог продержаться всего пять лет, причем контролировал он положение лишь в крупных городах. Уже в первые годы борьбы за независимость армия НЕФК освободила большую часть территории. В апреле 1975 года справедливая борьба патриотов Камбоджи завершилась полной победой. Армия НЕФК освободила столицу Камбоджи Пномпень.

Еще в годы борьбы НЕФК приступил на освобожденной территории к прогрессивным социально-экономическим преобразованиям. Было решено национализировать каучуковые плантации, приняты меры по укреплению и развитию народной власти, в том числе по созданию комитетов НЕФК на местах, сделаны первые шаги в области демократизации аграрной политики.

Что касается внешней политики, то НЕФК провозгласил политику соблюдения принципов мирного сосуществования и поддержки отношений со всеми странами, независимо от их политического и социального устройства.

Камбоджа сегодня вся в движении, вся в стадии поиска и становления.

Предлагаемая книга не затрагивает последнего пятилетия в жизни Камбоджи, то есть времени, когда автор уже покинул Камбоджу, она охватывает период до 1970 года. Поэтому, в частности, в тексте оставлено ее старое название Камбоджа, а не Кампучия, как называли ее сами кхмеры и как стала она называться официально с 1976 года. Автор стремился сообщить читателям ряд географических, исторических и этнографических сведений, чтобы дать самое общее представление о стране и народе, которые издавна вызывают большой интерес и симпатию широкой советской общественности. Официальные факты и данные почерпнуты автором из работ советских востоковедов Г. Сочевко и Л. Седова, из выпущенного к XV годовщине независимости Камбоджи юбилейного номера журнала «Камбоджа», а также из некоторых зарубежных трудов. Однако все они были как бы пропущены сквозь призму личного восприятия страны и народа, с которым автору довелось познакомиться довольно близко, когда он работал в Камбодже. Сугубо личными являются и все встречающиеся в книге выводы и обобщения.

Земля и люди Камбоджи

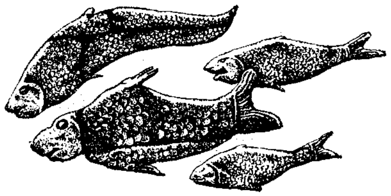
Камбоджа расположена в юго-западной части Индокитайского полуострова между 10 и 16 градусами северной широты. Занимаемая ею площадь несколько превышает 180 тысяч квадратных километров, население — около семи миллионов человек. Пять шестых населения составляют кхмеры, остальные — китайцы, вьетнамцы, чамы, лаотянцы и представители некоторых других национальностей.

Основную часть страны занимает низменность. Горы как бы окаймляют территорию страны. Они невысоки: высшая точка — чуть более 1800 метров над уровнем моря.

Климат тропический, муссонный. Резких колебаний температуры по сезонам не наблюдается. Средняя минимальная температура января — около 25 градусов Цельсия, средняя максимальная — 29 градусов.

Фауна и флора Камбоджи богаты и весьма разнообразны.

По дну и берегам древнего морского залива



Своими очертаниями Камбоджа напоминает большую граненую чашу правильной формы. Если через центр до границ страны с юга на север и с запада на восток провести два пересекающихся перпендикуляра, то их длина будет разниться всего на 120 километров. У основания чаши лежит очень незначительно поднятая над уровнем моря равнина, а по краям — горы и плато приграничных районов. Почти в центре равнины огромной голубой каплей сверкает озеро Тонлесап. В восточной ее части, пересекая всю страну с севера на юг, широкой лентой вьется Меконг, называемый кхмерами Тонлетхом,— одна из самых крупных рек материка и земного шара.

Когда летишь над Камбоджей в сезон дождей и не видишь под крылом самолета ничего, кроме воды с разбросанными там и сям островками деревень и городов, соединенных между собой узкими лентами дорог, напоминающими сверху дамбы, трудно избавиться от впечатления, что внизу не территория обычной «сухопутной» страны, а воды большого морского залива. И мало кто из пассажиров воздушных лайнеров представляет, насколько это их впечатление соответствует действительности, правда, действительности далекого прошлого. На самом деле когда-то здесь был морской залив. Со временем море отступило.

Легенда, бытующая в Камбодже, объясняет это так.

Царь Индрапраштъі (древнее наименование современного Дели) разгневался на своего сына Преа Тхонга и прогнал его за пределы страны. Долго скитался молодой принц по чужим землям, пока не оказался на острове Кох Тхлок. Там он встретил очаровательную девушку. Это была Сома, дочь царя Нага — змея, обитающего на дне морском. Принц тотчас же полюбил девушку. Сома ответила ему взаимностью. Отец Сомы — Нага признал их женихом и невестой и в знак расположения к молодому принцу выпил всю воду залива, среди которого возвышался остров, построил столицу и дал новому царству имя Камбоджа. Эта древняя легенда позже обросла новыми деталями, созвучными условиям и требованиям времени.

Так, легенда дополнилась рассказом о том, что в золотой башне дворца, где находилась королевская опочивальня, укрывается душа девятиглавой змеи — владычицы царства. Каждый вечер змея представала перед королем в образе женщины, и с ней властелин проводил начало ночи. Если змея не появлялась в опочивальне короля — это означало, что наступал час его смерти. Если же какой-либо из королей сам забывал прийти на свидание — случалось несчастье. Так короли постоянно возобновляли союз основателя своего рода с духом племени Нага, положившим начало царству и бывшим его господином.

Такова легенда. И рассказывает она не столько о происхождении Камбоджи, сколько о том, на чем основывалось былое могущество: на поливном земледелии, мощной развитой сети ирригационных сооружений. Нага — это Меконг. После осушения земель его дельты (спуска избыточной воды с полей в реку — «Нага выпил воду») и началось интенсивное земледелие в древней Камбодже. Мотив еженощного возобновления союза короля с духом племени Нага — напоминание королям об одной из их первостепенных задач — развитии и поддержании системы ирригационных сооружений. Забудет об этом король — быть беде.

Меконг, прежде чем стать «осушителем» камбоджийских равнин, был их создателем. Великая река «не выпила» воды морские, а тысячелетиями отлагая наносы, выдвигала свою дельту и оттесняла море. Лёсс, а также другие породы, вымываемые на восточных склонах Тибетского плато и на всем длинном пути реки, выносились в мелководный залив, который в конце концов перестал существовать. Напоминание о нем — озеро Тон-

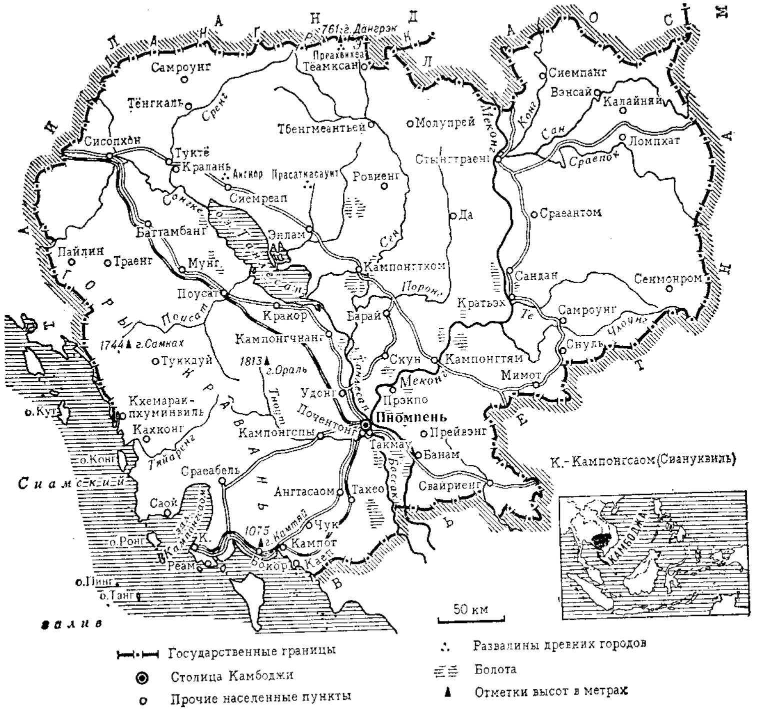
лесап, самая глубокая часть древнего залива, да холмы-останцы — бывшие острова, или, как их еще называют, островные горы, разбросанные по всей камбоджийской равнине. Эти горы, нередко поросшие густым лесом и достигающие порой высоты в несколько сот метров, производят странное впечатление на человека, не знакомого с их происхождением. Кажется, что сказочный гигант умышленно разбросал их здесь, чтобы хоть чем-то оживить донельзя однообразный пейзаж огромной плоской равнины.

Площадь Камбоджи — более 180 тысяч квадратных километров. Но заселена она чрезвычайно неравномерно. В шести южных и одной западной провинции (Баттамбанг), составляющих половину провинций и одну треть территории страны, сосредоточено около 80 процентов ее населения. Север и северо-восток заселены очень слабо. Здесь в отдельных провинциях плотность населения колеблется от одного до четырех человек на квадратный километр. В то же время в рисоводческих районах Баттамбанга она поднимается до 318 человек, а в провинциях Кандаль, Кампонгтям и Кампонгчнанг, которые специализируются на выращивании плантационных сельскохозяйственных культур, даже до 420 человек.

Такое расселение в Камбодже сложилось исстари, и не случайно. Кхмеры всегда тяготели к нижнему течению Меконга и территории вокруг озера Тонлесап, то есть районам, особенно благоприятным для занятий сельским хозяйством и рыбной ловлей — отраслям, которые на протяжении всей истории кхмерского государства были основой его экономики.

Поскольку земли Камбоджи плодородны, климат благоприятен для земледелия, производительные силы страны развиты слабо, а материальные и культурные запросы кхмерского крестьянина были довольно низки, острой нехватки освоенных земель в стране не ощущалось. Камбоджа едва ли не единственная страна Юго-Восточной Азии, население которой почти не знало голода — бича многих стран этого района мира. Даже в засушливые годы Камбоджа экспортировала рис.

Но сказанное отнюдь не означает, что проблема освоения новых земель не стоит перед Камбоджей. Напротив, со времени получения независимости Камбоджа, провозгласившая курс на «возрождение духа Ангкора», и в частности экономического могущества, постоянно искала возможности увеличить свои материальные ресурсы. Однако за 15 лет независимости в жизни камбоджийской деревни не произошло таких сдвигов, которые могли бы подтолкнуть кхмерского крестьянина к переселению и освоению новых земель. Товарные отношения в деревне



развивались медленно, она по-прежнему сохраняла в основном черты общинного землепользования при полунатуральном хозяйстве.

В Камбодже немало мест, где не ступала нога человека. Это прежде всего приграничные горы и плато. Не высота гор — она редко превышает тысячу метров,— а все то же отсутствие экономической заинтересованности в освоении их богатств, полное бездорожье и часто непроходимые леса удерживали от проникновения сюда камбоджийцев.

Иностранцы, как правило, судили о горных районах Камбоджи только по горам Дамрей (Слоновые горы), через которые переваливает государственная дорога № 4. Она соединяет Пномпень и новый морской порт Кампонгсаом. Массив Слоновых гор оканчивается недалеко от Сиамского залива уступом Бокор, возвышающимся на 1075 метров над уровнем моря. Как и большинство вершин Камбоджи, Бокор венчает столовое плато. Склоны горы образуют крутые уступы. Сюда по отличной, вьющейся серпантином асфальтированной дороге возили

туристов и экскурсантов из Пномпеня полюбоваться на голубую, всегда спокойную, словно озерную, гладь Сиамского залива с непрерывной цепочкой густо заросших лесом островов, тянущихся вдоль камбоджийского берега.

На север от Бокора простираются Кардамоновы горы, или Кравань,— самая обширная и высокая горная цепь страны. Она тянется на сотни километров вдоль западной границы с Таиландом. Отроги этой горной цепи доходят до юго-восточного берега озера Тонлесап. Кравань изобилует столовыми вершинами, поднимающимися на высоту более полутора тысяч метров над уровнем моря. Одна из них, гора Ораль,— высшая точка Камбоджи — 1813 метров. Основание этой горной гряды сложено гранитами и перекрыто толщами песчаников и изверженных базальтов. Горы делятся на три подрайона. Каждый из них в свою очередь образует несколько отдельных массивов. Так называемая Центральная Кравань — сплошное нагромождение глыбовых гор.

На севере Камбоджи, вдоль границы ее с Таиландом, тянется невысокая (от 300 до 700 метров над уровнем моря) горная гряда Дангрэк. Она начинается у реки Сисопхон, круто обрывается к долине Меконга. Наивысшие точки — вершины Дангрэк (761 метр над уровнем моря) и Преахвихеа. Вторая гора названа так по имени построенного здесь еще в эпоху Ангкорской империи храма. Он и поныне — одна из национальных святынь, место паломничества кхмерских буддистов.

Западные склоны расположенного в основном во Вьетнаме массива Контум лежат в пределах Камбоджи. Здесь они расчленены многочисленными притоками Меконга. Западные отроги Контума невысоки — не более 500—700 метров.

Как уже отмечалось, горные массивы и плато, поросшие густым тропическим лесом, труднодоступны и малоисследованны. Но далеко не все они необитаемы. Напротив, именно в горах и на плато живут многочисленные народности. Они известны сегодня под общим названием «кхмер-лё». Каждое из племен имеет свой язык, свои нравы и обычаи, каждое из них ведет происхождение от разных этнических групп.

К самым древним народностям, обитающим в горах Камбоджи и представляющим одну из больших этнических групп, относятся ксахи, стиенги и пнонги. Они живут на восточных окраинах страны и являются прямыми потомками древнейших поселенцев на территории Камбоджи — светлокожих индонезийских племен, обосновавшихся здесь задолго до нашей эры. Невысокие, но прекрасно сложенные, с тонкими талиями и черными прямыми длинными волосами, очень подвижные,

представители этих племен занимаются охотой и подсечно-огневым земледелием, то есть ведут такой же образ жизни, что и их далекие предки.

В горах Кравань, на побережье залива Веальреинь (к западу от города Кампот) и на северном побережье залива Кампонгсаом обитают пор, самрэ и куи. Это уже потомки более поздних пришельцев — негроидных племен с Коромандельского берега, расположенного на юго-востоке Индии. Они частично оттеснили индонезийские племена в горы, частично смешались с ними, образовав новую народность, которую и застали индийцы первой волны колонизации.

Представители этих племен низкорослы, имеют широкий и плоский нос, выдающиеся скулы, темную с бронзовым отливом кожу и вьющиеся волосы. Именно так, по свидетельству хроник, выглядели древние фунанцы. Но это не фунанцы, а их предшественники, не пожелавшие в свое время смешаться с индийцами, ушедшие в горы и до сих пор сохранившие первозданный облик и примитивный образ жизни.

Ни первой, ни второй этнической групп не коснулась индийская цивилизация, никакого влияния на их быт и жизнь не оказали ни Ангкорская империя, ни более поздние правители и государства.

Жители равнин, основная масса современного населения Камбоджи, кхмеры — сложный сплав племен и народов, смешивавшихся на протяжении многих веков и объединенных ныне общностью территории, исторической судьбы, экономики, культуры и религии.

Смешение древних кхмеров в средние века с представителями азиатских народов, и прежде всего с таи, вьетнамцами и китайцами, распрямило их волосы, высветлило кожу, ослабило негроидные черты лица. Но и сегодня каждый, побывавший в Камбодже, легко отличит кхмера от вьетнамца или китайца.

У кхмеров не такие прямые, нередко даже слегка вьющиеся волосы, смуглый, легко поддающийся загару цвет кожи, широкий нос, полные губы. В основном кхмеры — красивая нация. Они прекрасно сложены. Фигура занимающегося физическим трудом мужчины напоминает фигуру гимнаста с хорошо развитой, рельефной мускулатурой. Правда, иногда они выглядят несколько массивными.

Современная кхмерская женщина, хотя ее и отделяют века от времени Ангкорской империи, тем не менее словно апсара, сошедшая с фресок Ангкора. Те же полные округлые груди, та же тонкая талия, широкие бедра и та же мягкая улыбка хорошо очерченных крупных губ.

Официальные источники утверждают, что кхмеры составляют $^{5}/_{6}$ населения страны. Вероятно, эта цифра близка к истине. «Вероятно» потому, что в Камбодже помимо кхмер-лё (численность кхмер-лё учесть очень трудно, ибо, хотя их название начинается со слова «кхмер», относить их к современной кхмерской нации можно лишь условно) существует довольно многочисленная прослойка так называемых ассимилированных кхмеров. Они пользуются всеми правами камбоджийского гражданства, но кхмерами все-таки не являются. К ним относятся малайцы, родственные им чамы — потомки основателей некогда могущественного государства Чампа и, наконец, лао, или лаотянцы,— потомки пленников, уведенных из соседних стран в Камбоджу во времена Ангкорской империи.

«Истинные» кхмеры живут преимущественно в селах и занимаются земледелием. Китайцы и вьетнамцы осели в городах. По официальным данным 1970 года, в Камбодже проживало, сохраняя статус иностранцев, около трехсот тысяч вьетнамцев и около пятисот тысяч китайцев.

Китайцы играли существенную роль в экономической жизни страны. В их руках находилась большая часть торговли, им принадлежали многие промышленные предприятия, начиная с деревенской крупорушки и кончая фабриками.

+40 по Цельсию после захода солнца

Жаркий июльский день. По небу чрезвычайно медленно и величественно плывут кучевые облака. Уже с утра парит. К полудню духота становится невыносимой, насыщенный парами воздух недвижим, солнце нещадно палит, и ничто не предвещает освежающего дождя.

И так каждый день. Белоснежные, очень красивые, разнообразных очертаний, почти неподвижные кучевые облака, раскаленное добела солнце, и влажность воздуха больше 90 процентов.

Школьные учебники говорят, что относительная влажность воздуха — это процентное отношение водяного пара, находящегося в воздухе, к упругости насыщенного пара при той же температуре. Говоря упрощенно, если взять литр камбоджийского воздуха и охладить его на несколько градусов — получишь

поллитра воды. Для этого, естественно, нужна соответствующая аппаратура, и установка кондиционирования воздуха из комнаты примерно в 45 кубических метров «отжимает» за ночь больше ведра воды, не доводя при этом влажность воздуха до привычной нам. Жителями умеренных широт влажная жара обычно переносится плохо. Кхмеры, наоборот, такую погоду предпочитают сухой жаре.

Камбоджа расположена невдалеке от экватора, между 10 и 16 градусами северной широты в той части Тропической Азии, которой свойствен муссонный климат. Здесь нет смены времен года. Год просто делится на два приблизительно равных периода: сухой сезон, продолжающийся с ноября по апрель, и сезон дождей — с мая по октябрь.

Во время сухого сезона дует северо-восточный, или зимний, муссон, приносящий с собой сухой воздух с континента. Наибольшей силы он достигает в январе. Декабрь и январь, как и у нас, здесь самые «холодные» месяцы года (+26 градусов Цельсия). С февраля температура воздуха поднимается. Обычно колебание средней температуры по сезонам всего четыре-пять градусов (январь 25—26, апрель 30 градусов). Но бывают годы, когда ртутный столбик термометра упорно держится у отметки 40 градусов. Такими были 1968—1970 годы. Причем жара начиналась уже в марте и не спадала по нескольку месяцев, а дожди вместо середины апреля — начала мая приходили в конце мая — начале июня. Это были годы сильной засухи, нанесшей немалый урон камбоджийскому сельскому хозяйству.

С мая по октябрь с Индийского океана летний муссон приносит массы теплого и влажного воздуха на континент.

Апрель — месяц межсезонья. Зимний муссон теряет силу, а летний еще не набрал ее, и над страной повисает тяжелая липкая жара. Хочется пойти под душ, чтобы хоть на какое-то время ощутить прохладу. Однако в душевой на тебя низвергается поток очень теплой воды. Водопроводная сеть в Камбодже проложена близко к поверхности земли, и вода в ней нагревается. Почти таков же эффект и от купания в реке. Вода не освежает.

Принято думать, что жителям тропиков привычный им климат ничего не приносит, кроме радости. На самом деле каждый из существующих двух сезонов несет кхмерам не только свои радости, но и невзгоды, и они ожидают их смены с таким же нетерпением, как и мы ожидаем смену сезонов. Начало сухого сезона, например, воспринимается кхмерами как избавление от изрядно надоевшей влажной духоты и хоть небольшое, но понижение температуры. Но его последние месяцы (март — апрель) они переносят с большим трудом. В это время температура

воздуха быстро поднимается, достигая своего апогея. Не приносят облегчения и вечера: после захода солнца столбик термометра упорно держится на дневной отметке.

Люди в конце сухого сезона плохо спят, их мучают головные боли. В довершение всего в эти месяцы резко увеличивается количество простудных заболеваний. Как ни парадоксально на первый взгляд, воспаление верхних дыхательных путей, бронхиты, насморк типичны в конце сухого сезона. Причина простая. Измотанные жарой и работой, люди идут на все, лишь бы охладить свой организм: неумеренно пьют холодную воду, устраивают сквозняки, спят раздетыми на земле, подстелив лишь циновки и ничем не укрываясь.

И так было всегда, всегда жители тропических стран искали спасения от жары. Жилища, куда не проникает ни один луч солнца, зонты, всевозможные опахала, веера — вот тот небольшой арсенал средств защиты от беспощадного солнца, к которому прибегают в тропических странах, кажется, с тех пор, как в них живет человек.

Издревле и очень широко для тех же целей применяется в тропиках и народная медицина, прежде всего всевозможные массажи и растирания. В Пномпене, например, часто можно встретить людей, грудь, шея и даже лицо которых в багровых кровоподтеках. Это следы традиционного массажа. Его делают с помощью медной монеты или специальной палочки с медным кружком. Прибегают также к помощи обыкновенных медицинских банок.

За городом жара переносится несколько легче, чем в городском пекле. Но «легче» оказывается понятием очень относительным.

В 18 километрах от Пномпеня, по дороге, ведущей на Сайгон, на одном из рукавов Бассака, есть местечко, называемое Коки — от растущих здесь на берегу деревьев. Это высоченные, по форме очень напоминающие пирамидальные тополя деревья, из стволов которых кхмеры делают цельнодолбленные лодки.

В выходные дни сюда съезжалась отдохнуть масса народа. Вездесущие китайские торговцы разбивали передвижные кухни, киоски на колесах с прохладительными напитками, жители окрестных деревень привозили всевозможные фрукты.

Несколько поодаль, прямо на воде,— домики, сдаваемые внаем. Домики эти представляют собой маленькую копию обычного кхмерского дома-пайотта: четыре дощатые стены, крошечная, метра четыре квадратных, комнатка с топчаном и открытая веранда, ступени которой ведут прямо в воду.

Хозяйка четырех домиков, где чаще всего любили останавливаться европейцы, полукхмерка-полукитаянка, жила рядом на берегу. Как и большинство кхмерских домов, дом ее состоял всего из одной небольшой комнаты. Всю стену напротив входа занимали полки, уставленные всевозможных форм и размеров бутылками с водой и местными винами. Бутылки были покрыты толстым слоем пыли, а этикетки на них давно потеряли свой первоначальный цвет.

Под полками около стены — деревянный топчан, покрытый циновкой. В комнате висит тяжелая липкая духота. Хозяйка, грузная, пожилая женщина, дремлет на топчане. Входит редкий посетитель, просит воды, вина. Женщина медленно приподнимается, какое-то мгновение смотрит на него. Наконец до ее сознания доходит, что это покупатель. Взгляд ее несколько проясняется, и она хрипло и негромко зовет:

— Мэнь!

Мэнь, крепкий молодой парень, не торопится.

— Мэнь! — уже громче зовет хозяйка.

Мэня все нет. Женщина сама, не слезая с топчана и не поворачивая головы, начинает свободной рукой шарить по полкам с бутылками. Нужная никак не попадает под руку, и хозяйка, кажется, уже готова преодолеть сонное полузабытье и встать, но тут появляется на пороге заспанный Мэнь. Ничего не сказав ему, только указав глазами на посетителя, женщина медленно сползает на циновку и снова погружается в тяжелое полузабытье.

И когда меня спрашивают о тропической жаре, я всегда вспоминаю не раз виденную мной картину: деревянный топчан, открытую несуществующему ветру комнату, с густой зависшей в ней духотой, и грузную женщину, как бы придавленную зноем к топчану.

Колонизаторы создали легенду о восточной лени. Ленью, апатичностью, якобы присущими кхмерам, нередко на Западе пытаются объяснить экономическое отставание Камбоджи. Но стоит вспомнить памятники Ангкора, грандиозную и совершенную по тому времени систему ирригационных сооружений Ангкорской империи, созданные этими людьми, стоит проехать по асфальтированным дорогам, проложенным кхмерами, увидеть воздвигнутые ими часто без применения даже элементарной техники современные здания и изящные виллы, как легенда рассыпается в прах. Ведь все это создано в таких климатических условиях, в которых человека преследует единственное желание — лечь где-нибудь в тени и не двигаться.

В сезон дождей легче дышится. Дожди несколько смягчают жару, но, самое главное, начинают дуть ветры. Однако за весь

сезон ни один кхмер с зонтиком или в плаще не выходит на улицу. Объяснение просто: ливни, обрушивающиеся ежедневно, начинаются в строго определенное время и продолжаются два-три часа. В одно и то же время в одном и том же месте горизонта появляется небольшая черная тучка. Это означает, что в течение ближайшего получаса начнется ливень. На время ливня вся жизнь замирает: ни одного прохожего, ни одной машины, велосипедиста или рикши — повсюду безраздельным хозяином становится низвергающаяся с неба вода. Если ливень застает машины в пути, они останавливаются. Ехать невозможно. Впечатление такое, будто машину поливают из шланга.

Уже через час после ливня ни в городе, ни на дорогах нет никаких следов воды: все, что не успело впитаться в землю, уйти на поля, превращающиеся в дождливый сезон в сплошные озера и реки, снова поднялось в воздух, до предела насытив его парами.

Дождливый сезон в Камбодже совпадает со временем таяния снегов в горах Тибета. Талые и дождевые потоки устремляются в Меконг. Его течение становится стремительным, уровень вод поднимается в отдельных местах на 30 метров, а в районе Пномпеня — на 9 метров. Пропускная способность русла в нижнем течении реки намного меньше, чем количество воды, устремляющейся к морю. Избыток ее растекается по равнине, оставляя после себя плодородный ил.

Обычно разлив тропических рек приносит немало неприятностей жителям окрестных сел и городов, а нередко сопровождается сильными разрушениями. Поэтому в особенно опасных местах строятся высокие дамбы. Но берега Меконга не знают мощных дамб. Их отсутствие объясняется тем, что сток реки зарегулирован самой природой. В связи с этим говорят, что мифический Нага был в ударе, создавая Камбоджу, и предусмотрел самые благоприятные условия для ее будущих жителей.

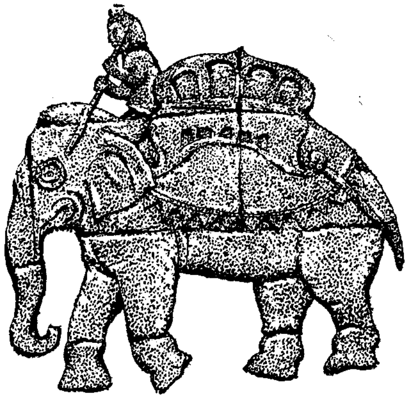
Действительно, великая река Азии сформировала прекрасные плодородные земли камбоджийской низменности. Меконг с притоками образует очень удобную разветвленную сеть путей сообщения, практически пронизывающую почти всю территорию страны, связывающую юг Камбоджи с ее окраинными северо-восточными провинциями и остающуюся судоходной в течение всего года. Наконец, в сезон дождей Меконг не причиняет людям вреда и не требует создания защитных сооружений.

Отсутствие катастрофических разливов объясняется тем, что у Пномпеня в Меконг впадает река Тонлесап, которая служит естественным отводным каналом, перебрасывающим избыточные воды великой реки в огромное естественное водохранилище — озеро Тонлесап. Когда воды Меконга поднимаются достаточно высоко, они начинают подпирать воды реки Тонлесап, и последняя поворачивает свое течение вспять. При понижении уровня воды в Меконге течение Тонлесап снова устремляется к главной реке.

Так страна избегает разрушительных наводнений, а уровень воды в Меконге круглый год остается достаточно высоким.

Тонлесап отсасывает огромное количество воды. В период дождей акватория озера увеличивается в три с лишним раза и достигает 10 тысяч квадратных километров. Глубина озера возрастает в 5—10 раз и достигает 12 метров.

Слоны на улицах столицы



Если загадать нашему ребенку известную старинную загадку: «Кто над нами вверх ногами?» — то он назовет муху. Кхмерский ребенок, также не задумываясь, ответит на ваш вопрос, однако назовет не муху, а геккона, небольшую ящерку, которая чуть ли не круглые сутки без устали пожирает насекомых. Это небольшое, почти бесцветное пресмыкающееся — первое животное, которое видит камбоджийский ребенок на потолке и стенах своего жилища, и первое животное, с которым — уже на аэровокзале — обязательно познакомится любой приезжающий в Камбоджу иностранец.

Некрасивая ящерка совершенно безобидна. Кхмеры любят ее и не беспокоят — ведь она очищает их дома от насекомых.

Гекконы неподвижно сидят на стенах и потолке, разделенных у них на невидимые для человека, но весьма строго соблюдаемые зоны охоты, ожидая добычу. Чаще всего ящерицы не подбираются к своим жертвам, а поджидают, когда комар, муха, ночная бабочка сами приблизятся на 10—15 сантиметров — на расстояние броска. Бросок этот молниеносен, почти незаметен для глаза, но очень точен — добыча наверняка оказывается в пасти геккона.

С другой очень распространенной рептилией тоже можно познакомиться, не выходя из дома. Это акей, как называют его кхмеры за издаваемый им по вечерам крик. «Акей, акей, акей»,— отчетливо, протяжно и громко раздается со стороны того дома, где он соблаговолил обосноваться на житье. Именно «соблаговолил», потому что акей у кхмеров почитается священным животным, и если кто-нибудь из домочадцев убьет его — быть беде...

Акей несколько напоминает небольшого тупорылого крокодила. Его длина достигает 70 сантиметров, а толщина туловища — больше десяти. У него пупырчатое, серовато-сизоватого оттенка тело, покрытое яркими красно-фиолетовыми пятнышками-точками, красиво переливающимися под электрическим светом.

Участки земли, приобретаемые в городе под застройку, очень малы. Значительную часть их занимают сами постройки, в основном двухэтажные, реже — трехэтажные. Дома часто настолько тесно прижаты друг к другу, что соседи по верхним этажам могут обмениваться рукопожатиями. Но даже узкое пространство между коттеджами не пустует. Здесь ухитряются насадить и декоративные растения, и плодовые культуры, особенно папайю.

Папайя, или дынное дерево,— это растение с полым стволом, достигающее метров семи в высоту и сантиметров двадцати в диаметре. Его плоды, похожие скорее не на дыню, а на небольшие кабачки, совершенно необычны по вкусу. Незрелые плоды — зеленые, по мере созревания они становятся желтыми, а позже ярко-оранжевыми. Это один из самых распространенных и самых дешевых фруктов Камбоджи. Он очень полезен, особенно для людей, страдающих болезнями желудочно-кишечного тракта.

Перед фасадом дома, где земли побольше, посадки еще разнообразнее. Тут и кокосовые пальмы, шелест листьев которых на ветру походит на скрежет кровельного железа, и декоративный кустарник, и различные вьющиеся растения, и цветы, самые распространенные из которых — красная и белая магнолии и бегония.

Если на участке при доме есть хотя бы маленькая тенистая лужайка, на ней часто можно наткнуться на непрошеную гостью — небольшую змею. На обширных же и очень красивых газонах Высшего технического института кхмеро-советской дружбы студенты ежегодно находили как минимум одного, а то и двух огромных питонов.

В каждом дворике всегда обитают древесные лягушки. Вечером, высоко подняв на тонких ножках неуклюжее тело, они

ковыляют из своих нор к кустарнику, чтобы, забравшись на него, уничтожать насекомых.

Время от времени вечерами в сезон дождей на улице слышен рев, напоминающий мычание целого стада коров. Этот мощный звук издают лягушки-коровы. К счастью, они ревут не так уж долго и часто.

На окраинных улицах города нередко встречаются слоны. Это слоны-труженики. На них, как правило, развозят рис для продажи, так сказать, с доставкой на дом. Можно посмотреть на слонов и в «королевских» конюшнях. «Королевские» слоны ничем не отличаются от обычных, кроме одного — они «тунеядцы». Некогда они являлись непременным атрибутом королевского выезда. Однако эта традиция давно забыта.

В Пномпене, да и в Камбодже вообще, когда я там жил, не было ни одного зоопарка. Но на окраине города, где самая большая улица, бульвар Монивонг, переходит в государственную дорогу № 1, соединяющую кхмерскую столицу с Сайгоном, стоял небольшой домик, хозяин которого держал несколько диких животных для показа.

Посетитель, входя в назначенный день и час в этот домашний зоопарк, прежде всего видел девочку лет пяти — семи с небольшим, метра полтора, питоном на шее. На тропинке, ведущей в глубь двора,— второй, уже крупный питон, специально вынесенный сюда хозяином к приходу посетителей. Питон пытается уползти, будто предчувствуя, что скоро его начнут тискать, вешать на шею, имитировать борьбу с ним, чтобы запечатлеть все это на фотопленке.

Питон был гвоздем программы. В глубине дворика сидели две мартышки на цепочках, которые в отличие от их смертельного врага, многотерпеливого питона, были очень злы и никого к себе не подпускали. Перед самыми окнами находился небольшой бетонированный бассейн, заполненный грязной, застоявшейся водой. В нем, тесно прижавшись друг к другу, лежали два крокодила. Бассейн окружала невысокая изгородь. Хозяин не советовал посетителям дразнить или пытаться расшевелить рептилий. В справедливости его совета я легко убедился, совершив небольшую прогулку за город, в крокодилий питомник.

Такие прогулки для иностранцев время от времени устраивала одна из пномпеньских туристских фирм. Основной целью прогулок на катере вниз по Меконгу, правда, являлись не крокодилы, а небольшая деревня на берегу реки — традиционный центр ручного золототкачества. В этой же деревне иностранных туристов знакомили и с древним свадебным обрядом,

специально разыгрываемым местными жителями. Крокодилий питомник посещался уже на обратном пути. Там-то и можно было познакомиться с истинным характером этих невозмутимых и неуклюжих на первый взгляд хищников.

Питомник представляет собой довольно большой и очень грязный пруд, огороженный со всех сторон высоким бамбуковым забором. Те крокодилы, что находятся в воде, демонстрируют посетителям лишь глаза и ноздри, но немало их во всей своей красе распростерлось и на берегах. Тела рептилий, разбросанные в беспорядке, напоминают сухие коряги и почти сливаются с землей.

В какой-нибудь другой стране знакомство с этими хищниками, возможно, и закончилось бы малоинтересным созерцанием неподвижных животных, но в Камбодже иностранцам, как малым детям, позволяли делать то, что в других странах не разрешают и соотечественникам. Здесь спокойно можно было залезть на забор и с помощью толстой и длинной палки попробовать расшевелить этих «флегматиков». Эффект потрясающий! Только что не обращавший внимания ни на тебя, ни на твою палку хищник в мгновение ока взвивается метра на полтора вверх, слышится сухой хруст, мелькает желтое брюхо — и крокодил уже так же неподвижно, как и раньше, лежит на своем месте, а возле него переломанная, словно сухая былинка, здоровенная палка. И тогда вспоминаешь добрые советы хозяина домашнего зоопарка.

Чтобы увидеть обезьян, свободно разгуливающих на воле, достаточно выехать за город за 30 километров в так называемую Обезьянью рощу. Эта роща покрывает склоны одной из многочисленных, разбросанных по камбоджийской равнине «пхномов» — островных гор. На ее вершине стоит древняя пагода, а в роще — множество обезьян.

Посетителей в Обезьяньей роще было много. Сюда приезжали отдохнуть и развлечься и сами кхмеры, и проживающие в Пномпене иностранцы, но не из-за пагоды. В основном все стремились посмотреть на слонов и обезьян. И каждый обязательно вез с собой бананы для тех и других.

Обезьян здесь действительно множество, но назвать их совершенно дикими было бы неверно: они основательно развращены туристами. Безбоязненно целыми стаями поднимались они из леса к краю открытой площадки, беззастенчиво выклянчивая у посетителей лакомства и даже вырывая их из рук зевак.

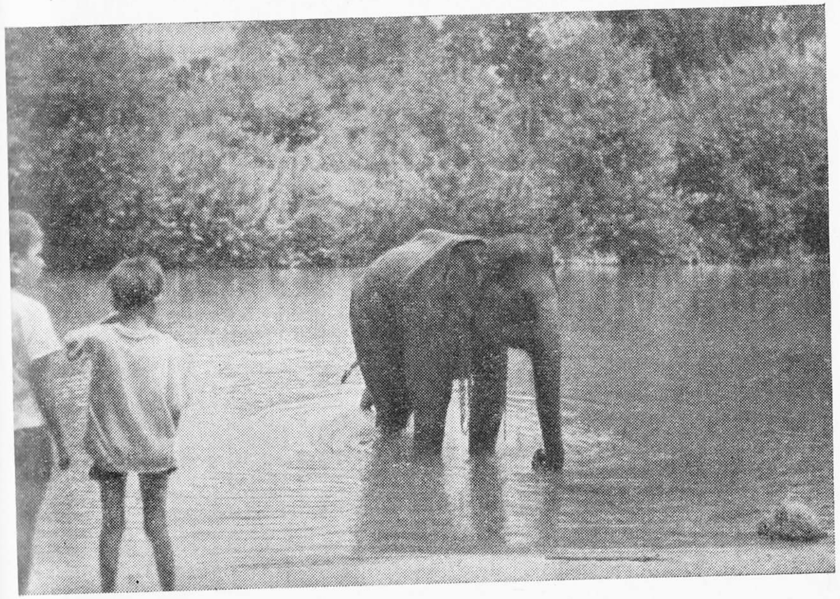
Как только свежая партия туристов раздавала им все бананы, обезьяны удалялись с сознанием выполненного долга и возвращались только с приходом очередного автобуса.

Главенствовал в обезьяньем стаде сильный и злобный самец. Пока он не наедался, ни одна обезьяна не допускалась к бананам. Если это правило нарушалось и несмышленый маленький детеныш, не выдержав, хватал протянутое ему лакомство, сейчас же следовала основательная взбучка. При этом вожак успевал проглотить еще и отобранное у нарушителя.

Обычная картина: вожак сидит впереди и с проворством поедает все, что бросают посетители обезьянам. За ним в затылок друг другу сидят все остальные, включая самых маленьких. Наевшись, вожак отходит, и сразу начинается вакханалия: очередь смешивается, отовсюду тянутся маленькие черные лапки, начинается драка. Более опытные обезьяны, схватив добычу, выбегают из общей кучи, запихивают пищу в защечные мешки и снова бросаются в свалку. Испуганное или услышавшее зов вожака стадо моментально рассыпается, исчезая среди деревьев, при этом малыши успевают накрепко вцепиться в шерсть матерей, повиснув у них под животом.

А в глубине площадки был устроен другой, уже специально подготовленный аттракцион: вожатые слонов демонстрировали свое мастерство и выучку животных. Они заставляли слонов ло-

Слон в Обезьяньей роще



житься, менять аллюр, делать крутые развороты, внезапно на всем бегу останавливаться и даже бороться.

Познакомившись с многочисленными представителями животного мира и растительности непосредственно в столице и ее ближайших окрестностях, невольно предполагаешь, что стоит выбраться в джунгли — и перед тобой сразу откроется все огромное разнообразие фауны и флоры тропиков.

Действительно, природа Камбоджи отличается большим разнообразием. Достаточно сказать, что в ее лесах, которыми занята добрая половина территории, насчитываются сотни видов различных деревьев, не считая кустарников. Очень богата и фауна, особенно много птиц и пресмыкающихся. Но познакомиться с флорой и фауной Камбоджи в натуре — трудная задача. Прежде всего из-за отсутствия дорог. Стоит свернуть с основных магистралей, соединяющих центры провинций со столицей, как оказываешься во власти бездорожья. Трудно и потому, что без надежного проводника вряд ли кто из иностранцев рискнет углубляться в джунгли. Поэтому для большинства из них, посещавших Камбоджу не со специальной исследовательской целью и наблюдавших ее природу из окна автомобиля, она оставалась страной довольно однообразного ландшафта. Впечатление о джунглях, так сказать со стороны, далеко не совпадает с впечатлением, составленным по книгам.

Представьте себе высокий лес с побуревшей от зноя и пыли листвой, как бы наглухо закутанный маскировочной сеткой. На опушке его вы не услышите ни шороха листвы, ни щебета птиц. Совершенно немой, словно вырезанный искусным бутафором из жести и оставленный за ненадобностью пылиться возле дороги лес. Но если даже вы углубитесь в него, вас все равно окружит полная тишина. В ветвях не слышно ни пения, ни щебетания, ни призывных звуков, ни криков хищников или их жертв. Однако это не означает, что лес пуст, просто днем жизнь в нем замирает и умолкают даже крикливые попугаи. Молча сидят они, скрытые густой листвой на вершинах гигантских деревьев, пожирая плоды.

Джунгли оживают только вечером, с наступлением темноты. Начинают свой концерт древесные и наземные лягушки. Снимаются со своих мест и мчатся призраками летучие мыши, лес наполняется пением цикад и стрекотанием. А в горных лесах можно услышать и мощный рык тигра, называемого кхмерами «кхла».

И все-таки попробуем заглянуть в леса и джунгли Камбоджи. Но прежде несколько слов о самом понятии «джунгли». «Джангал» — так индийцы называют непроходимые древесно-

кустарниковые заросли с подлеском из грубостебельных злаковых, особенно бамбука. Из хинди это слово перекочевало во все европейские языки. Для непосвященного за ним сразу встают могучие деревья, увитые лианами и изукрашенные цветами орхидей. В этом буйном мире цветов и зелени без устали прыгают обезьяны, проносятся играющие всеми цветами радуги попугаи и снуют многочисленные звери. Однако сегодня понятие «джунгли» очень емко, неопределенно.

В Камбодже одна из разновидностей джунглей представлена влажными тропическими лесами (гилеями). Эти обширные непроходимые леса раскинулись на заболоченных и сырых низменностях. В них и гигантские деревья с досковидными корнями, и орхидеи, и обезьяны, и попугаи, сверкающие всеми цветами радуги.

Значительные площади занимают леса, которые ботаники называют зимнезелеными (с опадающей в засушливый сезон листвой).

Эти два типа леса представляют, пожалуй, и наибольшую ценность, и наибольший интерес. Именно в них, и в особенности в гилеях, произрастает большинство ценных пород деревьев. Многие из них принадлежат к так называемым диптерокарповым, или двукрылоплодным. Это семейство очень многочисленно, оно насчитывает 330 видов, объединенных в 17 родов.

Мировую известность и славу получили такие породы, как сал — гигантское дерево с очень твердой древесиной, достигающее в диаметре двух с половиной метров и живущее до 200—300 лет, кохинхинская дальбергия, или камбоджийское палисандровое (черное дерево), красное дерево.

Если черное дерево в самой Камбодже идет в основном на ремесленно-художественные поделки (статуэтки, трости, шкатулки), то красное дерево используется повсюду. Неотесанные ступеньки, ведущие в воду в Коки,— из красного дерева, кое-как сбитые из неструганых досок или брусьев перильца — тоже из красного дерева, даже строительные леса и те из красного дерева.

Из наиболее известных нам пальм здесь растут представители таких семейств, как миртовые, кипарисовые, тутовые, мимозовые. Их высоко взметнувшиеся гладкие и блестящие стволы часто увиты лианами, самыми распространенными из которых являются некоторые орхидеи и лазающая пальма ротанг.

Ротанг очень любопытное растение, типичный представитель лиан. Стебли этой пальмы слабые, тонкие, не более трех — пяти сантиметров. Зато длины ротанг достигает постине гигантской — до 400 метров. Естественно, что при таких соотношениях

длины и толщины нужна опора, и ротанг по мере роста ползет по земле, цепляясь за нее острыми, загнутыми вниз шипами, которыми заканчиваются перистые листья, а добравшись таким образом до дерева, карабкается по нему вверх. Вскоре лиана так опутывает великана, что самого дерева и не видно. Но эта пальма-паразит отнюдь не бесполезна. Из ее плодов получают сок, называемый «драконовой кровью», который широко используется для изготовления красок, лаков, олиф.

Другой тропический паразит — сандаловое, или санталовое, дерево — достигает в обхвате двух метров и десяти метров высоты. Это дерево в отличие от ротанга паразитирует, если так можно выразиться, на правах сильного. Оно селится среди крупностебельных злаковых — сахарного тростника, бамбука — и своими гаусториями (специальными присосками) присасывается к корням этих растений и живет за их счет. Почти круглый год сандаловое дерево покрыто мелкими источающими тонкий аромат цветами, собранными в метелочки. Древесина этого дерева очень высоко ценится. Аромат ее отчасти напоминает запах розы (отсюда его второе название — розовое дерево). Поделки из сандала долго сохраняют тонкий приятный аромат. Этому есть простое объяснение: каждые 100 килограммов сандалового дерева содержат до шести килограммов эфирного сандалового масла, используемого в парфюмерной промышленности при изготовлении ценных сортов духов.

В джунглях Камбоджи можно встретить и нашего старого и хорошего знакомого. Это фикус — огромное, с развесистой кроной дерево с гладким и блестящим, словно полированным, стволом. Глядя на этого гиганта, трудно поверить, что в каком-нибудь далеком от Камбоджи заснеженном сибирском селе стоит в горшке прямой потомок этого фикуса.

На затопляемых участках побережья Сиамского залива царство мангровых лесов. Это лес, во время приливов «по колено» стоящий в воде, крепко вросший корнями в вязкий соленый ил. Здесь прекрасно чувствуют себя ризофоры, авицении, перистая кустарниковая пальма «нипа», болотный финик, зоннерация и многие другие растения.

Не менее разнообразен и богат животный мир тропических лесов Камбоджи. Кроме тех животных и птиц, о которых мы уже говорили, там обитают гиббоны, макаки, мангусты и их близкие родственники циветы. В низинах водится болотный олень, мало чем отличающийся по внешнему виду от обычных оленей, некогда было много кабанов, но сейчас они сильно истреблены. В более отдаленные времена в лесах на границе с Вьетнамом водились даже носороги. Сегодня носороги остались

только в камбоджийских сказках. Есть тигры, самым крупным из которых является уже упоминавшаяся их разновидность, называемая кхмерами «кхла». Тигры живут как в равнинных лесах, так и в горных, причем самой ценной считается шкура горного тигра. Много в лесах и диких кошек, красивых, стройных животных, которые раза в два крупнее обычной домашней кошки.

На горных плато Камбоджи раскинулись саванны. Это обширные районы, покрытые травянистой растительностью (преобладает удивительно живучая и быстро распространяющаяся трава трань с высоким и очень прочным стеблем), с разбросанными среди трав кустарниками и островками пальм. Места, выжженные пожарами, заняты зарослями бамбука и дикого банана.

В саваннах сосредоточен мир наиболее крупных животных Камбоджи, в основном представителей парнокопытных. Здесь можно встретить гауров, живущих небольшими, в пять — двенадцать голов, стадами. Это крупные животные, несколько напоминающие зубра, только голова у них больше и по-иному поставлена. Бык гаур достигает трех метров в длину и более двух в холке. У него массивные, загнутые ухватом рога до восьмидесяти сантиметров в длину. Коричнево-черная спина и бок почти сливаются с выжженной солнцем травой саванн.

Эти джунгли населены обезьянами

Парами или в одиночку бродят в поисках пищи небольшие, изящные, с откинутыми косо за спину рогами олени мунтжаки. В тени деревьев или низинах, где со времени дождливого сезона осталось еще немного грязи, видны огромные черные туши диких буйволов. Ближе к горам, где саванны переходят в лес, пасутся бантенги, сравнительно небольшие животные, напоминающие обычную корову рыже-бурого цвета.

Совсем недавно в Камбодже был обнаружен очень редкий бык купрей. Охота на него запрещена. На всех остальных животных и птиц охота разрешалась почти круглый год. Правда, сами кхмеры не охотятся. С одной стороны, убивать животных им запрещает религия, с другой — Камбоджа, как ни одна страна Азии, была обеспечена домашним скотом. Считалось, что население имело около полутора миллионов голов только крупного рогатого скота, то есть в среднем минимум по две головы на каждую семью. Кроме этого у кхмеров всегда было много свиней, которые находятся у них практически на подножном корму.

А вообще, если даже не учитывать крупных животных, охота здесь великолепная. Какой только дичи нет в Камбодже: многие виды гусей, уток, фламинго и пеликаны, лебеди, фазаны, дикие петухи, куропатки — словом, легче сказать, какой птицы нет в лесах, саваннах и на многочисленных протоках, озерах и реках, чем перечислять то, что есть.

По дороге из Пномпеня в сторону Кампонгсаома, между 80-м и 90-м километрами, справа, на небольшой полянке, стоит скульптурное изображение оленя и еще издали заметный указатель: Кирином — 32 километра. Вскоре после поворота дорога начинает круто забирать вверх. Километров через пятнадцать даже в самое жаркое время года ощущается свежее дыхание встречного ветерка. Еще немного, и машина останавливается на ровной асфальтированной площадке. Дальше проезжей дороги нет. Кругом, насколько хватает глаз, тянется уходящий зелеными волнами к горизонту сплошной сосновый лес. Это плато Кирином, более 24 тысяч гектаров которого сплошь заросли лесом.

Плато Кирином — восточная окраина горного массива О-Молу, составляющего часть Краваня. Это один из малоисследованных и совершенно необитаемых районов Камбоджи. Климат плато близок к климату нашей средней полосы. Здесь всегда чистый, прозрачный и сухой воздух, который можно вдыхать полной грудью. Здесь струи горных рек прохладны, а деревянные домики-коттеджи, построенные в былые времена для иностранцев и местной знати, насквозь пропитаны запахом хвои.

Пномпень

Пномпень — столица Камбоджи, крупнейший политический, культурный и промышленный центр страны. Город занимает территорию около 40 квадратных километров. Население составляло около 600 тысяч человек. Пномпень расположен на восточном берегу Меконга, у его слияния с рекой Тонлесап, на почти совершенно ровной, весьма незначительно поднятой над уровнем моря местности. Самая высшая точка города — искусственно насыпанный холм под названием Пном Дон-Пень. Пномпень имеет многовековую историю.

Счастье вдовы Пень

Пномпень, как гласит легенда, стал столицей не случайно, а по предзнаменованию свыше. Ниспослано было это предзнаменование в виде нескольких статуэток Будды, принесенных Меконгом в ветвях огромного дерева. Это случилось во время высокой воды. На счастье, на берегу сидела дон Пень, то есть вдова по имени Пень, чей дом стоял неподалеку, на крутом берегу реки. Увидев дерево, вдова, не мешкая, кликнула соседей и с их помощью на лодках отбуксировала его к берегу. Интуиция не обманула тетушку Пень: в ветвях дерева было обнаружено целых пять статуэток Будды — одна каменная и четыре бронзовые. Счастью вдовы не было границ. Она сразу поняла, что это знак, которым боги решили отметить ее праведную жизнь, поручив ей свершить нечто важное и значительное. Вдова бережно перенесла статуэтки к дому, насыпала под ними, как предписывал обычай, небольшой земляной холм, тут же заказала домашний алтарь, на который, как только он был готов, и водрузила спасенные ею изображения Будды.

Весть о чуде облетела все окрестности, и к дому вдовы потянулись люди. Каждый старался подсыпать хоть немного земли под священный алтарь. Так холмик начал расти. Он получил имя холма вдовы Пень, что по-кхмерски звучало как Пном-

Дон-Пень. Под этим названием он и стал известен всей округе.

Легенда, связанная с Пномпенем, имеет под собой реальную историческую почву. Однако при проверке исторических фактов оказалось, что рассказывает она не о возникновении города (поселка), а о рождении его названия.

Легенда говорит о том, что место на слиянии Меконга с Тонлесапом не было пустынным. И заселено оно, видимо, было кхмерами с незапамятных времен: уж очень удобно оно и для земледелия, и для рыбной ловли, и для торговли.

Даже статуэтки Будды, застрявшие в ветвях большого дерева, не выдуманы. Установлено, что они могли быть смыты потоком, разрушившим в 1372 году во время разлива Меконга одну из пагод в Лаосе.

Все это случилось в 1372 году, 19 лет спустя после первого в истории Ангкорской империи захвата Ангкора чужеземцами и ровно за 60 лет до того, как первый камбоджийский король Понья Ят, не выдержав семимесячной осады сиамцев, сдал Ангкор и решил навсегда покинуть места былой славы кхмеров, которые уже не мог ни удержать, ни защитить. Паника в королевском дворе была настолько большой, а разгром, учиненный сиамцами кхмерской армии, столь сокрушительным, что Понья Ят, почти не задерживаясь, с севера страны спустился далеко на юг.

Двигаясь вниз по течению реки Тонлесап, он наткнулся в один прекрасный день на большое село, защищенное с севера Меконгом. Это было село Пхном-Дон-Пень. Королю понравилось местоположение большого торгового села, а услышанная им история о божественном знаке, котором оно было некогда отмечено, окончательно склонила его к тому, чтобы основать здесь новую столицу Камбоджи. Вскоре на берегу реки появился королевский дворец с пагодой и еще шесть пагод для горожан. Город обнесли земляным валом.

Однако столицей Пномпень оставался сравнительно недолго. Уже в начале XVI века король Анг-Чанг снова перенес столицу на север, в город Ловек. За всю историю послеангкорской Камбоджи это был единственный король, в чье правление в стране установился относительный порядок, прекратились междоусобицы и, по свидетельству местных хроник, наблюдался значительный подъем в экономической и культурной жизни страны.

Однако подъем вскоре закончился. При преемниках Анг-Чанга Камбоджа снова начала слабеть, сиамцы по-прежнему продолжали вторгаться на ее территорию и наконец в 1594 году захватили Ловек. Это случилось при короле Сатхе. Сам Сатха вместе со своим двором бежал из осажденного города в Лаос. Оборону Ловека возглавил его младший брат Сорьопор, решивший всеми силами отстоять этот последний оплот Камбоджи. Но силы были неравны. Ловек пал. Правда, кхмерские хроники рассказывают, что причиной этого была не столько слабость, сколько алчность защитников. Согласно одной версии, король Сиама приказал стрелять из пушек, заряженных серебряными монетами. Увидев дождь серебра, сыпавшийся на осажденный город, защитники бросились собирать монеты, а сиамские войска в это время проникли в город. Есть и другая версия. Ловек был окружен густыми зарослями бамбука, в которых защитники устраивали удобные засады. Сиамцы, идя на приступ, каждый раз встречали достойный отпор противника, надежно скрываемого бамбуковыми зарослями. Тогда-то они и решили прибегнуть к хитрости: стали обстреливать чащу серебряными монетами, после чего сняли осаду и демонстративно ушли. Камбоджийцы, чтобы собрать монеты, моментально срезали бамбук. Подступы к городу были освобождены от естественной защиты, и сиамцы легко овладели им. Как бы то ни было, но сиамцы в январе 1594 года овладели Ловеком. Город был разграблен до основания, а затем сожжен. Королевская сокровищница, священные книги, хроники, книги Законов были уничтожены или вывезены в тогдашнюю столицу Сиама Аютию. Защитник города Сорьопор вместе с оставшимися в городе другими ближайшими родственниками короля был взят в плен и вывезен в Сиам. Та же участь постигла жителей города. Многие из них умерли по дороге.

Двадцать с лишним лет Камбоджа не имела постоянной столицы. Известно, что королевские резиденции находились и в Срейсантхоре, и в Бадбуре к югу от озера Тонлесап.

В 1620 году при короле Чей Четха II (1618—1625 годы) кхмеры окончательно решили оставить район Великого озера (Тонлесапа) и основать столицу в южной части страны. Но на этот раз выбор пал не на Пномпень, считавшийся, вероятно, к тому времени легкодоступным для врагов, а на Удонг, расположенный километрах в тридцати от Пномпеня.

Удонг — идеальное место для обороны. Это довольно высокая одиночная гора, окруженная со всех сторон болотистой равниной, густо покрытой лесом и бамбуковыми зарослями. Здесь и была выстроена новая столица.

Удонг оставался столицей гораздо дольше, чем Пномпень, — около 300 лет — и на протяжении всего этого периода не раз

доказывал правильность выбора, сделанного королем Четха II, удачно отражая осады иноземных захватчиков.

Пномпень же оставался крупным торговым центром страны, население которого намного превышало численность жителей столицы.

И только в 1866 году, три года спустя после провозглашения Францией своего протектората над Камбоджей, столицу снова перенесли в более удобно географически расположенный Пномпень.

Для простых кхмеров перенос столицы был обоснован, конечно, не новым положением Камбоджи, положением колонии могущественной европейской державы,— колонии, где королевская власть во многом становилась номинальной, а все тем же предзнаменованием свыше. Чтобы, паче чаяния, в этом никто не усомнился, холмик, где стоял алтарь вдовы Пень, был значительно надсыпан, и на нем вместо алтаря сооружена большая ступа, которую было видно из любой точки города.

К ступе ведет широкая каменная лестница, по обеим сторонам которой спускаются огромные мифические змеи — наги, выполненные из красного камня. Довольно обширная площадка вокруг священной ступы издавна была излюбленным местом «предсказателей судьбы». У каждого из них было строго определенное место, каждый обставлял это священнодействие посвоему, у каждого, вероятно, была соответствующая квалификации такса за гадание и составление гороскопов. Одни раскладывали очень немудреный реквизит на специальных столиках, некоторые имели для себя и клиентов стулья, другие довольствовались одним стулом, третьи обходились циновкой. Как и все гадальщики, местные «предсказатели» рассказывали о прошлом в общих чертах, но очень подробно и уверенно говорили о будущем. Гадали по руке, по чертам лица, по специальным таблицам. Как правило, выглядели «предсказатели судеб» аскетично, хотя и зарабатывали порядочные деньги на желании соотечественников и иностранцев заглянуть в будущее.

На столиках наиболее высокооплачиваемых «предсказателей» нередко рядом с таблицами, испещренными загадочными знаками, можно было увидеть транзисторный приемник самой последней марки — вещь, надо сказать, малодоступная даже для средней руки служащих. Такие «предсказатели» хорошо ориентировались в экономической и политической жизни страны, знали о происходящих в ней социальных процессах и пользовались вполне современной терминологией. Некоторые могли даже объясниться на французском языке. Одним словом, это отнюдь не невежественные люди.

«Предсказатели судеб» и составители гороскопов всегда пользовались в Камбодже большим уважением и почетом. К их услугам прибегали очень и очень многие. Достаточно сказать, что в Пномпене не было ни одной газеты, которая не отводила бы значительного места на своих страницах гороскопам. Они ежедневно публиковались даже в правительственной, выходящей на французском языке газете.

Однажды редакция решила прекратить их публикацию. Сразу посыпались возмущенные письма подписчиков, а розничная покупка газет тотчас же резко упала. И естественно, гороскоп тотчас же снова занял свое место на страницах газет.

Облик кхмерской столицы

Глазам туристов, у которых очень мало времени для ознакомления со столицей, Пномпень может показаться юным, красивым, зеленым, будто у него не было многовековой истории, будто новые широкие улицы и бульвары, расцвеченные рекламой кинотеатры, кафе и рестораны, то есть весь комплекс жилых, общественных и административных зданий, встававших перед путником на туристских маршрутах, возник на пустом месте.

Но если архитектура — каменная летопись, то Пномпень, с которым знакомился турист,— это всего две свеженаписанные строки: центр города, где возраст зданий равен возрасту века, а то и значительно моложе, и магистральные улицы, возникшие после 1953 года — года провозглашения независимости.

До того как Пномпень стал столицей, он представлял собой большое село, отличающееся от соседних сел только размерами. Здесь не было ни городской планировки, ни каменных зданий. Застройка столицы началась с возведения комплекса королевской резиденции, для которой избрали обширную площадку с видом на реку Тонлесап, километрах в полутора к северу от горы вдовы Пень. На этом, быть может, и закончилось бы строительство нового города, как случилось уже в бытность короля Понья Ята. Но на сей раз Пномпень стал не просто столицей

кхмерского королевства, а, пожалуй, прежде всего резиденцией верховных комиссаров Франции и многочисленного штата всевозможных чиновников колониального административного аппарата, коммерсантов, дельцов.

При французах и началось строительство жилых и административных зданий Пномпеня, благоустройство улиц, возведение вилл. За французами потянулись богатые китайские коммерсанты, которым колонизация Камбоджи Францией сулила расширение торговли и увеличение прибылей. Стали возводить виллы, подражая новым хозяевам, и представители местной знати. Так возник «старый» каменный город — административно-торговый центр и кварталы аристократического района, облик которого в последнее время лишь несколько модернизировался. Поодаль от него французы возвели гостиницы, жилые многоэтажные дома.

Границы «старого» города достаточно четко прослеживаются. Это довольно правильной формы прямоугольник, километра на два протянувшийся вдоль берега реки Тонлесап. И до последнего времени он был средоточием всей деловой, торговой и культурной жизни столицы. Здесь были расположены лучшие магазины, гостиницы и рестораны, большинство кинотеатров.

За пределами «старого» города в начале века между дорогами, расходящимися из столицы во все концы страны, было огромное скопление беспорядочно поставленных свайных домов и целых деревень. В «каменном» городе жили иностранцы: французы, китайцы, индийцы, члены королевской семьи и представители кхмерской знати, в «деревянном», точнее, «деревенском» — простые кхмеры, занимавшиеся земледелием и рыбной ловлей.

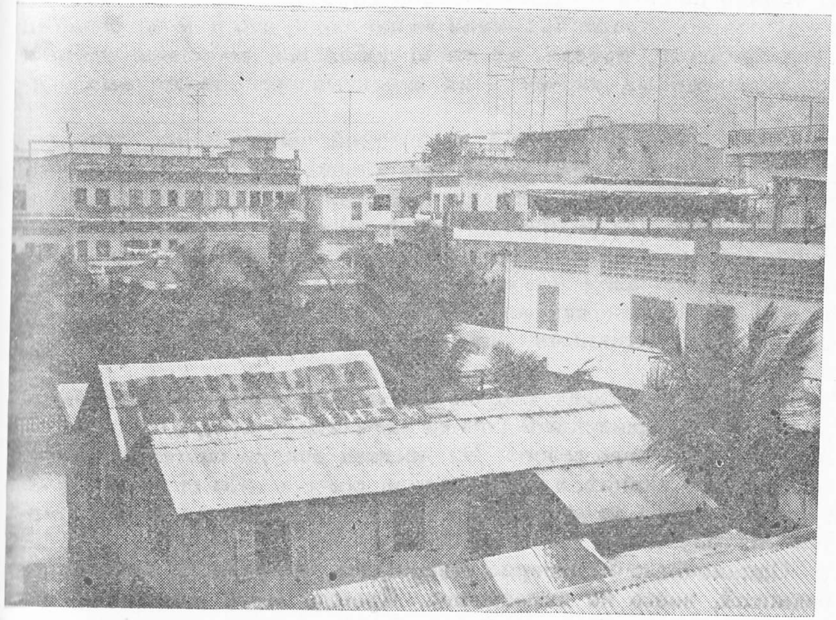
С получением независимости в Камбодже быстро и энергично стали возводиться вдоль всех магистралей, соединяющих отдельные городские массивы и ведущих из города в провинции, современные двух- и более этажные дома, административные здания, гаражи и виллы, рестораны, кафе и кинотеатры. Сами магистрали получили твердое покрытие, для пешеходов были проложены широкие, удобные тротуары. На новых улицах появилось электрическое освещение и водопровод. С осмотра новых столичных магистралей, старого центра и начиналось знакомство с городом большинства приезжающих в Пномпень. И как правило, никто не мог сдержать восхищения этим сравнительно небольшим, но удивительно чистым, опрятным, зеленым, вполне современным городом. Причем каждому старались подчеркнуть, что город возник за последние пятнадцать лет на месте деревянных лачуг. Когда приезжий попадал на улочки аристократических кварталов города, где из пышной тропической зелени садов и цветников выглядывали изящные, со вкусом выстроенные двух- и трехэтажные виллы, он чувствовал себя так, как будто попал не в столицу, а в уютный курортный городок. И только прожив в Пномпене продолжительное время, можно было понять, что все увиденное в первые дни далеко не типично для всего города.

Чтобы убедиться в этом, достаточно было познакомиться хотя бы в общих чертах с планировкой города, а затем заглянуть в его кварталы, образуемые центральными улицами.

Территория, занимаемая Пномпенем, представляет собой полукруг, диаметром которого служит улица, идущая вдоль Бассака и реки Тонлесап. На юге улица переходит в дорогу № 1, а на севере — в дорогу, соединяющую столицу с центром провинции Кандаль. Со всех остальных сторон город ограничен образующей полукольцо, самой большой по протяженности улицей Кхемаракфумин, которая в северной части носит название проезд № 102. Большая дуга улицы на юге своим концом упирается в мост, перекинутый через Тонлесап, и переходит в дорогу, уходящую к северу на Сиемреап.

На севере Кхемаракфумин выходит на другой мост через

Уголок Пномпеня



реку. Отсюда начинается дорога, ведущая на юго-восток, в провинцию Свайриенг. За Кхемаракфумином простираются болотистые низины с редкими поселениями.

На расстоянии от двух километров до трехсот метров от Кхемаракфумина проходит еще одно, но уже внутреннее полукольцо улиц, а в одном-полутора километрах от второго — третье. Все эти три полукольца в различных направлениях пересекаются пятью радиальными улицами, берущими начало в «старом» центре города. Из них две — Кампучиякром и бульвар Советского Союза — на выходе из города сливаются, образуя шоссе, ведущее к международному аэропорту Почентонг и дальше, по направлению к приморскому городу Кеп и к созданному в годы независимости единственному камбоджийскому морскому порту. Ни одна из этих магистралей не имеет достаточно заметного въезда в образуемые ими внутренние кварталы города: они настолько узки и неприметны, что для непосвященного представляются обычным промежутком между домами центральных улиц. Таким образом, с какой бы стороны ни въезжал путешественник в город, он передвигался только по его центральным магистралям и, лишь попав в центр, мог свернуть с них на любую из асфальтированных улочек аристократических или торгово-административных кварталов города. И только по ним и судил о самом городе.

В старых кварталах жили те же люди, что и до завоевания независимости, правда, их стало побольше, побольше стало и благоустроенных улочек — их насчитывается около семидесяти.

Остальной, спрятанный за ширмой центральных улиц город насчитывал более четырехсот улочек, ни одна из которых не имела ни покрытия, ни даже названия: проезд номер такой-то, и все. Здесь, как и прежде, жили простые кхмеры. Хотя эти улочки и именовались «проездами», машины на них не увидишь, и главным образом потому, что проехать-то по ним нельзя. В массе своей проезды не только не мощеные, но и изобилуют канавами и рытвинами, оставленными здесь паводками дождливого сезона.

Закрытые со всех сторон шеренгами современных домов, кварталы «деревенского» города задыхались от духоты, особенно в конце сухого сезона. Их жители искали спасения от жары ночью на улицах, и после захода солнца нельзя было пройти среди хижин, не рискуя в темноте наступить на распростертые повсюду тела.

Однако было бы неверно утверждать, что районы, населенные беднотой, вовсе не изменились. Прежде всего изменилась их

планировка. Почти все беспорядочно стоявшие раньше дома выстроились в шеренги, образовав узкие, словно по линейке проложенные улочки. Пересекаясь друг с другом точно под прямым углом, они составляют маленькие, почти равные по величине прямоугольники, похожие друг на друга как две капли воды.

Не остались кварталы однородными по застройке и социальному составу населения. В них можно встретить очень чистенькие и аккуратные улочки, с вполне современными одно-, двухэтажными виллами. Их хозяевами были или еще недостаточно окрепшие коммерсанты, или средней руки государственные чиновники, или дальние отпрыски местной аристократии, но, как правило, никто из владельцев домиков в них не жил. Они строились для сдачи внаем целиком или частями и заселялись семьями мелких чиновников, мелких торговцев, местной интеллигенции.

Чем ближе к основным магистралям города, тем чаще встречались во внутренних кварталах богатые виллы, выстроенные росшей, как на дрожжах, компрадорской буржуазией. Иногда они образовывали небольшие улицы и со временем получали имя. И оно могло быть именем одного из живших на ней компрадоров (в Камбодже существовал обычай, по которому улице присваивалось имя того, за чей счет она асфальтирована).

Таков в общих чертах облик Пномпеня 60-х годов. А чтобы прочитать страницы его доколониального прошлого, нужно проехать на южные и северные окраины города, узкой полосой вытянувшиеся по берегам Бассака и Тонлесапа.

Там Пномпень оставался тем же, каким он был сто лет или даже несколько веков назад. Не покидая пределы города, можно было встретить деревни на воде: огромное скопление лодок самых различных размеров и по-разному приспособленных для жилья. Это и огромные лодки с поставленными на них настоящими пайоттами — домами, любовно украшенными резными украшениями, и совсем небольшие суденышки, на которых лишь шалаш и очаг для приготовления пищи. У хозяев такого жилища все богатство составляют рыболовная сеть да куча голопузых детей. Вся жизнь этих людей от рождения и до смерти проходила в таком плавучем шалаше.

Как и каждый, слышавший об Ангкоре, видевший фотографии прославленных шедевров кхмерской архитектуры, приехав в Пномпень впервые, я надеялся увидеть и в новой столице возрожденные традиции древнего зодчества, тем более что строительство в независимой Камбодже широко пропагандировалось как проходящее под знаком «возрождения духа Ангко-

ра». Но первое знакомство с новыми крупными зданиями Пномпеня, начиная с аэропорта Почентонг, меня разочаровало. В облике аэровокзала и прилегающих зданий непосвященный вряд ли обнаружил бы архитектурные традиции Ангкора.

При въезде в город бросается в глаза большой и красивый комплекс зданий университетского центра. Но хотя фронтон главного здания и украшен барельефом с традиционно кхмерским сюжетом, архитектура самого здания, как и всего комплекса, на первый взгляд далека от традиций кхмерского зодчества.

Сразу после университетских зданий следует комплекс Высшего технического института кхмеро-советской дружбы. Он был возведен по проекту советских архитекторов, с участием советских специалистов и передан безвозмездно в дар кхмерскому народу. Это красивые современные здания, планировка и внутреннее устройство которых отвечают особенностям местного климата, но отнюдь не кхмерским архитектурным традициям.

Территория застройки комплексов протянулась на добрых два километра. На другой стороне улицы среди зелени деревьев — богатые виллы, которые можно встретить в аристократических кварталах любого южного города Европы. И так до самого центра, застроенного французами и китайцами еще во времена колониального господства Франции. Здесь смешение самых разных стилей. Все построенное в Пномпене при французах можно отнести к так называемому французскому колониальному стилю — тропическому варианту европейской архитектуры. В этом случае учитывались не столько местные традиции, сколько требования местного климата. Архитекторы в строениях различного назначения преследовали единые задачи — защитить жилые помещения от проникновения в них солнца, обеспечить внутри них как можно большее движение воздуха, дать простор сквознякам.

Из архитектурных сооружений, построенных по проектам местных архитекторов, привлекают внимание комплексы министерств финансов и обороны, здание Государственного банка, Национального театра и Постоянной выставки достижений независимой Камбоджи. Автор всех этих построек — талантливый кхмерский архитектор Ван Моливан. Каждое из зданий самобытно и представляет большой архитектурный интерес, и все же в них, по-видимому, нет той общности, которую можно было бы назвать национальным стилем.

Значит, никаких следов возрождения традиций древнего кхмерского зодчества в Пномпене не существует? Значит, славные традиции строителей времен Ангкорской империи утрачены навсегда?

Спешить с такими выводами не следует, так как вопрос несколько сложнее, чем представляется с первого взгляда.

Дело в том, что традиций каменного гражданского зодчества в Камбодже не существовало. Кхмеры считали, что в каменных жилищах могут жить только боги. Все остальные, включая королей, должны довольствоваться деревянными постройками. И Ангкор, и Байон, крупнейшие памятники древней кхмерской архитектуры, были для своего времени большими и многонаселенными городами. Но там, где некогда жили люди, остались лишь окруженные каменными стенами пространства, густо заросшие вековыми деревьями. А известные ныне всему миру величественные памятники — это и есть каменные жилища богов, огромные культовые сооружения, возводившиеся в центре города. Так что архитектура самих городов была не более разнообразна и выразительна, чем архитектура сегодняшнего «деревенского» Пномпеня. Лишь королевский дворец выделялся среди городских строений своей высотой (китайский летописец говорил, что короли строят двухэтажные дворцы), размерами и нарядностью. Но за время, последовавшее за разгромом Ангкорской империи, традиции строительства королевских дворцов были настолько забыты, что, когда понадобилось воз-

Пайотт в Пномпене

вести дворец в новой столице — Пномпене, за образец пришлось взять дворец вчерашнего сюзерена Камбоджи — короля Сиама.

Таким образом, архитектурные традиции страны, передаваемые из поколения в поколение, были традициями строительства жилищ простого кхмера. Каменные же сооружения периода Ангкорской империи есть нечто новое даже для архитектора-камбоджийца, требующее глубокого переосмысления и освоения заново. Вернемся к живым традициям. Что же представляет собой пайотт — жилище кхмеров, различные типы которого можно и сегодня увидеть в Пномпене?

Это однокамерная, поставленная на сваи постройка с двух-, реже четырехскатной крышей. Обычно на высоких, от двух до трех метров, сваях делается прямоугольной формы настил, длинной стороной ориентированный вдоль улицы. Над ним на столбах ставится двухскатная крыша, прикрывающая весь помост. Пространство между помостом и крышей забирается или бамбуком, или стеблями травы, а сейчас в дело идут и доски. Так на помосте возникает однокомнатный домик. Но само строение занимает лишь часть помоста, а вокруг дома или с трех его сторон образуется свободное пространство, обнесенное перильцами. В передней части дома площадка образует довольно большую крытую веранду, на которой в основном и проходит вся жизнь хозяев дома. Пространства между скатами крыш заполняются резными украшениями; резными могут быть и перила, и столбы, поддерживающие крышу. Характерная особенность всех сельских пайоттов — отсутствие дверей и окон в нашем понимании, то есть рам, стекол, навесных дверей, есть только проемы, их обозначающие, которые могут оставаться открытыми или завешиваются самодельными, изготовленными из самых различных материалов шторками.

После знакомства с принципами строительства пайотта уже трудно говорить о «космополитическом» характере архитектуры пномпеньских вилл, по-иному смотришь и на многие административные и общественные здания, созданные кхмерскими архитекторами.

Было бы неверным утверждать, что сложный процесс создания нового городского национального архитектурного стиля в современной Камбодже сводился лишь к подражанию приемам традиционного деревянного строительства. Однако рано говорить и о том, что создан новый современный архитектурный стиль; точнее, на наш взгляд, отметить: кхмерские архитекторы настойчиво и небезуспешно стремились создать этот стиль с учетом живых традиций и «духа Ангкора».

Пномпень с утра до вечера

День в Камбодже начинается сразу. Всего лишь несколько минут назад безмятежно сиявшие яркие южные звезды вдруг исчезают, будто спугнутые первым ярко-красным зоревым светом еще не вставшего из-за горизонта солнца. Вскоре появляется и само дневное светило. Оно не выплывает медленно и величественно, как в средних широтах, а выскакивает, будто большой мяч из воды, и на некоторое время повисает над горизонтом. Но очень ненадолго. Его раскрасневшийся «со сна» лик постепенно начинает бледнеть, и солнце быстро и деловито направляется к «месту отправления своих служебных обязанностей», куда-то в центр небосклона, где и зависает раскаленным белым пятном на целых 12 часов.

В шесть вечера оно так же стремительно, как и при восходе, уходит за горизонт, уступая место расцвеченной звездами тьме.

И так в течение всего года: камбоджийские сутки, как и кхмерский год, разделены почти на две равные части, колебания продолжительности дня и ночи по сезонам не превышают одного часа и остаются практически незаметными.

Как только первые лучи солнца появляются над горизонтом, город, только что казавшийся спящим глубоким сном, оживает, наполняется звуками, голосами, запахами. Со скрипом и скрежетом раздвигаются металлические решетки, поднимаются двери, закрывавшие вход в лавочки. Официанты простеньких кафе, густо разбросанных по всему городу, уже снуют между столиками, часто вынесенными в это время прямо на тротуар, и расставляют миски с традиционным для всех пномпеньцев завтраком — супом шинуаз.

Суп шинуаз в переводе означает «китайский суп». Основные его компоненты, не считая приправ,— вода и длинная, скрученная наподобие мочалки лапша, приготовленная из рисовой муки. Суп большинства кхмеров этими компонентами и ограничен. Однако существует множество вариантов шинуаза. Название остается тем же, но прибавляется определение, указывающее на то, чем он заправлен: мясной с курицей, с креветками, со

свининой и так далее. Полный настоящий шинуаз — шинуаз варье, то есть такой, который сварен с самыми различными сортами мяса различных, в том числе и морских, животных.

Добавление каждого нового продукта автоматически влечет за собой прибавку в цене, пока она не увеличивается в пять — семь раз по сравнению с исходной.

В любом кафе готовят любой сорт этого супа. Но ранним утром на столики ставится самый дешевый шинуаз, так как посетители в это время — мелкие служащие, водители рикш, рабочие. Им ни минуты не приходится ждать официанта: кушанье известно, цена тоже.

С восходом солнца оказываются на своих обычных местах передвижные лавки и розничные торговцы. Они торгуют водами, соками, вином (преимущественно в розлив), сигаретами. Но утром многие из них имеют и по 10—15 порций уже известного нам супа — для тех, кто вынужден завтракать почти в буквальном смысле на ходу, преимущественно для рикш.

В эти ранние утренние часы рикши чуть ли не единственные хозяева мостовых. Обгоняя друг друга, мчат они в разных направлениях. Одни везут к рынкам товары запаздывающих продавцов, другие — первых покупателей, третьи едут не спеша, высоко поднявшись над сиденьем велосипеда, зорко высматривая своего первого пассажира. Как только на улице появится женщина с корзиной в руке, мужчина, юноша, девушка — одним словом, любой человек, одетый «для выхода в город», к нему сейчас же подъезжает велорикша. Короткое слово приветствия — и пассажир уже мчится в удобном кресле в нужном ему направлении.

Очень внимательны рикши и к первым посетителям кафе, и стоит кому-то из них выйти из-за стола, как к нему сейчас же бесшумно подкатывает это своеобразное пномпеньское такси.

Когда первая волна горожан, отправляющихся по своим делам, схлынет и над жилыми кварталами города поднимется густой, резкий запах жареного жира (это начали готовить пищу домашние хозяйки), на улицах появляются идущие парами и группами люди в ярких оранжевых одеждах, с блестящими на утреннем солнце бритыми или стриженными под «нулевку» черными головами. Это бикху — буддийские монахи. В одной руке у них такого же цвета, что и одежда, но пока не раскрытый зонтик, которым они прикроют свои стриженые головы в жару, другая рука, спрятанная на животе под складками одежды, держит глубокую алюминиевую кастрюлю с ручкой для сбора подаяния. Подать бикху у кхмеров считалось не одолжением, а почетным долгом, и горе дому, который обойдут монахи,—

значит, его хозяева чем-то перед ними провинились и достойны всеобщего презрения.

У каждого монастыря свои, прилегающие к монастырю улицы, своя группа домов. Молча и бесшумно движутся бикху мимо строений, исчезая то и дело за калитками. Так же молча входят во двор и становятся в сторонке, ожидая подаяния. Ждать им приходится недолго. Хозяйки хорошо знают время прихода бикху и выносят вареный рис или просо, просто сваренные на воде или приправленные мелкими кусочками мяса, рыбы,— одним словом, каждый выносит то, что ест сам.

Закончив обход своего участка, бикху возвратятся в монастыри-пагоды, где и приступят к первой из двух положенных им за день по уставу трапезе. Все принесенное бикху ссыпается в общий котел и делится на две равные части — для завтрака и обеда. После этого первая и вторая части делятся поровну между монахами. И кажется, ничто, даже война, не может поколебать этот веками установленный ритм жизни кхмерских монахов. Впрочем... В истории Камбоджи монахи не только не раз выступали с оружием в руках против поработителей родины, но и становились во главе движения за независимость. Их имена знают и чтут все камбоджийцы.

Часам к восьми появлялся первый «массовый пешеход» — учащиеся начальных школ. Мальчики в белых рубашках и синих штанишках, девочки в блузках и юбках тоже синего и белого цвета. Они непрерывной цепочкой шли и шли из глубинных кварталов, сливаясь в единый поток на центральных улицах.

Движение приостановилось. Водители автомашин, рикши и их пассажиры терпеливо ждали, когда схлынет этот бело-синий детский поток.

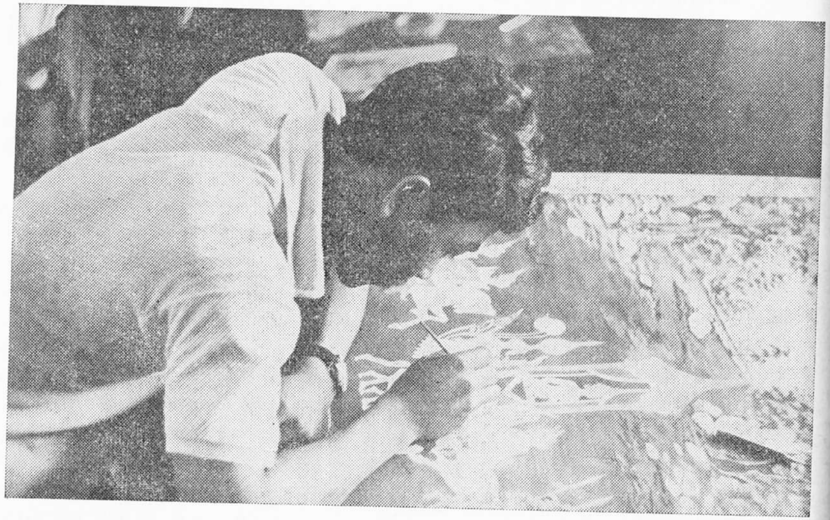
Самых юных пномпеньцев сменяли студенты и учащиеся лицеев и колледжей. Студенты двигались колоннами почти по всем основным магистралям. Они направлялись к началу бульвара Советского Союза, где разместился основной студенческий центр — университет, Высший технический институт. Там же и самые многолюдные факультеты Университета изящных искусств: хоровой, танцевальный, музыкальный. Повсюду были видны катящиеся волны белых рубашек, именно катящиеся, так как студенты и старшеклассники передвигались на велосипедах, образуя довольно плотные толпы. Кстати, кхмер на велосипеде чувствует себя столь же уверенно, как и стоя на ногах. В катящейся толпе шутки, смех, толкотня, остановки (не опуская ног с педалей), неожиданные переезды от одной группы к другой, совершенно никакого внимания к более быстроходному транспорту или желания уступить ему дорогу.

Вид 45 тысяч юных пномпеньцев, почти одновременно вышедших на улицы города и направлявшихся к зданиям школ и высших учебных заведений, вызывал невольную радость за страну, сумевшую за каких-то пятнадцать лет приобщить к образованию почти всех детей, достигших школьного возраста, за народ, впервые в истории получивший доступ к знаниям. Но более близкое знакомство с постановкой образования в стране показывало, что все это не так радужно и просто.

Переход в столь короткий срок практически к всеобщему образованию при слабом развитии базы для него привел к относительно низкому уровню самого образования. И в том, что произошло, безусловно, виноват колониализм: до 1953 года в Камбодже не существовало ни одного учебного заведения, готовящего учителей хотя бы начальных школ, почти не велось преподавания и не существовало учебников на кхмерском языке.

Далеко еще не были урегулированы и проблемы высшего образования в стране в первые пятнадцать лет независимости. С 1964 по 1969 год сеть высших (в основном технических) учебных заведений сильно расширилась и насчитывала 10 университетов, объединяющих 40 факультетов с общим числом учащихся 10,5 тысячи человек.

Студент
Университета изящных искусств



В 1969 году состоялся первый выпуск специалистов Высшего технического института кхмеро-советской дружбы. По этому случаю было много сказано и написано о системе высшего образования Камбоджи. Но только единицам из выпускников была предложена работа по специальности...

Так же обстояло дело и с общим образованием. Большинство из миллиона с лишним учащихся начальных и средних школ по их окончании не только не имели возможности включиться в активную общественно-экономическую жизнь страны или использовать полученную возможность для расширения своего культурного и политического кругозора, но и просто закрепить полученные знания. Не говоря о специальной или популярной литературе, в Камбодже слишком мало издавалось художественных произведений, не было общедоступных библиотек; в деревне, где сосредоточено больше 70 процентов кхмерского населения, кроме учебников для начальных классов, вообще не имелось никакой литературы, даже газеты и журналы были роскошью, доступной только столице и крупным провинциальным центрам.

Вернемся к утреннему Пномпеню.

Проезд служащих к своим учреждениям проходил менее заметно: они, садясь обычно на велорикшу, совершенно терялись в потоке других рикш, везущих людей с рынков и в магазины.

В течение дня большинство улиц города оставались пустынными, и не потому, что все дети учились, а взрослое население поголовно работало,— люди просто прятались от жары. Хотя Пномпень — самый крупный промышленный центр страны, но на больших предприятиях была занята лишь незначительная часть населения. Во-первых, они не так велики; во-вторых, их не так много для города с шестисоттысячным населением. Кроме того, многие значительные предприятия модернизированы, то есть оснащены достаточно современным оборудованием и не требуют большого числа рабочих.

Итак, улицы Пномпеня днем пустели. Мужчины — в поисках хлеба насущного, а женщины, съездив с утра на рынок, занимались домашними делами и детьми. Собственно, детьми они вроде бы не так уж много занимаются. Детвора, предоставленная сама себе, играла целыми днями на тротуарах. Старшие присматривают за младшими и, если последние еще совсем маленькие, таскают их повсюду с собой, причем не на руках, как принято у нас, а на бедре. Часто разница в возрасте подопечного и опекуна настолько невелика, что они выглядят как сиамские близнецы. Надо сказать, кхмерские семьи, и в частности дети, очень дружны.

Перед заходом солнца улицы города опять оживали: одни возвращались домой после трудового дня, другие спешили в кино или на прогулку по набережной. Снова наполнялись кафе, бойко шла торговля у розничных продавцов. Но оживление длилось недолго. К восьми часам вечера улицы снова пустели до утра. В девять большая часть города погружалась в сон.

Так проходил день в большей части города. Несколько иначе обстояло дело в старом торговом районе. Здесь, за исключением площади, окружающей Центральный рынок, день начинался несколько позже, чем в остальных кварталах, и жизнь дольше не замирала. Улочки здесь с утра до вечера забиты народом. Улочек не менее двадцати, и они образуют крошечные кварталы. Здесь километры сплошных витрин, сотни лавок и магазинов, торгующих баснословным количеством товаров, причем вся эта пестрота и многолюдье стиснуты на одном квадратном километре площади. Это и есть торговый центр Пномпеня.

Чтобы довершить картину, остается заполнить улочки стоящими у краев тротуаров впритирку друг к другу машинами и пустить между ними нескончаемый поток рикш.

Но и здесь после девяти вечера все магазины закрывались. Жизнь продолжалась только у расположенных возле торговой части кинотеатров и ресторанов.

Пномпень ночью

Австралийский журналист Уилфред Бэрчет в своей книге «Вверх по Меконгу», выпущенной в нашей стране в 1958 году, рассказал о том, как американцы, пытаясь привлечь внимание и расположение камбоджийских монахов-бикху к «американскому образу жизни», организовали для них бесплатное посещение США.

Бикху, говорит Бэрчет, были потрясены «вульгарным материализмом и индивидуализмом американского образа жизни», контрастом между наглой роскошью богатых и безнадежной нищетой бедняков. Особенно потрясла бикху вера американцев во всемогущество грубой силы. На каждом углу они видели крикливые кинорекламы с нацеленными пистолетами, занесенными кинжалами, истребляемыми индейцами и другими аксессуарами прос-

явления грубой силы, которые оскорбляли как их культуру, так и их буддийские заповеди.

Эта поездка состоялась в 1956 году, а несколько лет спустя камбоджийские кинодельцы уже демонстрировали на экранах страны самые низкопробные фильмы западного производства, начиненные всеми видами насилия и пошлости. Ковбойские фильмы, переносящие зрителя в атмосферу американского «дикого Запада», примитивные детективы, подражания хичкоковским фильмам ужасов — таким был основной репертуар лучших кинотеатров Пномпеня. Нередко шли японские картины, но тоже или детективные ленты, или картины, утверждающие культ грубой силы.

Вот вкратце и все, что предлагалось пномпеньцу для духовного обогащения. И он «обогащался»: именно к кинотеатрам устремлялись пномпеньцы, прежде всего молодежь, после захода солнца. Вокруг кино и сосредоточивалась основная жизнь города с шести вечера до двенадцати часов ночи. Большинство кинотеатров, и дорогих и дешевых, расположено в черте старого города, между торговыми и аристократическими кварталами. С шести вечера и до полуночи все прилегающие к кинотеатрам улочки забиты машинами, снующими или ожидающими выхода зрителей рикшами, в вестибюлях и около кинотеатров полно мальчиков-лоточников, настойчиво пытающихся сбыть сигареты, жевательную резинку, пакетики миндаля или арахиса.

И пномпеньцы шли в кино, благо кинотеатров в столице вполне достаточно — более двадцати. При этом многие из них — новые, современные, специально построенные здания со зрительными залами, оборудованными установками для кондиционирования воздуха. Но это не значит, что все кинотеатры были переполнены. Напротив. В Пномпене практически не существовало проблемы билетов, они были всегда, на любой сеанс, особенно в дорогих кинотеатрах.

Билеты в первоклассные кинотеатры очень дороги — от 25 до 70 риелей, что, по ценам Камбоджи 1969 года, равнялось примерно стоимости восьми килограммов риса (минимум) или двух килограммов мяса (максимум). Были кинотеатры и с единой ценой билетов, равной 15 риелям. Это кинотеатры, в которых нет не только кондиционеров, но и должной вентиляции. Без привычки высидеть в таком зале целый сеанс очень трудно: застоявшийся горячий воздух насквозь пропитан тяжелыми запахами.

Радио могли слушать только те, кто имел транзисторные приемники, что по карману далеко не каждому, телевизор же — вообще предмет роскоши.

В район сосредоточения кинотеатров и ресторанов тянулась по вечерам и та публика, которую условно можно назвать «владельцами автомобилей». Их влекли не только новые фильмы, не только изысканные блюда расположенных неподалеку ресторанов, но и тайные игорные дома и другие заведения сомнительной репутации. Каждый из салонов имел официальное название, например «Салон чая». Но большинство избегало даже скромных вывесок.

В начале 1969 года в Пномпене было официально открыто казино — огромный, третий по счету в Камбодже государственный игорный дом.

По иронии судьбы территория, на которой размещался игорный дом, находится в самом центре района, где каждый камень призван был символизировать возрождение в независимой Камбодже «духа Ангкора». Здание сооружено на том самом месте, где почти 15 лет стоял сбитый американский истребитель, служивший символом непримиримости Камбоджи в ее борьбе с колониализмом и империализмом.

Кто живет в Пномпене?

Когда говорят «лондонцы», то имеют в виду англичан, живущих в Лондоне, парижане, естественно,— французы, проживающие в столице Франции, но сказать о пномпеньцах, что это кхмеры, населяющие Пномпень, было бы неточно. Кхмеры, конечно, жили и живут в столице своей страны, но здесь много, очень много (в процентном отношении) китайцев, и играли они всегда далеко не последнюю роль в городе.

Впечатление, что китайцев очень много, создавалось и по другой причине. Китайцы Пномпеня, если так можно выразиться, всегда на виду, потому что практически все торговцы и чуть ли не все частные предприниматели в городе были китайцами. По какой бы улице вы ни пошли, в какое бы частное заведение, будь то парикмахерская, фотоателье, лавочка или аккумуляторная мастерская, вы ни заглянули, везде вас встречали китайцы.

Вы остановились купить сигарет или выпить воды у уличного розничного торговца — он обязательно китаец, зашли в

ресторан или кафе — если даже они и не принадлежат китайцу, китайцев там будет работать больше, чем кхмеров. О торговом районе города и говорить не приходится — все вытянувшиеся в многокилометровую линию магазины, о которых уже упоминалось, почти исключительно китайские.

В последние годы положение стало несколько меняться: появились гаражи и авторемонтные станции, хозяева которых — кхмеры, парикмахерские и другие заведения с кхмерским персоналом.

По официальным данным, в Камбодже в 1970 году проживало около пятисот тысяч китайцев. Расселялись они в городах (прежде всего в крупных). Почти 80 процентов кхмерского населения оставалось в деревне. По тем же данным, общее число жителей составляло около семи миллионов. Таким образом, в городах и крупных населенных пунктах их насчитывалось немногим более миллиона человек, то есть в каждом кхмерском городе примерно треть населения составляли китайцы. Для Пномпеня это соотношение будет иным — в пользу китайцев.

Оно сложилось не вдруг, не сегодня и не случайно. Это закономерный результат поражения Ангкорской империи.

В результате ее разгрома Сиамом оказались не только разрушены, приведены в запустение и захвачены самые развитые в экономическом отношении районы страны, но и была практически уничтожена вся отлаженная система экономических и политических связей между провинциями. Из единого централизованного государства Камбоджа превратилась в неустойчивый конгломерат отдельных провинций, в которых власть центрального королевского правительства была лишь номинальной. Дело доходило до того, что назначаемые королем управляющие провинций могли самостоятельно решать вопрос о присоединении их к тому или иному государству. Такое положение сохранялось на протяжении почти пяти веков и, естественно, не способствовало нормальному экономическому развитию как отдельных провинций, так и страны в целом. И Сиам и Аннам, являвшиеся долгие века практически хозяевами в Камбодже, поощряли сепаратистские тенденции отдельных провинций, так как не были заинтересованы в укреплении централизованной власти, в усилении экономического и политического могущества своего вассала.

С периодом упадка и вассальной зависимости Камбоджи и совпала волна китайской иммиграции. Уже в XIII—XIV веках, по свидетельству китайских летописцев, тысячи китайцев устремились в Камбоджу. Это были торговцы. На первых порах они выступали посредниками во внешней торговле страны, но со

временем, используя благоприятную обстановку, прибрали к рукам и всю внутреннюю торговлю. Они не только не встречали никакого сопротивления со стороны королевского правительства, но, напротив, их деятельность поощрялась: китайцы получали протекции и льготы королевского двора.

Не изменили положения и десятилетия французской колонизации Камбоджи. Колониальные власти по отношению к китайским торговцам и предпринимателям продолжали политику камбоджийских королей, то есть всячески поощряли их деятельность. Более того, на всех работах, требующих какой-либо квалификации, французы стремились использовать не местное население, а вьетнамцев, прибегая нередко к их насильственной иммиграции в Камбоджу. Ничего не сделали французские колонизаторы за 90 лет своего хозяйничанья в стране и для развития товарного производства и товарных отношений в деревне. Парадоксально, но факт, что за годы колониального господства Франции в Камбодже практически не смогла сформироваться крупная кхмерская буржуазия, даже компрадорская, зато китайская расцвела пышным цветом.

Так появилось в Камбодже государство в государстве — экономически мощная и многочисленная прослойка китайской торгово-промышленной буржуазии, монополизировавшей в своих руках львиную долю внутренней и внешней торговли и значительную часть промышленного производства страны.

Некоторые буржуазные авторы, стремясь поддержать официальную версию о монолитности населения Камбоджи, часто писали, что иностранцы в Камбодже только формально остаются иностранцами. Они-де так давно живут в этой стране, так сильно перемешались с местным населением, что вполне могут считаться камбоджийцами, детьми одной родины. Это далеко не так. Вьетнамцы, например, никогда не считали Камбоджу своим отечеством, очень редко шли на смешанные браки и не проявляли никакого интереса к получению кхмерского гражданства. Вместе с тем они всегда помогали кхмерам в борьбе за независимость и социальный прогресс. Китайцы, напротив, отнюдь не возражали против вступления в брак с людьми кхмерской национальности. Однако это не поощрялось в независимой Камбодже: ведь смешанный брак был одним из путей получения гражданства. А это позволяло участвовать в политической жизни страны, в работе правительственных организаций и учреждений.

В 1969 году, после участившихся фактов получения китайцами камбоджийского гражданства, правительственная газета очень резко и четко сформулировала позицию по этому вопросу,

которая сводилась к следующему: предотвратить все возможности получения китайцами камбоджийского гражданства, смешанные браки не считать поводом для возбуждения вопроса о гражданстве.

Таким образом, все население Пномпеня можно было условно разделить на две основные части — кхмерскую и китайскую, причем китайская часть торговала и делала бизнес, а кхмерская — служила, работала в промышленности и занималась огородничеством. Но это вовсе не означает, что каждый китаец в Пномпене или в других районах Камбоджи — богач, а каждый кхмер — бедняк, запутавшийся в кабале у китайских торговцев, ростовщиков и всевозможных предпринимателей. Китайская община в Камбодже в классовом и имущественном отношении никогда не была однородной. В этом легко было убедиться, даже просто проходя по улицам.

Недалеко от угла, образуемого улицей Джавахарлала Неру и бульваром Советского Союза, под деревом у чугунной изгороди министерства финансов каждый полдень появлялся пожилой высокий и худой китаец с тележкой размером не больше переносного ящика наших мороженщиков. Это и есть «лавка», собственник которой — пожилой китайский торговец. В одном отделении ящика у него кастрюля горячего вареного риса порций на 15—20, в другом — маленькая кастрюлька с аккуратно нарезанными кусочками вареной свинины. Он стоял в странной позе, похожий на цаплю, на одной ноге, согнув и уперев в нее повыше колена другую, пока не продавал весь свой незамысловатый товар. Потом китаец исчезал в неприметной улочке, чтобы назавтра в это же время снова появиться на том же месте. Его постоянными клиентами были водители рикш, которые поедали кашу и мясо, не сходя с сиденья своего велосипеда. Вторая категория его клиентов — служащие министерства. Неторопливые, солидные, в белоснежных рубашках, они не берут каши, а только мясо. Один, максимум два кусочка накалывают на специальную деревянную палочку размером чуть больше обычной спички и долго, не спеша едят, неторопливо перекидываясь фразами. Приходилось только удивляться, как им удается так сильно растянуть трапезу: ломтик мяса размером всего со спичечный коробок! Чувствуется, что этот «завтрак» не столько служит для насыщения, сколько носит ритуальный характер, тем более что стоимость кусочка мяса равнялась стоимости стакана воды с сиропом.

Рядом с первым — второй розничный торговец более «крупного» масштаба. Его передвижной магазин значительно больше, другой у него и ассортимент товаров. Китаец торговал различ-

ными водами, сигаретами, вином местного производства, дешевыми конфетами, иногда фруктами и прочей мелочью. Его лавка на колесах, оборудованная застекленной витриной, очень компактна и удобна. Высота повозки до полутора метров, длина примерно та же, ширина — сантиметров семьдесят. В нижней ее части сложены товары, там же ведро с водой, в котором ополаскиваются стаканы, и запас льда. У него были табуретки для себя и покупателей.

В отличие от первого торговца второй торговал целый день с утра до позднего (по кхмерским понятиям) вечера, часто «без перерыва на обед». Вечером он зажигал большую калильную лампу, дающую очень яркий, ровный, голубоватый свет. Ему часто помогала жена. Нередко возле лавки играли и двое их маленьких детей. Вообще около таких лавок часто вертелись дети, едва ли не самые многочисленные покупатели. Покупали они мороженое. Мороженое простого кхмера — это лед, или мелко накрошенный в стакан, или скатанный руками продавца наподобие обыкновенного нашего снежка и в обоих случаях политый сиропом.

Этот китайский «купец» оценивал свое имущество, включая запасы товаров, в 20 тысяч риелей — сумма очень незначительная. Торговля же давала ему около двух тысяч риелей в месяц— больше, чем получал кхмерский учитель, но значительно меньше, чем зарабатывал рикша-профессионал. Как и многие пномпеньцы, он не имел ни своего дома, ни своей квартиры. Он ее снимал здесь же, неподалеку, у кхмера. Дом самого кхмера — обычный, уже известный нам пайотт. Часть пространства между сваями зашита досками. Получалось нечто вроде длинного сарая без окон. Такова квартира китайского «купца». Если заглянуть внутрь, то можно познакомиться с ее обстановкой.

Сразу у входа — люлька для младшего сына: кусок плотной материи, к каждому из углов которой привязаны крепкие тонкие шнурки, сходящиеся у потолка. За ней, отгораживая половину задней части помещения,— старый, совершенно облупленный пузатый резной буфет — гордость хозяев (обычно кхмеры отгораживают эту часть помещения просто занавеской). За буфетом, вдоль стены,— широкий самодельный, сбитый из плохо оструганных досок топчан, покрытый циновкой. Топчан не только ложе, но и диван, и место игр маленьких детей, которые еще не научились ходить. Несколько табуреток завершают обстановку жилища китайского розничного торговца, которое, повторяем, ничем не отличается от обстановки простых кхмерских жилищ. Никаких столов, как правило, в пайоттах нет. Едят, сидя на циновках, реже — на табуретках, поставив чашку на колени. И никакой лишней посуды: только горшки для приготовления пищи и миски.

Дом, в котором снимал квартиру мелкий торговец, служащий, рабочий, мог быть деревянным, бетонным, каменным, двухэтажным или многоэтажным, но принцип планировки сдававшихся внаем первых этажей (выше первого ни одна из этих категорий пномпеньцев не селилась — дорого) останется тем же. Все та же длинная неширокая комната со сквозным проходом, как правило, без окон. Такой же останется и мебель. Она может быть лучшего или худшего качества, но набор вещей всегда один и тот же. В интеллигентных семьях может прибавиться длинная, узкая тумбочка типа нашей прикроватной, служащая и туалетным столиком, и сервантом, и книжной полкой, и местом, где стоит транзисторный приемник. Никаких кроватей и кресел, книжных шкафов. Хотя «европейская» мебель и продавалась в магазинах Пномпеня, ею пользовались лишь те, кто жил в квартирах с кондиционерами.

Квартира владельцев небольших продовольственных магазинов, то есть значительной части торговцев города,— китай-

Уличные китайские торговцы

цев, кроме тех, что имели возможность жить в его старой части, почти ничем не отличается от той, которую я только что описал. Узкая и длинная, с двумя сквозными дверями комната, задняя часть которой отгорожена от посетителей все той же матерчатой занавеской. Это жилая часть и склад одновременно. Справа или слева от входа, в зависимости от расположения дверного проема, большой прилавок. За ним среди наваленных грудой товаров — несколько членов семьи, занимающихся своими делами.

Сахар, соль, мука, рис, вермишель, сигареты, спички, вода, вино — вот основной ассортимент подобных магазинов. Булочные устроены еще проще. В наружной стене — широкий проем, большая часть которого застеклена. Во всю ширину проема — прилавок, а на нем горой навален свежевыпеченный хлеб. В узкой незастекленной части — продавец.

Никто из таких торговцев не держал работников, вся торговля велась силами семьи. Нередко семьи торговцев занимались и побочным промыслом: плетением циновок из пластика, занавесок, раскрашиванием бумажных китайских фонариков. Работали они или на лавочников, торгующих такого рода товарами, или на индивидуального заказчика. Но не розничные китайские торговцы, ютящиеся в кхмерских кварталах и делящие с кхмерами все радости и тяготы жизни, представляют лицо китайской колонии Пномпеня и Камбоджи в целом. В руках китайского меньшинства практически была сосредоточена вся кредитно-торговая система страны. А при невысоком уровне промышленного развития Камбоджи это значило, что китайское меньшинство активно влияло на всю экономическую жизнь страны. Такое положение характерно не только для Камбоджи, но и для многих стран Юго-Восточной и Южной Азии. Китайское меньшинство в них составляет 13 миллионов человек, но вес его в экономической жизни стран также непропорционально велик по сравнению с весом национальной буржуазии. Здесь, в Камбодже, китайское меньшинство, прежде всего его эксплуататорская часть, являлась в ряде случаев доминирующим фактором в экономической и политической жизни. В любом городе Камбоджи и даже в любом крупном поселке одна и та же картина: лучшие кварталы, лучшие дома заняты представителями китайского меньшинства, им же принадлежат лучшие торговые предприятия, лучшие рестораны; в их руках сосредоточен почти весь сервис, включая автосервис и обслуживающие его многочисленные предприятия. В деревне владельцы крупорушек — китайцы, самые крупные ростовщики — тоже китайцы.

В Пномпене, чтобы составить представление о роли и весе китайской колонии, достаточно было отправиться в центр города, в его торговые кварталы.

Здесь все, начиная с вывесок, зеркальных витрин, кончая прилавками и их оборудованием, говорило о солидности продавцов и их заведений. Как правило, магазины здесь издавна сгруппированы по профилю: то сплошь идут продовольственные и булочные, то магазины радиотоваров, то — ювелирные. В торговом центре можно было купить товары многих фирм мира, начиная со швейной иголки и тканей самых замысловатых расцветок до драгоценных камней и телевизора самой модной японской марки. Цены на все товары, кроме продовольственных, нестабильны и сильно колеблются в зависимости от завоза, новизны марки и сезона. Все цены всегда «с запросом», и часто очень большим. Продавцы прекрасно чувствуют покупателя, и, если тот снижает запрошенную цену почти вдвое, зная, что в среднем цена на этот товар именно такова, покупатель сразу вырастает в глазах продавца. В следующий раз он назовет цену более умеренную, но все равно достаточно завышенную и будет нещадно торговаться. Соглашается он на цену покупателя лишь тогда, когда видит, что тот действительно собирается уходить. Так почти каждая покупка превращается в своеобразную игру.

Кхмеров «новых» кварталов города в этих магазинах не встречалось: им нечего было здесь покупать. Не для них все эти новейшие марки транзисторных приемников, чайные, кофейные и столовые сервизы китайской и японской работы, не для них яркие дорогие ткани и модная обувь. Все, что необходимо к столу, они покупали в лавчонках возле дома, а одежду, обувь и другие нужные товары — на рынках.

Самый крупный, богатый и обильный рынок Пномпеня — Центральный. Его в известном смысле можно назвать энциклопедией жизни и быта Камбоджи. На центральном рынке можно было познакомиться со всеми основными народностями, населяющими страну, всеми диалектами и говорами, всеми вариантами национальных одежд, причесок, всеми типами кхмеров и представителей других наций и народностей.

Испокон веку на рынках Пномпеня не только торгуют, но и варят, жарят, парят — словом, готовят пищу. Торговцы едят где придется, чаще прямо на земле. Для покупателей вдоль забора поставлены длинные дощатые некрашеные столы. На рынке легче всего можно было познакомиться с национальной кхмерской кухней, отведать приготовленных на огне жаровен креветок, рыбы, насаженной, по традиции, на бамбуковые

палочки, попробовать рыбные супы, сдобренные красным перцем, мятой и другими ароматическими растениями. Кстати, одним из результатов многовекового господства китайцев в кхмерской торговле и экономике является то, что во всей Камбодже не существовало ни одного кхмерского ресторана, ни одной деревенской харчевни — все сосредоточилось в руках китайцев.

На рынке можно было встретить и индианок, закутанных в разноцветные сари с неизменной обнаженной полосой спины, и китаянок, выделяющихся среди остальных богатством одежды, и чамок, отличающихся от кхмеров более темным загаром, и кхмерок с ярко выраженными полинезийскими чертами и длинными, кудрявыми, распадающимися на мелкие прядки волосами.

Куда ни глянь — всюду разные лица, прически, головные уборы. И еще одна деталь — преобладание женщин. Невольно вспоминаешь изображенные на стенах Байона сценки базаров времен Ангкорской империи и краткую запись, сделанную китайским летописцем: «А торговлей здесь занимаются только женщины». Применительно к кхмерскому рынку 60-х годов слово «только» нужно заменить на «преимущественно». И продавцы, и покупатели Центрального рынка Пномпеня, как и всех рынков Камбоджи,— преимущественно женщины.

Ничто в Камбодже, кроме Центрального пномпеньского рынка, не могло так наглядно и полно познакомить с богатством ее земли и вод, с разнообразием ее фауны и флоры, с умением кхмеров использовать все эти богатства.

Для нас лотос — красивый экзотический цветок. Лотос на рынке Пномпеня — объект активной торговли. Корни его идут в пищу, листья, большие, свернутые вчетверо и сложенные огромными кипами, служат оберточным материалом. В них заворачивают мясо, рыбу, орехи, на них же вместо тарелок кладут горячий, только что сваренный рассыпчатый рис.

Ряд, где продается птица,— наглядный процесс превращения только что вылупившегося цыпленка в румяную, источающую аппетитный аромат курицу. Здесь низкие, застекленные сверху ящики буквально набиты едва успевшими обсохнуть желтыми отчаянно пищащими цыплятами. Рядом, в таких же ящиках,— цыплята, начинающие оперяться, в других — месячные, двухмесячные и так далее.

В рыбном ряду разбегаются глаза: тут горы креветок, лангусты, крабы, раки, причем все это в любом виде — живом, печеном, жареном, вареном; в деревянных, наполненных водой корытах, кадках, чанах, жбанах на прилавках — живая речная и морская рыба, в одних названиях которой легко запутаться.

Пожалуй, единственный ряд, где можно было встретить давних и хороших знакомых,— овощной. В Камбодже произрастают те же овощи, что и в нашей средней полосе и на юге. Правда, здесь нет картофеля. Местным жителям его заменяет батат, напоминающий обычный картофель, но клубни батата более крупные, вкус его специфичный, сладковатый.

Основная часть торгующих в центральных павильонах рынка — китайцы, профессиональные торговцы, не имеющие никакого отношения к производству продаваемых ими товаров. Каждый из них имеет постоянное место, размеры которого и расположение в ряду говорят о материальном положении его владельцев.

Но внутренние помещения — еще не весь рынок, а лишь его центральная часть. Рынок продолжается, вернее, начинается вне стен этого огромного помещения, и его наружная часть ничуть не меньше внутренней.

На большой квадратной территории торговой площади, огражденной металлической оградой с четырьмя широкими воротами, размещается множество крытых двухскатными деревянными навесами торговых рядов. Это в основном царство всевозможных фруктов: ананасов, манго, папайи и десятки сортов

Центральный рынок Пномпеня.
Овощной ряд

совершенно неизвестных нам плодов, названия которых отыщешь не во всякой энциклопедии.

Между крытыми рядами и забором торговцы раскладывали свои товары прямо на земле. Это кхмеры из окрестных деревень. Здесь самые низкие цены и самые бедные продавцы. Их товары лежат уже не горами, а небольшими кучками. Повсюду разбросаны многочисленные продовольственные палатки, и идет бойкая торговля тканями. Ни специальных помещений, ни специальных рядов для торговцев тканями нет. Прилавком им служит небольшой столик, а весь товар сложен прямо на земле. Цены на ткани значительно ниже, чем в любом из магазинов. Вокруг толпится множество покупателей.

Местные жители покупали на рынках очень много всевозможных овощей. Овощи, так же как рис и рыба,— основной продукт питания населения. Однако не только в городе, но и на рынке редко можно было встретить женщину, обремененную покупками. За каждым шагом покупателей зорко следят носильщики с коромыслом, к которому подвешены на веревках большие плетеные корзины. Стоит покупательнице набрать сумку продуктов — носильщик сразу появляется перед ней, чтобы доставить груз к ее дому.

Те же, кто покупал продукты в открытой части рынка, услугами носильщиков пользовались редко, но и сами не носили сумок. Они набирали товар, подзывали водителя рикши, который и нес покупки до своего велосипеда-коляски. Пешком ни на рынок, ни с рынка пномпеньцы, как правило, не ходили.

Пора сказать несколько слов и о здании Центрального рынка Пномпеня. Огромное крытое каменное строение сооружено по проекту архитектора Ван Моливана на издавна существовавшей здесь базарной площади. Это, на мой взгляд, единственное здание Пномпеня, напоминающее об эпохе Ангкора. Такое впечатление создают не столько формы самого сооружения (гора со срезанной, заканчивающейся застекленным куполом верхушкой, поднявшаяся высоко над землей на пяти массивных прямоугольных основаниях-крыльях), сколько его масштабы, монументальность и цвет — цвет песчаника, из которого построены многие памятники Ангкора.

Есть в Пномпене еще один рынок, не уступающий по известности Центральному, но более популярный, демократичный и дешевый. Никто в Пномпене не знает его официального названия. Чаще его именовали цветочным, так как только там всегда был огромный выбор живых цветов. Называли его еще и ночным, потому что в отличие от всех остальных, закрывающихся самое позднее к пяти часам вечера, он работал до поздней ночи,

а при необходимости можно было найти торговца и в любое время суток, так как немало их ночевало возле своих лавочек и товаров. Этот рынок тоже расположен в старой части города, на крайнем ее северо-западе, против большого государственного универмага.

Если подъехать сюда из центра, видишь обращенный к улице фруктовый ряд. Продавались там не те фрукты, которые покупаются на любом другом рынке, а особенные для Камбоджи: виноград, яблоки, груши и даже персики. Цены на них неимоверно высоки, и потому в этих рядах почти не видишь покупателей.

Особенно ценится у кхмеров дорогой фрукт-аристократ — дурьян. Черенок каждого его плода украшают шелковой, голубой или красной ленточкой. Дурьян довольно крупный, с детскую голову плод, густо усаженный широкими у основания шипами. Заполнен он белой мякотью, которую не едят. В центре плода в четырех углублениях лежат четыре или восемь зерен величиной с хорошее бобовое зерно и такого же цвета. Их, однако, тоже в пищу не употребляют. Съедобна нежная, цвета яичного желтка мякоть, заполняющая впадины, в которых находятся зерна. Кхмеры считают, что она очень вкусна, питательна и богата витаминами. И все же ни один европеец не в состоянии съесть этот деликатес — настолько необычен и неприятен его вкус, по крайней мере когда пробуешь дурьян впервые.

Подобные разочарования ожидают европейца в «экзотических» странах на каждом шагу. Даже манго и сок кокосового ореха далеко не всем нравится с первого раза.

Но вернемся к рынку. Кроме дорогого фруктового ряда в остальном он был дешев и демократичен. Помимо этого ряда и небольшого пятачка, где продавались цветы, ничто не напоминало рынок. Это скорее постоянно действующая ярмарка, изобилующая товарами «ширпотреба». На ней продается все: швейные изделия, белье, трикотаж, кожгалантерея, просто галантерея, обувь любых цветов, фасонов и размеров, ткани каких угодно расцветок, матрацы, циновки и многое другое. Здесь каждые четыре квадратных метра — промтоварная палатка, каждые один-два квадратных метра — «торговая точка» по продаже обуви: открытая многоярусная круглая витрина, под которой находился склад товара и часто сидел сам продавец. В рядах между палатками ровно столько неиспользованной площади, сколько нужно, чтобы открыть узенькую дверцу. На рынке всегда царили гомон и толчея. В отличие от других камбоджийских торговых заведений продавцы не только зазывали покупателей, но и пытались подтащить их к прилавку.

3 № 3820

Все продавцы тесно взаимодействовали, и, если у одного из них не оказывалось изделий требуемого размера или фасона, покупателю не приходилось ходить из палатки в палатку: его приносили многочисленные помощники продавца.

Редкий продавец этого рынка знал, как по-французски звучат цифры. Все объяснения с иностранцами происходили при помощи жестов или письменно. У каждого продавца на этот случай имелся огрызок карандаша и клочок оберточной бумаги. Он писал на нем свою цену, а покупатель зачеркивал ее и ставил свою. И так до тех пор, пока «высокие договаривающиеся стороны» не приходили к взаимному согласию.

Выбравшись из лабиринтов лавчонок в центр рынка, попадаешь в не менее запутанный мирок «ресторанов». Вначале кажется, что весь центр — метров восемь на восемь — один ресторан (по виду он больше походит на обычную харчевню). Однако это не так. Квадрат разделен на неприметные для глаза непосвященного секторы. У каждого сектора свой хозяин. Владелец «ресторана» имеет от четырех до восьми маленьких и весьма убогих квадратных столиков, покрытых потертой клеенкой.

Рыночный носильщик

Приглядевшись, замечаешь, что расцветка или хотя бы рисунок клеенок разные. По этому признаку и определяют, кому принадлежит тот или иной столик. Несмотря на весьма непривлекательный вид столиков, стоящих на утоптанном до твердости камня земляном полу, эти заведения пользовались популярностью у многих иностранцев. И дело не в ценах — во всех «ресторанах» они в основном были одинаковыми. Разница заключалась в меню и качестве приготовления пищи. На ночном рынке готовили очень хорошо, а кормили почти в любое время суток. Его «рестораны», как и все торговцы, заканчивали работу только тогда, когда не оставалось посетителей или покупателей.

Невольно вновь возникает вопрос: какова роль кхмеров в их собственном государстве, и в частности в столице страны?

Массу учащихся государственных школ, по утрам высыпавших на улицы, почти целиком составляли кхмеры. В многочисленных в Пномпене государственных учреждениях или национальных компаниях работали только кхмеры. Основная масса рабочих — правда, прежде всего государственных и смешанных предприятий — тоже кхмеры. Из кхмеров и чамов состояла камбоджийская армия. В полиции служили только кхмеры.

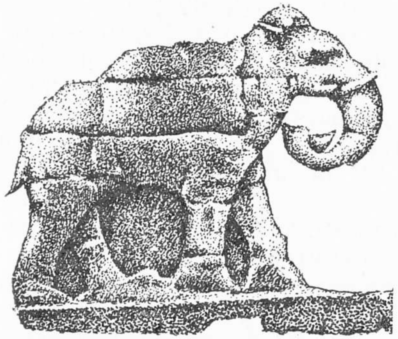
Итак, кхмерская верхушка управляла страной, разрабатывала и осуществляла ее внешнюю и внутреннюю политику, простые кхмеры служили, создавали материальные ценности, а иностранцы — китайцы — держали в своих руках почти всю внутреннюю и внешнюю торговлю и контролировали значительную часть промышленного производства. Такое исторически сложившееся «распределение обязанностей» вряд ли могло отвечать интересам дальнейшего развития национального государства.

Совершенно естественно, что оно все больше вызывало чувство беспокойства в самых широких кхмерских кругах: у зарождающейся местной буржуазии, у националистически настроенной интеллигенции и наиболее грамотной и патриотически настроенной части рабочих. Нет сомнения, что такое положение не совместимо с интересами самостоятельного государства и Камбоджа рано или поздно найдет пути его решения. В первый период независимости Камбоджи наметился выход из положения. Это и протекционистская политика государства в отношении национальной буржуазии, и ограничение сферы деятельности китайского капитала, и создание сельских кооперативов, прежде всего потребительско-сбытовой кооперации.

И хотя это были чисто буржуазные преобразования, проводимые в условиях буржуазного строя, если бы их осуществля-

ли более последовательно и решительно, они могли бы привести к серьезному усилению национального начала в экономической и финансовой жизни страны, к более радикальному перераспределению ролей кхмерской и китайской буржуазии. Но на деле они даже не поколебали позиций последней. Созданный в ряде отраслей государственный сектор тоже не стал серьезным конкурентом промышленного сектора, контролируемого китайцами. Вопрос о роли китайской буржуазии в экономической жизни Камбоджи далеко не прост. Очевидно одно: не решив его, кхмерский народ не сможет стать истинным хозяином своей страны.

Перед светофорами Пномпеня



Светофоров в Пномпене много. Пожалуй, даже несколько больше, чем необходимо. Во всяком случае значительно больше, чем хотелось бы видеть водителям современного пномпеньского транспорта. Последние ничем не отличаются от своих собратьев из других стран. Разве только несколько меньшим знанием и соблюдением правил уличного движения. Но этому есть веское оправдание. Еще лет десять назад Пномпень не знал ни светофоров, ни регулировщиков, и вдруг однажды светофоры зажглись все сразу. Эффект оказался совершенно неожиданным. Пномпень узнал, что такое транспортные пробки и многочисленные аварии. Однако постепенно к новшеству привыкли. И уже через несколько лет, как и в других крупных городах мира, красный свет светофора собирал перед собой весьма внушительную колонну всевозможного транспорта.

Странной представлялась эта колонна иностранцу, впервые попавшему в Пномпень. Он привык в таких случаях видеть автомобили, а перед ним хаотическое скопление рикш, велосипедистов, мотоциклов и среди них одиночные крыши автомобилей.

Столь же непривычен для европейца движущийся транспортный поток на улицах кхмерской столицы. И хотя он довольно отчетливо распадается на быстроходный и тихоходный, ездить по городу с непривычки очень трудно. То и дело «натыкаешься» на группы или одиночные рикши, которые вовсе не спешат усту-

пить дорогу машине. Кроме того, в любую минуту из-за той же рикши может выскочить наперерез автомобилю мотоциклист. А мотоциклист в Камбодже — очень часто не лихой парень-одиночка, а целая семья, настолько плотно облепившая машину, что видны лишь ее колеса. Обычная картина: глава семьи за рулем, перед ним на бензобаке ребенок, между задним сиденьем и водителем — еще один. На заднем сиденье в позе, которую в верховой езде называют «амазонка» (ноги на одну сторону седла), с самым младшим ребенком на руках — жена. Если семейство более многочисленное, еще один ребенок может примоститься на багажнике. Невольно позавидуешь хладнокровию такого семейства и восхитишься мастерством водителя-отца, бесстрашно и ловко лавирующего в потоке транспорта.

В последнее время рикши с центральных улиц все больше начинали вытесняться таксибусами. Таксибус — обычный трехколесный грузовой мотороллер, оборудованный для перевозки четырех-пяти пассажиров и используемый как маршрутное такси или просто такси, собирающее достаточное число пассажиров, которые едут приблизительно в одном направлении. Таксибус — побочное дитя автомобильного века, рожденное как будто специально для стран, подобных Камбодже. Они обошли столицы и другие города едва ли не всех государств Южной и Юго-Восточной Азии. Кое-где в странах этих регионов век таксибусов кончается или уже кончился: они уступили место наводнившим в последние годы азиатские страны сравнительно дешевым и экономичным японским легковым автомобилям. В Камбодже, напротив, таксибусы в конце 60-х годов только начали распространяться. Это обстоятельство не радовало ни водителей легковых автомобилей, ни водителей рикш. Первым они, тихоходные, сильно мешают в полную меру использовать скоростные возможности своего транспорта; малогабаритные, юркие, экономичные, они составляли очень серьезную конкуренцию вторым.

Но в камбоджийской столице основным видом общественного транспорта все еще оставалась рикша. Рикша — особое явление в жизни не только Камбоджи, но и большинства стран Южной и Юго-Восточной Азии. Однако происхождение ее даже в самих этих странах мало кому известно.

Прежде всего много путаницы в самом понимании слова «рикша». Рикша — в своем изначальном значении не человек, который перевозит грузы или пассажиров на ручной или механизированной тележке, а сама тележка.

«Дзинь-рики-ся» — так назвали японцы тележку, которую тащил или толкал перед собой человек. В буквальном переводе

это означало «человек-сила-повозка», то есть повозка, приводимая в движение силой человека. В английском языке оно трансформировалось в «джин-рикша». И уже потом вошло в обиходный язык всех иностранцев как просто «рикша». С момента своего появления оно обозначало двухколесную повозку. Впоследствии название повозки, прежде всего у иностранцев, перешло на самого человека, который обслуживает коляску,— его, как и тележку, стали называть рикшей.

В Камбодже вообще не употребляют слово «рикша», по крайней мере с тех пор, как эти тележки стали передвигаться с помощью велосипеда. Тележку называют «сайкло» или «цикло». В основе лежит французское слово, означающее «велосипед». Нанять сайкло, взять сайкло — здесь то же самое, что взять такси, нанять такси.

Колониализм сильно затормозил нормальный процесс экономического и культурного развития народов порабощенных стран. Именно поэтому рикша дожила до наших дней. И сейчас она действительно может служить, как, впрочем, и таксибус, символом определенной технико-экономической отсталости. Колонизаторы приложили немало усилий для быстрого и ши-

Улица в Пномпене

рокого распространения рикши в странах Азии. Но к изобретению самой рикши они не имеют никакого отношения.

Идея использования двухколесной тележки, в которую вместо лошади впрягается человек, принадлежит американскому матросу по имени Гобле. Естественно, он не был ни первооткрывателем, ни изобретателем: разновидности таких тележек для ручной транспортировки грузов на небольшое расстояние существовали во всех странах Европы и в США. Гобле был просто наблюдательным и предприимчивым человеком. Он же первым наладил массовое производство рикш в Японии. А попал он туда, будучи одним из матросов командора Перри, визит «черных кораблей» которого был первой попыткой американских колонизаторов пробить брешь в крепко запертых для иностранцев воротах феодальной Японии. Это случилось в 1868 году. Но, как известно, ни в 1868 году, ни позднее Япония не стала колонией США. А вот изобретенная предприимчивым американцем двухколесная повозка, в которую впрягается человек, получила там широкое распространение.

Почему? Дело в том, что Япония до 1868 года вообще не знала колеса. До тележки Гобле колесного транспорта в Японии не было. Знать передвигалась из города в город на носилках, воины и гонцы — верхом, а все остальные — пешком. Грузы же переносились на любые расстояния на плечах. В Японии отсутствовали условия для массового разведения тяглового скота, в том числе лошадей, мулов или ишаков. Повсюду царил ручной труд. Таким образом, идея американца Гобле, как ни парадоксально, ничего, кроме облегчения труда самым широким массам населения Японии, принести не могла.

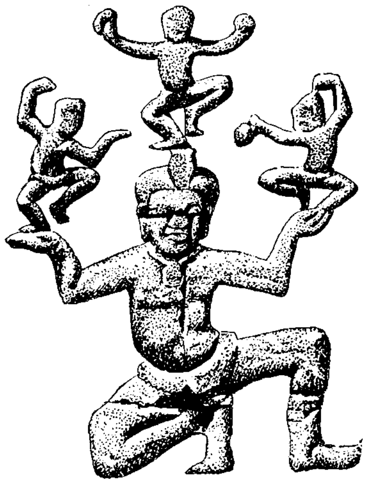
Аналогичное положение существовало и в других странах Южной и Юго-Восточной Азии. Правда, многие из них, как, например, Камбоджа, издревле знали и колесо, и телегу и постоянно использовали волов и буйволов в качестве тягла. Но ни в одной из них не было и нет животных, с помощью которых можно было бы организовать удобный и мобильный городской гужевой транспорт или сравнительно быструю переброску грузов на небольшие расстояния. Поэтому в них, как и в Японии, идея двухколесной тележки получила широкое распространение. Таким образом, появление рикши нужно расценивать прежде всего не как результат чьей-то злой или доброй воли, а как следствие объективно существовавших в странах Южной и Юго-Восточной Азии специфических условий.

Классовые и социальные сдвиги в местном обществе, рост численности государственных чиновников и аппарата колониального управления — таковы, как представляется, основные

посылки широкого распространения в этих странах «легковых» рикш. Причем в большинстве случаев первыми седоками стали не колонизаторы и местная знать. Колонизаторы лишь узурпировали право, принадлежавшее представителям высшего сословия порабощенных ими народов.

«Либеральных» европейцев поражал самый факт езды «на человеке», унижающий, по их мнению, достоинство и того, кто в оглоблях, и седока. Однако свой справедливый гнев они обрушивали в первую очередь не на систему, порождающую эксплуатацию человека человеком, не на истинных эксплуататоров — владельцев рикш, спокойно в тиши своих вилл подсчитывающих барыши, а на тех, кто пользовался услугами водителей рикш.

Сколько же рикш в Пномпене? Точную цифру никто не назовет, ее, вероятно, не знали и официальные власти. Судя по номерам велорикш, их в 1969 году было в Пномпене тысяч шесть, может быть, больше, но ни в коем случае не меньше. Каждую велорикшу обслуживали посменно два человека. Поэтому не мудрено, что перед красным светом светофора прохожий видел не море машин, а хаотичное нагромождение велосипедных колес, над которыми возвышались фигуры велосипедистов, изготовившихся к старту.



Праздники

Праздник вообще, тем более праздник незнакомого народа, — всегда волнующее событие. И обычаи, и традиции, и одежда — все представлено здесь особенно ярко, выпукло, осязаемо, и все это — невиданное, новое. Но интересно: чем больше видишь праздников, тем меньше обнаруживаешь в них нового в сравнении с праздниками других народов, тем больше замечаешь не различие, а сходство. И однажды наступает такой момент, когда перестаешь обращать внимание на внешние различия и тебе кажется, что где-то уже видел именно этот праздник. Тогда-то и хочется писать уже не о самом факте, а о причинах, его породивших, не о самом явлении, а корнях его.

Для меня в конечном итоге всегда важнее узнать не подробности проведения одного из праздников незнакомого ранее народа, а выяснить происхождение самих праздников. Подробности будут вскоре забыты. Совсем другое дело — попытаться заглянуть в истоки этого явления в жизни народов.

Первое, на мой взгляд, что бросается в глаза,— единый источник праздников у народов всего мира. Все праздники, не считая государственных, связанных с событиями исторической жизни той или иной страны, ведут свое происхождение от языческих игрищ, в основе которых лежала поэтизация труда, обожествление сил природы и одухотворение самой природы. Совершенно одинаков, как мне кажется, и сам «сценарий», по которому разыгрывается это всенародное представление. Слегка меняется лишь последовательность эпизодов. Только по форме разнится и «реквизит» — у всех должны быть лучшие наряды, лучший и обильный стол, отличное праздничное настроение.

Повсюду традиционно-народные праздники связаны с определенными, обусловленными географическими и климатическими условиями этапами трудовой деятельности. Повсюду, как представляется, в своей первооснове праздник был не только, а может быть, даже не столько формой преклонения перед силами природы, желанием их задобрить, сколько своеобразной демонстрацией уважения к этим силам, готовности к «честному деловому сотрудничеству». Праздник всегда и у всех — это демонстрация гармонии, богатства, сноровки, силы и красоты.

Все это, естественно, никак не могло быть рассчитано на попытку умилостивить богов, вызвать их сочувствие или снисхождение. Скорее это можно расценивать как желание вызвать у природы аналогичные ответные действия. На обилие она должна была ответить изобилием, на красоту — красотой и так далее. При этом приемы у всех народов настолько схожи, что можно подумать: уж не переняли ли они их друг у друга? И только твердая уверенность в невероятности такого предположения заставляет отказаться от этой мысли.

Например, русская масленица праздновалась в тот период, когда уже иссякали зимние запасы продовольствия. Тем не менее это был самый расточительный, самый разгульный из всех праздников, во время которого все продукты расходовались так, как будто их запасы еще не тронуты. Кхмеры встречают Новый год в конце сухого сезона, в самое пекло. Кругом растрескавшаяся от жажды земля, пожухлая, покрытая толстым слоем пыли листва, водоемы больше похожи на резервуары с глинистым раствором. Вода же на этом празднике льется рекой и льется не на землю, не на растения, а на празднично одетых

людей. Суть обоих, разделенных временем и пространством праздников двух далеких друг от друга народов, видимо, одна и та же: обилием вызвать обилие.

Но если содержание праздников едино, то разница обнаруживается в форме их проведения: хотя различие религий не смогло изменить их сущности, христианская, мусульманская или любая другая из них сумела набросить на праздники свои одежды. Но в отличие от монотеистических религий, которые трансформировали языческие культы на основе новых идеологий, кхмерским традиционно-народным праздникам повезло: буддизм просто «благословил» их все разом. Однако это не заслуга буддизма, а лишь результат особенностей его возникновения и распространения. Об этом речь пойдет несколько позже. Сейчас — о праздниках.

Праздников в Камбодже немало. Пожалуй, самый большой, самый массовый и самый щедрый кхмерский праздник — Новый год. Его современные кхмеры отмечают дважды. Первый раз вместе со всем миром, пользующимся Григорианским календарем, то есть в ночь с 31 декабря на 1 января, и второй раз — 14 апреля. Собственно, первый, «европейский», Новый год нельзя даже назвать и праздником. Отношение к нему здесь приблизительно такое же, как у нас к «старому» Новому году. А вот Новый год буддийский — действительно всенародный праздник, хотя буддийское летосчисление знают только бикху и в обыденной жизни им не пользуются.

Каждый год у кхмеров носит название какого-либо животного: «год собаки», «год обезьяны» и так далее. О кхмерском Новом годе стоит рассказать, но не о самом празднике, а об одном сопутствующем ему явлении.

Обычная предпраздничная суета начинается недели за две до праздника. Хозяйки закупают продукты, готовят то, что можно приготовить впрок, приводят в порядок и украшают жилища. И конечно, приобретаются обновки, готовятся праздничные наряды. Центральные улицы города и места массовых гуляний иллюминируются, пиротехники готовят фейерверки. Красотой и разнообразием фейерверков можно любоваться, кажется, до бесконечности, но для кхмеров это зрелище довольно обычно.

Как же выглядит праздничный стол кхмерской семьи? Любители плотно поесть, гастрономы и гурманы пусть не торопятся потирать руки. Центральное место на столе занимает круто сваренный на пару рис, приправленный специального засола рыбой, вернее, рыбной массой особо резкого запаха. Не последнее место занимают тарелочки с проросшими бобами и еще ка-

ким-то зерном; вареные овощи, по виду и вкусу напоминающие турнепс; насаженные на палочки прозрачные кубики рисового желе; рыба вяленая и вареная, папайя. Могут быть и ананасы, и бананы. При этом нужно учесть, что перед вами стол достаточно обеспеченной семьи. Есть мясо, но оно, как и все мясные продукты, занимает очень скромное место, картофель тоже есть, и рассыпчатый, но он желтоватого оттенка и вкусом напоминает подмороженную картошку, то есть это уже упоминавшийся батат. И все, пожалуй. Остальное было лишь в двух пномпеньских магазинах: у «Мишо» и в государственном — там всякая гастрономия, деликатесы, однако все это по карману лишь европейцам да местной знати. Большинство кхмеров не знают ни вида, ни вкуса этих продуктов, как не знает большинство кхмеров вкуса коровьего молока, творога, настоящего картофеля и многого другого: традиции разведения молочного скота давно утеряны, а гастрономии в европейском понимании просто не существовало.

Но ведь это очень скромный стол и неважное питание, может воскликнуть любой европеец. И он будет прав. Кхмер же уверен, что питается хорошо, и он тоже прав по-своему, так как имеет возможность досыта есть свою традиционную пищу.

Но вернемся к праздничному кхмерскому столу. Основной напиток — вода, обычная, из-под крана, и охлажденная льдом. Вино тоже бывает. Максимальная крепость его — 30 градусов. Как правило, это настойки на всевозможных лекарственных травах. Употребляют и местную водку. Ее крепость тоже не превышает 30 градусов. Но в общем-то кхмеры нация «непьющая». Пьяницы здесь редкость. Вино, если оно и есть на праздничном кхмерском столе, играет очень скромную роль.

Однако не застолье представляет во время празднования кхмерского Нового года наибольший интерес. Вот обычная в мирных условиях картина. Улицы Пномпеня, особенно центральные, заполнены народом. В основном мужчинами. Они не разгуливают компаниями, не танцуют, не поют песен, а плотными шпалерами стоят вдоль тротуаров. Одни стремятся протиснуться вглубь, туда, где первый ряд в напряженном ожидании согнул спины над столиками, другие пытаются вырваться наружу, на улицу.

Что же привлекло их сюда и не отпускает до поздней ночи? Что приковывает их к этим расставленным вдоль тротуаров столикам? Какой-нибудь религиозный обряд, стремление прикоснуться к священным реликвиям, приносящим очищение и счастье на целый год?

Нет. Их влечет сюда чувство, далекое от религии: страсть к игре. Игра идет на всех столиках. Здесь легко постичь все самые примитивные способы проигрывания денег — от угадывания выпавшего числа на брошенной держателем «игорного заведения» кости до убогого подобия рулетки. Причем реквизит содержателя игорного столика нередко составляют затертый шестигранный кубик и видавшая виды алюминиевая чашка, которой кубик прикрывается. Выигрыши и проигрыши ничтожны, но ажиотаж вокруг этой чашки с кубиком превеликий.

«Удовольствие, которое стоит богачу тысячи, бедняку обходится в копейки»,— гласит восточная мудрость.

Три дня продолжалось празднование Нового года, и три дня в Пномпене играли. Играли дети, подростки, взрослые, у кого были лишние деньги и у кого они никогда не водились. Играли не только в Пномпене, но и в большинстве других городов Камбоджи. Поездка в новогодние дни по крупным городам могла создать впечатление, что страна на три дня становилась всеобщим игорным домом с миллионами посетителей. Но это не так. Играли в основном в городах. Деревня обходилась другими, традиционными развлечениями — боем петухов, свиней, различными спортивными состязаниями, самое распространенное из которых, пожалуй, национальная борьба.

Сами кхмеры сегодня не знают, откуда и когда пришло к ним увлечение азартными играми. Ни китайские хроники, ни рельефы Байона, очень подробно повествующие о повседневной жизни горожан времен Ангкорской империи, ничего в этом отношении не проясняют.

Через три дня жизнь города входила в обычную колею. Азартные игры в течение всего остального года в Камбодже были запрещены. Правда, оставались казино в Бакоре, Кампонгсаоме и Пномпене, но они доступны в основном лишь состоятельной верхушке.

Познакомимся теперь с праздником, повод для которого существует только в Камбодже и больше ни в одной стране мира. Он называется праздником Возвращения вод. Помните: воды реки Тонлесап в течение почти всего сезона дождей текут в сторону озера, а следующие полгода — в обратном направлении. День поворота течения реки и является кульминационным моментом праздника.

Этот праздник справлялся в Камбодже, вероятно, с той самой поры, когда первые здешние поселенцы заметили странную и долгое время необъяснимую для них закономерность периодического изменения течения реки Тонлесап. И не было в прежние годы случая, чтобы этот праздник не отмечался. Лишь военные

действия заставили отказаться кхмеров от проведения праздника Возвращения вод.

Возвращение вод — праздник чисто языческий. Но, как и каждая религия, буддизм активно использует языческие верования и обряды для своего собственного утверждения. При этом служителей Будды, по-видимому, не смущает, что они, как, например, и их христианские коллеги, участвуют в самых настоящих языческих игрищах, устраиваемых в честь языческих богов.

Культовые языческие лодки весь год стояли в пагодах под неусыпной охраной буддийских монахов. Их выносили оттуда раз в год в лунный месяц «каттио», который приходится на ноябрь европейского календаря. При серебристом свете полной луны несли их команды гребцов, одетых в национальные костюмы, из близлежащих пагод к рекам. Процессию сопровождали буддийские бонзы и жители деревень. Под торжественную музыку национальных оркестров, состоящих из бронзовых гонгов и барабанов, обтянутых кожей питона, лодки спускались на воду, загружались рисом и фруктами — дарами богам воды и земли. В каждой провинции спуск лодок происходил в разное время, но с тем расчетом, чтобы они в один и тот же строго определенный день прибыли в столицу.

Раньше в ночь перед началом трехдневных праздников король и королева при свете луны тоже покидали дворец и торжественно поднимались на борт миниатюрного плавучего дворца, чтобы король лично мог возглавить все дальнейшие приготовления к празднеству. В годы независимости эта часть праздничного ритуала отпала. Ежедневно во время праздника Возвращения вод тысячные толпы пномпеньцев заполняли берега реки у места, где происходили основные события праздника. Каждый день кортеж направлялся из королевского дворца к плавучей резиденции. Здесь со всеми удобствами размещались и члены правительства, и многочисленные гости, среди которых обычно присутствовали главы и сотрудники иностранных посольств.

Главный номер праздничной программы — гонки каноэ, устраиваемые во второй половине дня. Трехдневная регата — незабываемое зрелище. Прежде всего сами каноэ. Длинные, на 20—25 гребцов, выдолбленные из стволов огромных деревьев, они формой напоминают рыбу. Нос их — рыбья голова с раскрытой пастью, корма — хвост. Они ярко раскрашены и убраны цветами. Чтобы придать лодке сходство с живым существом, на носу рисуют золотые глаза. Под стать лодкам — гребцы. В ярких национальных одеждах, с небольшими клочками крас-

ной материи, привязанными к запястьям, они гребут с невероятной энергией. Центральная фигура каждого каноэ — рулевой. Он со своим маленьким лакированным веслом, служащим ему своеобразной дирижерской палочкой,— в центре каноэ. Но в обязанности рулевого входит не только установление ритма гребли и регулировка курса движения, одновременно он выполняет еще и роль шута, потешающего зрителей. В его репертуаре смешные куплеты, различные трюки, среди которых огромной популярностью пользуется падение в воду. При последнем трюке гребцы, не нарушая ритма гребли и не сбавляя скорости, вылавливают рулевого из воды и водворяют на место.

Празднества продолжались и с наступлением темноты. До позднего вечера река покрыта сотнями плавающих огней. Это движутся вверх и вниз по течению те же каноэ, что принимали днем участие в регате, к ним присоединяются и другие. Все они освещены и богато украшены. На носу каждой лодки горит по три свечи, одна из которых зажжена в честь района, где живут плывущие на каноэ участники празднества, две другие — в честь соседних районов. Под свечами подстелены листья банана, на которые стекает расплавленный воск. Считается, что по фигурам, образованным расплавленным воском, можно определить, каким будет урожай.

На борту медленно плывущих лодок люди веселятся, поют песни под импровизированные оркестры, заражая весельем зрителей на берегу. Время от времени в небе над рекой вспыхивают разноцветные фейерверки. Отраженные водой, они образуют сплошной поток ярких красок и света.

Кульминационного момента праздник достигал тогда, когда представитель государственной власти приказывал водам Тонлесапа изменить направление течения и вместе с водами Бассака и Меконга направить свой бег к морю. Это происходит обычно на третий день праздника, в первый день полнолуния. Естественно, что воды не могут ослушаться приказа, точно так же, как не могли ослушаться раньше приказа короля, а еще раньше подчинялись приказу бонзы.

Бонза, то есть представитель буддийской религии, многие века в языческом игрище исполнял роль жреца или шамана. Перед тем как воды реки должны были сменить направление бега, на середину реки выезжало каноэ с бонзой. Поперек реки натягивался канат, сплетенный из воловьих жил. Возле этого каната и совершал свой ритуальный танец служитель культа. Значение танца сводилось к тому, чтобы заставить реку изменить направление.

Бонза то наступал на канат, размахивая мечом, то отступал

и совершал другие движения до тех пор, пока не чувствовал, что лодку сносит в другую сторону. Тогда он рассекал мечом канат, и по направлению его расходящихся концов все зрители убеждались, что течение изменилось. В образовавшийся проход устремлялись сотни каноэ, собравшихся к этому времени на реке после гонок. Своим одновременным стремительным рывком они как бы побуждали воды Тонлесапа быстрее течь в сторону моря.

На этом праздник заканчивался. Команды гребцов возвращались в свои деревни, лодки — в пагоды, где оставались на целый год.

Кажется, какой праздник может быть более «кхмерским», чем празднование Возвращения вод, однако он стал праздником всех народов, проживающих в Камбодже и так или иначе связанных с сельским хозяйством. В регате и празднике принимали участие и кхмеры, и чамы, и китайцы —словом, представители всех крупных национальностей, населяющих Камбоджу, каждая из которых исповедует различную религию. А праздничный ритуал у них один и тот же.

На лодках, где оркестры составлены из разных инструментов, звучали разные мелодии, но все они выражали одно и то же чувство ликования. На разных языках пелись песни, но все они задорные, шуточные и все посвящались одной теме. На всех лодках горели свечи, и представители всех национальностей с одинаковой верой и надеждой смотрели на образовавшиеся возле них потоки воска. Собственно, само гадание на воске с равным успехом можно назвать и чисто кхмерским, и чисто чамским, и чисто... русским. Разве не тем же самым занимались у нас в крещенские вечера в прошлые века?

А регата? Разве это не естественная форма проведения водного праздника для любого из народов, жизнь которого связана с водой? Да и сам праздник воды в той или иной форме, в то или иное время широко был распространен у всех народов Юго-Восточной Азии.

День возвращения сиамцами храма Преахвихеа, того самого, по имени которого получила свое название одна из вершин горной гряды Дангрэк, впервые был объявлен государственным национальным праздником в 1968 году.

Может быть, об этом празднике и не стоило бы говорить, если бы не одно обстоятельство, выделившее его из остальных камбоджийских праздников. В день празднования на специально сооруженной на территории королевского дворца сцене состоялось большое представление.

Праздничный концерт не столь уж значительное событие, чтобы на нем специально останавливаться. Для любой другой

страны было бы вполне достаточно и трех слов: «был дан концерт» (как часто пишут в отчетах). Но только не для Камбоджи. Для Пномпеня и для всей Камбоджи театрализованное представление явилось огромным событием. Пномпеньцы впервые получили возможность познакомиться с профессиональным искусством своих соотечественников, сумели убедиться, какие богатые возможности таят в себе национальные кхмерские танцы, песни, музыка. До того дня пномпеньцы никогда не видели ничего подобного на сцене.

Это был настоящий праздник кхмерского искусства. Не меньше 15 тысяч зрителей, среди которых было немало и иностранцев, окружили помост. Погода стояла совсем не кхмерская: все небо обложено тучами, из которых непрестанно сеял мелкий, но очень теплый дождь. Три часа длилось представление. И три часа стояла, не шелохнувшись, толпа, переживая происходящее на сцене.

А на сцене были показаны перипетии многолетней тяжбы Камбоджи с Таиландом за храм Преахвихеа, закончившейся торжеством справедливости — возвращением национальной святыни. Тонко и остро высмеивали артисты крючкотворство международного суда, куда передавалось дело на арбитраж, с большим сарказмом была показана неблаговидная роль французской администрации, которая должна была по логике вещей защищать интересы своего протектората, а на деле лишь затягивала решение вопроса; ярко изображалось ликование народа, узнавшего о возвращении храма. Это трехчасовое представление трудно отнести к какому-либо одному жанру искусства. Здесь было все: водевиль, драма, комедия, танцы, музыка, хоровое пение, мелодекламация. И все тесно переплетено и подчинено одной сюжетной линии.

На другой день один из руководителей Университета изящных искусств, силами студентов которого и было дано представление, говорил мне: «Многие только ищут пути к синтетическому театральному искусству, мы уже нашли их и будем развивать впредь».

Насколько он прав — судить специалистам.

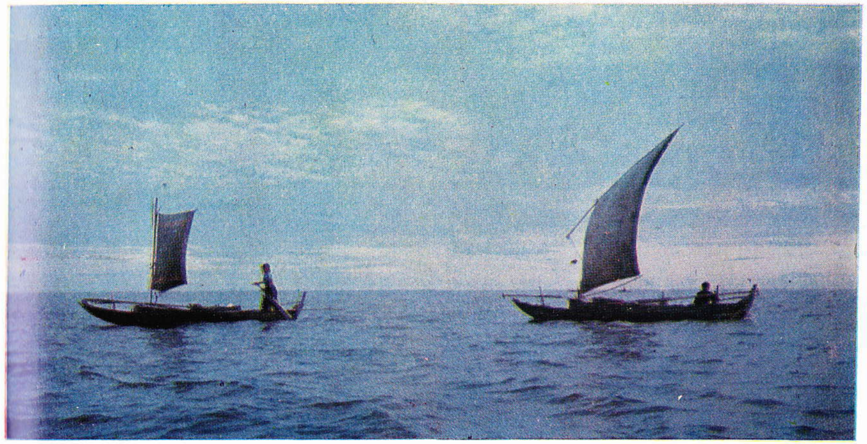
Для меня было ясно одно: в тот вечер зрители увидели лишь незначительную часть тех огромных богатств, которые таят в себе народные песни, танцы, музыка. А если бы в стране были созданы условия для того, чтобы эти богатства раскрылись полностью и повсеместно?!

Развалины
некогда величественных
сооружений

Ангкорват.
Центральная часть

Южные ворота Ангкортома — одной из древних столиц Ангкорской империи ▷

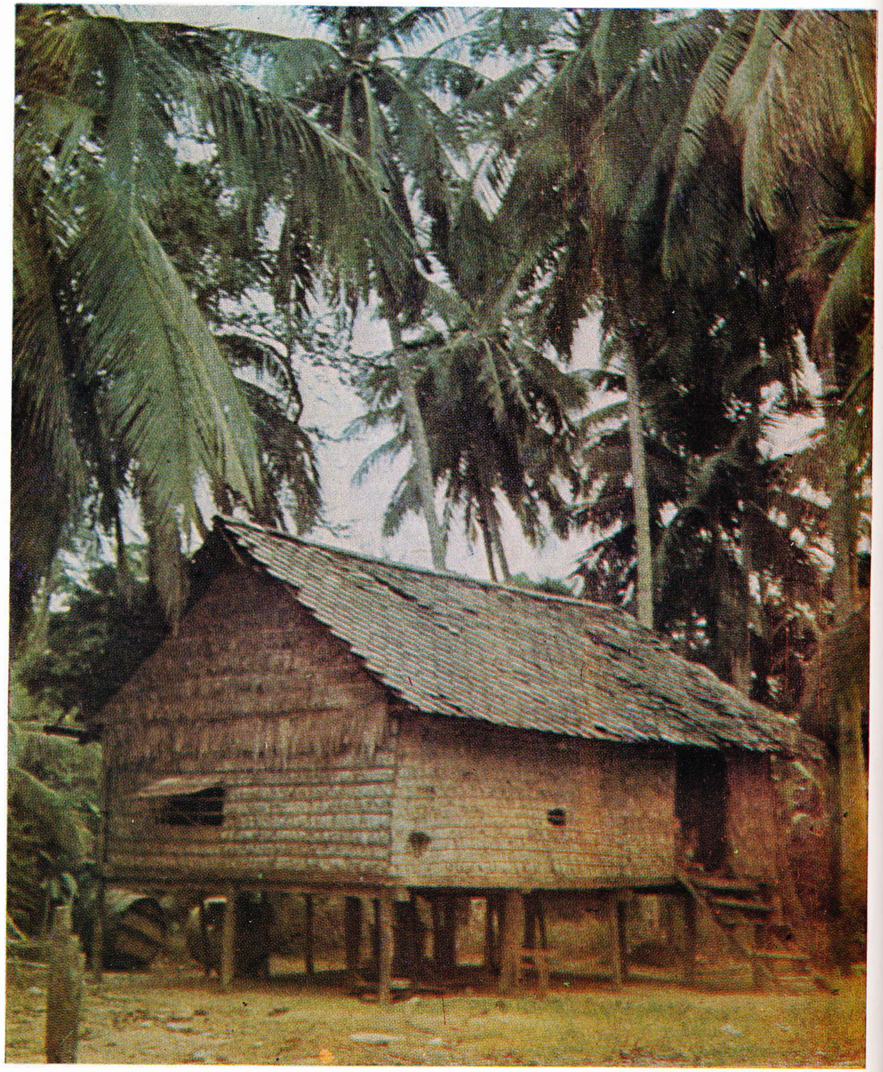
На озере Тонлесап ▷



Саронг — традиционная кхмерская одежда мужчин и женщин

Кхмерская женщина с детьми

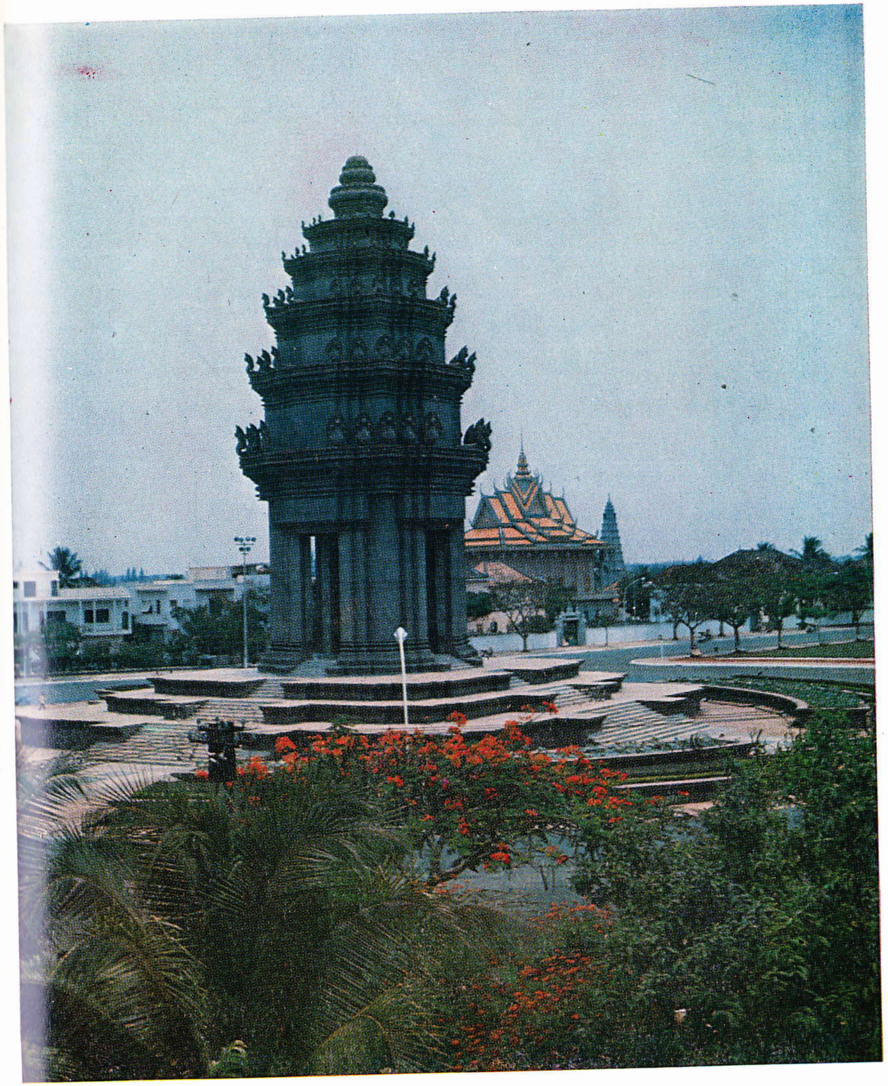
Пайотт — традиционное
жилище кхмеров



Один из «предсказателей судеб»
с горы вдовы Пень

Центральный рынок Пномпеня
в часы, когда основной поток
покупателей уже схлынул

Пномпень. Площадь и памятник
Независимости



Бикху — буддийские монахи

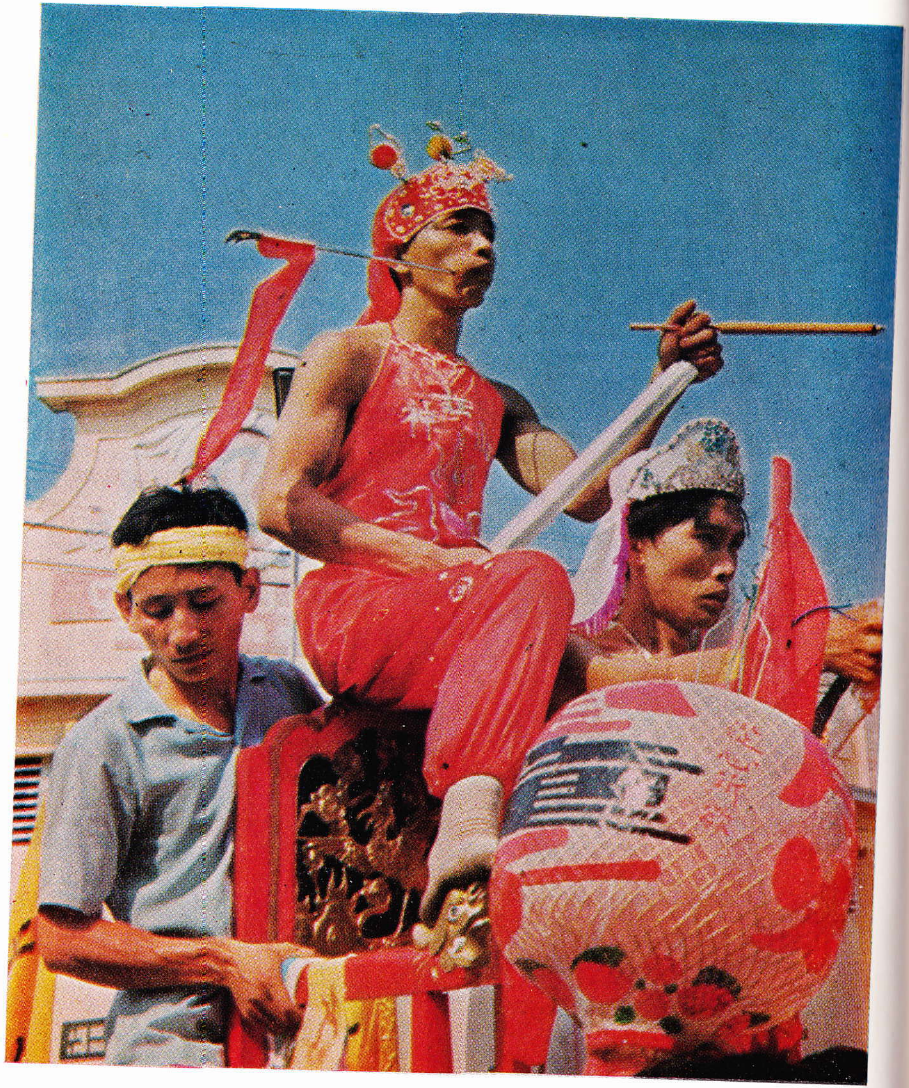
Гостиница «Индепанданс» в Кампонгсаоме

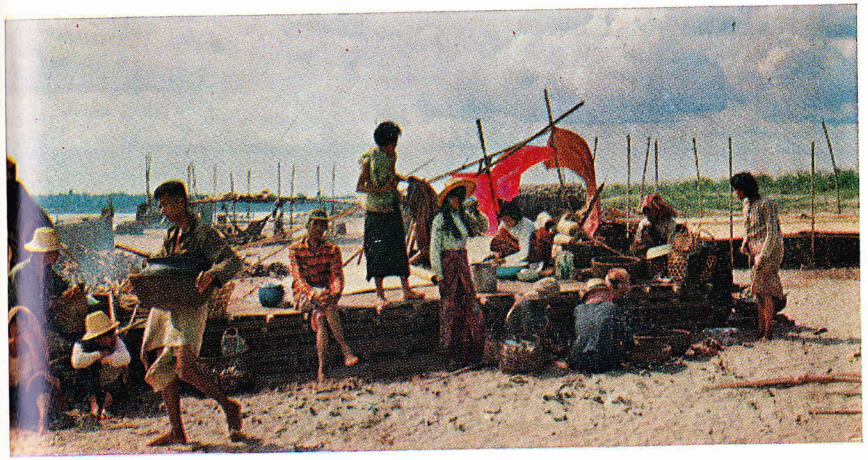
Один из завершающих моментов древнего кхмерского свадебного обряда

На празднике китайских даоистов «Встреча с духами»

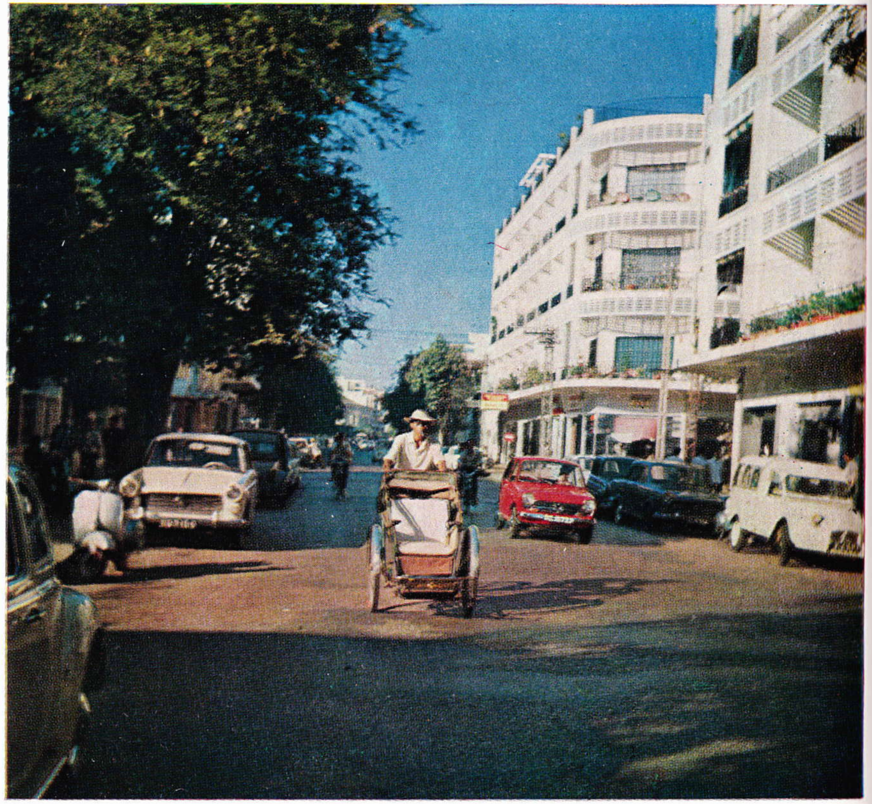
Рыбаки на Меконге

Вечером в рыбацкой деревне на озере Тонлесап





Днем у одного из центральных кинотеатров столицы



Одна из улиц Пномпеня

Стена древнего храма в районе Тонлебаты

Джунгли на юге Камбоджи

От концертного зала до стадиона

С первых дней независимости официальная пропаганда печатно и устно напоминала кхмерам об Ангкоре, о возрождении духа Ангкора в Камбодже. Но так и не сумела или не захотела рассказать популярно, что же должен собой представлять Ангкор для современной Камбоджи. Чем дорого наследие Ангкорской империи? И осталось все это для кхмеров, как и было, тайной за семью печатями.

А сам Ангкор? Он так же далек и непонятен кхмерам, каким был до его открытия Муо, до его восстановления и реставрации. Памятники Ангкора не стали местом паломничества не только кхмеров, но и населения расположенного всего в трех километрах от него Сиемреапа.

Что Ангкор! В Пномпене существует Исторический музей. Но никого, кроме служителей и иностранцев, здесь почти никогда не бывало. К сожалению, когда приглядишься внимательно к экспонатам музея, к статуям богов и королей, к ювелирным изделиям, вчитаешься в таблички, которые называют, а не рассказывают, то убеждаешься в отсутствии системы и научной организации музея. Не видно было и проспекта, хотя бы кратко рассказывающего о великой эпохе в жизни кхмерского народа.

Но оставим далекую историю.

В Пномпене была постоянно действующая выставка достижений независимой Камбоджи. Сегодняшний день, перспективы развития страны — что больше может интересовать народ, обретший независимость?

Но... постоянно действующая выставка открывалась только для посещения ее иностранными делегациями и отдельными высокопоставленными гостями из других государств.

И это не случайно. Ее экспонаты не могли заинтересовать широкую публику. В залах выставки не было ничего, кроме крупноформатных однотипных фотографий, запечатлевших момент официального открытия или сельской аптеки, или городской больницы, маленького оросительного канала или большого государственного завода.

Рядом с выставкой находится прекрасное здание Национального театра, строительство которого потребовало немалых средств. Вскоре после открытия на сцене этого театра шла даже

5 № 3820

одноактная чеховская пьеса «Медведь». Кхмеры очень тепло отзывались об этой пьесе.

С тех пор новое здание Национального театра было почти всегда на замке. В Пномпене, как и во всей Камбодже, не существовало ни одной постоянной профессиональной театральной труппы.

И все-таки примерно раз в два года двери Национального театра раскрывались. Так случилось, например, в 1969 году, когда в Пномпене проводился международный кинофестиваль. Инициатором и организатором международного форума кинематографистов была Камбоджа. На фестиваль съехались представители почти ста стран, включая Советский Союз. Все происходило так, как положено при проведении таких мероприятий. Было большое представительное жюри, были конкурсные и внеконкурсные просмотры фильмов, встречи, приемы, речи, призы и... высочайшие цены на билеты.

В заключение перед участниками фестиваля выступили учащиеся Университета изящных искусств. Среди них группа классического «европейского» балета, которой руководили создавшие ее советские балетмейстеры. Работа фестиваля весьма широко освещалась в прессе. Печатались репортажи, интервью, рецензии на просмотренные фильмы, статьи о значении киноискусства в установлении взаимопонимания между народами. Увы, ни слова не говорилось лишь о кхмерской кинематографии. Страна — организатор международного кинофестиваля — смогла представить на нем лишь два любительских фильма.

Ни один фильм, демонстрировавшийся на кинофестивале, на камбоджийский экран не вышел: не хватило средств на покупку. Но зато было принято решение о ежегодном проведении международных кинофестивалей в Пномпене и назначена подготовительная комиссия. Это решение объяснялось «заботой о дальнейшем развитии национального кино».

Несколько особое положение в культурной жизни столицы занимал кхмерский классический балет, который имеет вековые традиции и представлен труппой поистине блестящих танцоров.

Кхмерский национальный балет — явление уникальное, гордость нации. Кхмерское классическое танцевальное искусство, как отмечал Огюст Роден, впервые увидевший в 1906 году кхмерский балет на парижской сцене, имеет всеобщую ценность. «Эти камбоджийки,— писал он,— дали нам все, что может включить в себя античное искусство, их античность посвящена тому же, что и наша. В течение трех дней мы жили в трехтысячелетнем прошлом. Невозможно представить себе обычного смертного

носителем такого совершенства. На это способны были лишь эти танцовщицы и древние греки».

А если верить древней легенде, кхмерские танцовщицы и не являются простыми смертными: боги даровали им совершенство, присущее небесным танцовщицам-апсарам.

И танец «тепмонором» рассказывает как это произошло.

Под звуки оркестра национальных инструментов в глубине сцены появляется танцовщица — прима королевского балета. Все ее мысли заняты танцем апсар. Как обрести совершенство, как получить этот дар, присущий лишь неземным танцовщицам? Без помощи богов это невозможно. Но как обратиться к ним? Услышат ли, поймут ли? Удрученная горестными размышлениями, она не заметила, как оказалась в чудесном, ранее не знакомом ей саду, усеянном волшебными цветами пхкола. Видя перед собой неземную красоту, балерина понимает, что именно отсюда просьба может быть услышана богами.

Зритель не видит ни цветов, ни сада. На сцене только танцовщица. Кхмерский балет исключает какие-либо декорации. О месте действия рассказывает, вернее, намекает хор, а каким представит себе сад зритель — уже целиком дело его воображения. Хор, как и оркестр, довольно небольшой — 15—20 человек. Располагаются певцы и музыканты не на сцене, а сбоку от нее, в своеобразной оркестровой яме: ничто не должно отвлекать зрителя от танца.

Прима балета продолжает свой танец. Звучит песня:

Сегодня я преисполнена счастьем оттого,
Что нахожусь в таком прекрасном цветущем саду.
О, волшебные цветы!
Я хочу собрать и держать подле себя.
Но, если вы их тоже любите,
Я одарю вас ими...

В этот момент выходят на сцену остальные танцовщицы. Звучит хор, исполняющий песню танцовщиц:

Мы проникли в сад, привлеченные прелестью цветов,
Которые мы сейчас собираем,
Чтобы одарить свою королеву.
О, цветы, сошедшие с неба,
Как радуют они наши сердца!
О, цветы пхкола несравненной красоты,
Из которых мы сплетаем гирлянды!
Ни один смертный не устоит перед вашей прелестью!

Во время танца танцовщицы вдруг ощущают, что их земной танец превращается в танец апсар, и они понимают, что просьба их услышана богами. Так королевские танцовщицы становятся

земными апсарами, а прима балета — королевой апсар. По
ните: «Мы собираем (цветы), чтобы одарить свою королеву»?

Образ апсар, запечатлевший одну из поз исполняемых им
танцев, бесконечно вопроизводился кхмерскими скульпторам
на стенах ангкорских памятников.

Самый древний текст, упоминающий королевских танцов
щиц, относится к VI—VII векам. Во времена расцвета Ангкор
ской империи танцовщиц насчитывались тысячи. Они обслу
живали не только королевский двор, но и многочисленные буд
дийские монастыри. С уходом кхмеров из Ангкора от многи
тысяч апсар осталась лишь маленькая группа, обслуживающа
королевский двор. Она-то и хранила, передавая из поколе
ния в поколение, традиции кхмерской хореографии.

С конца XVIII до середины XIX века классический кхмер
ский танец вышел из королевских покоев на площадь королев
ского дворца. Это было время царствования короля Анг Дуонга
Он слыл поэтом и покровителем искусств. Между прочим, о
был и первым кхмерским королем, обратившим свои взоры
Франции как возможной защитнице Камбоджи от притеснени
Сиама и Аннама. Правда, его представления о великой цивили
зованной европейской стране, ее просвещенных монархах и е
политике по отношению к «малым» государствам формировалис
преимущественно французскими миссионерами.

При Анг Дуонге было уже 500 танцовщиц и танцоров
Однако к началу XX века балетная группа снова сильно умень
шилась. И в 1906 году король Сисоват, отправившийся в Па
риж, смог собрать группу всего в 50 человек. Ее-то выступлени
и видел Огюст Роден. Но и этой группе было суждено просущест
вовать очень недолго. Она распалась. Несколько танцовщиц ос
тались лишь при принцессе Коссомак. Ей, как говорит офици
альная версия, Камбоджа и мир обязаны тем, что кхмерски
классический танец дожил до наших дней, донеся до современ
ного зрителя все совершенство, утонченность и чистоту древнег
танца апсар.

Никто не знает, какой была апсара в саду бога Индры, н
ее нынешняя земная сестра — это мимическая артистка, об
ладающая прекрасным даром перевоплощения. Своим танцем
жестами, мимикой она передает те действия и чувства героев,
которых поют хор или солист.

Каждая фраза песни требует определенного жеста, опреде
ленного положения, взгляда и даже движения ресниц танцов
щицы. А каждый жест и каждое положение требуют абсолютно
строго предписанной традицией синхронизации, и они являютс
единственными для данной фразы хора, для выражения данног

чувства. Если, например, ладонь выносится вперед выше пояса, другая должна сейчас же оказаться на строго предназначенном ей месте. Каждое новое положение определено во времени темпом и ритмом, но оно меняется только после фиксации позы, чтобы зритель смог увидеть каждую фигуру танца, оценить, восхититься и пожалеть мгновение спустя о том, что она исчезла.

Кхмерский классический балет сложен для восприятия. Необходимо знать скрытый смысл каждого из жестов и движений танцовщиц, чтобы по-настоящему глубоко проникнуть в сюжет передаваемой танцем легенды, в полной мере оценить уникальное искусство кхмерских танцовщиц. Однако, несмотря на своеобразие, глубоко национальную форму как самой кхмерской классической хореографической школы, так и многих сюжетов танца, кхмерский балет может с равным успехом выступать на любой сцене мира. И пусть даже большинство зрителей не сумеют оценить в полной мере все его достоинства — равнодушных не будет. Выступление кхмерского национального балета уже видели представители доброй половины мира, и мало находится среди них тех, кто не пожелал бы увидеть его вновь и вновь. Хотели бы посмотреть прославленный балет и простые кхмеры, но это им было недоступно: перед «чернью» королевские танцовщицы не выступали со времен короля Анг Дуонга.

Раз в год, как правило в дни празднования кхмерского Нового года, королевский балет выезжал в Сиемреап. Там он давал представления на улице, у подножия Ангкорвата. Это происходило вечером, при искусственном освещении. Зрелище потрясающее: когда смотришь танец «тепмонором», достаточно минимального воображения, чтобы представить себе небесный сад бога Индры. Увидеть же все это могла только местная знать да иностранцы, а для народа «национальная гордость кхмерского народа» на это время была закрыта.

В Пномпене есть прекрасный спортивный комплекс. Официально он называется Олимпийский стадион. Построили его в 1964 — 1965 годах специально для проведения игр азиатских стран, известных под названием Ганефо. Впечатляющее сооружение, выполненное по проекту Ван Моливана и построенное в лучших традициях Ангкора. Снаружи огромная чаша стадиона выглядит зеленым холмом со срезанной вершиной, к которой ведут широкие каменные лестницы. Азиатские игры Ганефо были проведены на этом стадионе в 1966 году. На них кхмерские спортсмены завоевали 13 золотых, 35 серебряных и 57 бронзовых медалей. Это был несомненный успех. Но с тех пор трибуны олимпийского комплекса заполнялись не чаще, чем залы постоянно действующей выставки.

Бикху — буддийский монах

Быть в Пномпене хотя бы один день и не заметить бонз, или бикху, как предпочитают называть сами себя кхмерские буддийские монахи, нельзя. Слишком много их — из каждых двадцати человек мужского населения один носит одежду монаха. Слишком выделяются они одеждой — ярким шафранно-желтым куском материи, которым искусно и не без изящества драпируют тело, оставляя голыми одно плечо и руку.

Хотя и принято называть бикху буддийскими монахами, а пагоды, в которых они живут,— монастырями, эти названия довольно условны. С христианскими монастырями их роднит, пожалуй, одно: и те и другие были в свое время крупнейшими феодалами. Если христианин шел в монастырь, чтобы удалиться от «мирской суеты и отдаться целиком служению богу», то кхмер становится монахом, чтобы «идти в народ», оказаться ближе к нему. Христианин постригается в монахи на всю жизнь, кхмерский буддист может стать монахом всего на три месяца. У христиан пострижение в монахи могло быть актом добровольного или принудительного наказания за грехи, совершенные безразлично перед богом ли, царем или государством, то есть монахом или в конце концов святым мог стать даже вор, бандит или казнокрад вроде переславль-залесского Никиты Столпника. Посвящаемый же в бикху должен подтвердить, что он не крал, не убивал и что у него нет никаких не выполненных по отношению к государству обязанностей.

Резко отличается внешне и организация бикху. Во главе каждой пагоды стоит настоятель (тот же бикху) и два его помощника. Все трое избираются на общем собрании бикху и неофитов (последние по-кхмерски называются «саманера»). Настоятели деревенских пагод выбирают районных руководителей. Те в свою очередь избирают глав духовенства провинции. Высшие деятели буддизма в Камбодже избираются на заседании Высокого совета, или Синода, на котором присутствуют все другие избранные руководители духовенства, начиная с настоятелей деревенских пагод. Для более тесного общения духовенства с населением жители деревень, а в городах, где пагод

Молодой монах-бикху

много,— прихожане пагод избирают мирские комитеты, из числа членов которых выбирается или назначается мирской помощник настоятеля пагоды — ачайар. Буддийские монастыри и пагоды служили, особенно в деревнях, чем-то вроде клуба, двери которого широко распахнуты для каждого. (Кстати, в них могут свободно заходить и представители любой другой религии и просто атеисты.) И крестьяне особенно в дни праздненств или по вечерам охотно наведывались туда, причем не столько для отправления религиозных обрядов, сколько для того, чтобы обсудить с бикху свои насущные, самые что ни на есть мирские проблемы.

Таким образом, бикху — не столько монахи в нашем понимании этого слова, сколько священнослужители, призванные, по идее, безвозмездно (не считая подаяний, которыми они питаются) распространять в народе своим живым примером и словом учение Будды.

Это учение еще при жизни Сидхатхи Гаутамы (так звали отпрыска царского рода Готамы из племени шакьев, обитавшего в северной Индии до того, как он достиг состояния просветленности, святости — Будды) пользовалось большой популярностью среди широких слоев простонародья. Оно привлекало своей гуманной направленностью, провозглашением равенства всех вне зависимости от сословия, касты, национальной принадлежности, своим ясным, как казалось простому народу, путем, ведущим к освобождению от страданий и социальной несправедливости. Путь этот лежал, по убеждению Гаутамы, в освобождении личности от пут земного существования, в отрешенности от всего окружающего, в устранении от всякой борьбы за социальные и другие преобразования. Примером верности этого пути был сам Гаутама. Если простых людей буддизм привлекал надеждой на избавление от страданий, которыми была переполнена их жизнь, то власть имущим он импонировал своей социальной пассивностью, призывами отрешения от конкретно-исторической ситуации и любой формы борьбы народа за свои права. Именно эта сторона философского учения Будды сыграла решающую роль в превращении его в официальную религию.

На своей родине буддизм достиг расцвета в середине 1-го тысячелетия до н. э.— начале 1-го тысячелетия н. э. В XII веке н. э. он исчез, растворившись в индуизме, оказавшемся более приемлемым правящим классам в новой социально-экономической обстановке страны. Однако к этому времени буддизм успел распространиться на страны Юго-Восточной и Центральной Азии и проникнуть (правда, на время) в Среднюю Азию,

в XVI веке — в Монголию и в XVIII веке — в Бурятию. Сегодня буддизм — одна из трех мировых религий наряду с христианством и исламом.

Жизнь в стране, где государственной религией был буддизм, еще раз наглядно убедила меня в непреложности положения о том, что, сколько бы ни было в мире религий, в какие бы одежды она ни рядилась, как бы демократично на первый взгляд ни выглядели ее постулаты, сущность всех их одна. У последователей буддизма, как и последователей других религий, такая же удручающая несовместимость повседневной жизни и деятельности их служителей даже с основными канонами учения, которому они якобы служат.

Мы остановились на демократизме организации буддийских монастырей и высших органов духовной власти. Но если добавить, что в Камбодже главой всех буддистов всегда оставался не кто иной, как король, который и назначал глав обеих существовавших в стране сект, то от демократизма не останется и следа. Кстати, о сектах. В Камбодже их было две: моханикей, обслуживавшая основную часть населения, и томейат, насчитывавшая всего около двух тысяч бикху, которые обслуживали исключительно королевскую семью и высших чиновников. Нетрудно заметить, что уже само подобное разделение сферы «духовного обслуживания» у бикху расходится с проповедуемым буддизмом «равенством всех вне зависимости от сословия».

Буддизм, как уже отмечалось, выступает против эксплуатации. Однако на протяжении всей истории Ангкорской империи и долгое время после нее кхмерские буддийские монастыри были одними из крупнейших феодалов страны. Правда, ко времени моего приезда в Камбоджу монастыри уже не эксплуатировали непосредственно население, но строились они и в основном содержались на средства государства и частные пожертвования, прежде всего местной буржуазии.

По религиозному закону, бикху не только запрещено пользоваться деньгами, но и притрагиваться к ним. Однако бикху давно не довольствуются продовольственным подаянием прихожан, они берут от них и деньги. Не сами, а через мирских помощников настоятелей монастырей. А вот тратят они их на свои нужды сами.

Не только бикху, но и каждый буддист не должен преднамеренно убивать ничего живого. Тем не менее кхмеры всегда разводили скот и птицу и ели их мясо. Загоните, говорят последователи буддийских заповедей, скотину или птицу под колеса повозки или автомобиля соседа. И сосед в данном случае не на-

рушит заповеди (не убил живности преднамеренно), и вы, не нарушая закона религии, сможете есть свежее мясо. Есть и другой способ: сделайте вид, что вы продали скотину чаму или китайцу, которым их религия не запрещает убивать скот, а потом сделайте вид, что купили у него мясо не принадлежащего уже вам животного, заплатив мяснику за работу. Иными словами, сделайте вид, что вы не знали, зачем ведете скотину к мяснику на бойню. «Сделайте вид, что вы ни при чем» — это, пожалуй, наиболее распространенная формула обхода предписаний буддизма в жизни, прежде всего его проповедниками — бикху и высшим духовенством. Неучастие в политической жизни и борьбе за социальные перемены — одно из требований буддизма, которое духовенство неустанно призывает выполнять свою паству. Однако само оно на протяжении всей истории активным образом участвовало в политической жизни страны, включая участие в заговорах, переворотах, нередко кончавшихся убийствами «законных» королей и наследников престола, и, «делая вид», что это его не касается, благословляло на царствование цареубийц и узурпаторов...

В последнее время бикху и представители высшего духовенства уже почти не маскировали своего активного участия в политической жизни страны и происходящих в ней процессах, и следует подчеркнуть, что отношение к последним в различных слоях бикху было далеко не одинаковым.

Нередко, говоря о буддийских монастырях и бикху, стремятся подчеркнуть их просветительскую роль, помощь крестьянам в организации их жизни, быта, труда. И это не случайно. Почти все деревенские школы в период колониального господства Франции были построены или самими бикху, или по их инициативе. Часто бикху являлись учителями. Выступали они в этой роли и в первые годы независимости, когда в государственных школах не хватало преподавателей. Бикху действительно весьма прочно связаны с крестьянством, активно вмешиваются в его жизнь, дают советы, касающиеся организации труда и даже сроков начала тех или иных полевых работ.

Какие знания несут бикху массам, какому хозяйствованию учат они крестьянина? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно познакомиться с образовательным уровнем самого бикху. Бикху знает язык пали, на котором написаны все священные книги хинаянизма. Знает, правда, ровно настолько, насколько это необходимо, чтобы читать тексты, не обязательно осмысливая их содержание. Бикху часто знает назубок 227 грехов, перечисленных в «Патимокха» — своде правил поведения (они зачитываются дважды в месяц для всех), и 108 причин, порождающих

страдание. Он считает, что центр Вселенной — гора Меру, а Вселенная — плоская суша, окруженная Мировым океаном, и так далее и тому подобное. С таким багажом и шли они в народ.

И все-таки, как мне кажется, у буддизма есть одна черта, выгодно отличающая его от других религий: как отмечают буддологи, он легко восприимчив к различным идеологическим комплексам. Если это так, можно надеяться, что в новых условиях кхмерские бикху смогут внести достойный вклад в дело строительства общества истинной справедливости, истинного прогресса нации.

От Кампонгсаома до Сиемреапа

Административно Камбоджа делится на 16 провинций, или кхетов, которые носят названия по центральным городам. Столица Камбоджи Пномпень выделена в отдельный муниципалитет. Каждая провинция подразделяется на районы (сроки), которые в свою очередь делятся на кхумы. Каждый кхум включает в себя две или несколько деревень.

Значение отдельных провинций в экономической жизни страны далеко не одинаково. Наиболее развитыми в области сельскохозяйственного и промышленного производства являются восемь южных провинций и одна северо-западная — Баттамбанг. В них сосредоточено и основное население страны, хотя общая площадь, занимаемая ими, едва ли превышает $^1/_3$ всей территории Камбоджи.

По следам былого величия Камбоджи.

Проезжая через северные и северо-восточные провинции Камбоджи, трудно себе представить, что эти пустынные дикие просторы, с редкими деревеньками и небольшими клочками обработанных полей, были некогда густонаселенным и цветущим краем. Да и путешествовать-то по ним сейчас не так уж просто ввиду бездорожья. Но именно территория сегодняшних кхмерских провинций Сиемреап, расположенных к северу от Тонлесапа, Кампонгтям, Стынгтраенг и Кратьэх, тянущихся по течению Меконга, была центральной, самой развитой частью великой Ангкорской империи. Некогда эти земли были покрыты ирригационными системами, по масштабам и совершенству которым не было в то время равных во всей Юго-Восточной Азии.

Весь район Ангкора (сегодняшняя провинция Сиемреап) был тщательнейшим образом поделен на квадраты рисовых полей. По системе каналов вода подводилась даже к самым маленьким участкам земли. Земледелие здесь почти совершенно не зависело от погодных условий. Ему не были страшны ни засухи, ни наводнения. Мощные водохранилища обеспечивали круглогодичный регулируемый приток влаги на поля. При этом даже такие огромные водохранилища, как Западный барай, емкостью в 30 миллионов кубических метров, не требовали никаких водоподъемных устройств. Водоемы не выкапывались, а создавались с помощью насыпей, возвышающихся над уровнем окружающей равнины. Водохранилища пополнялись за счет осадков или были связаны с реками. Таким образом создавались условия для орошения пяти миллионов гектаров плодородных аллювиальных земель.

Ангкорская ирригационная система была самой крупной, но не единственной в эпоху Ангкорской империи. Мощная ирригационная система существовала в районе храма Прах Кхан, в провинции Кампонгтхом, а также в районе храма Бантей Тьхмар, где в совершенно безводной местности были сооружены барай (водоем) емкостью около 40 миллионов кубических метров, рвы площадью более 200 тысяч квадратных метров, 10 бассейнов и другие водоемы. Общий объем произведенных здесь земельных работ составил, по подсчетам специалистов, более 4.5 миллиардов кубических метров.

Интересно, что Камбоджа в годы независимости частично восстановила Западный барай. Это позволило оросить 20 тысяч гектаров земли, или ровно $^1/_6$ часть всех орошаемых земель страны. Даже при самом низком для орошаемых земель урожае риса в одну тонну с гектара — это 20 тысяч тонн. А если снимать два, три урожая и на той же площади, что и во времена Ангкорской империи?

Поддержание и развитие ирригационных систем было первоочередной обязанностью всех ангкорских царей. Каждый из них, вступая на трон, прежде всего присягал в том, что начнет строительство водоема, а это означало — новой ирригационной системы. И многие ангкорские цари вошли в историю не только как строители храмов, но и как создатели обводнительных сооружений. Собственно, было бы неверно противопоставлять одно другому. Как правило, возведению храмов предшествовало строительство системы водоемов, каналов и прудов, среди которых возвышался сам храм.

То же наблюдалось и при строительстве городов. Поэтому древние кхмерские города представляли собой чаще всего конгломерат земледельческих поселений, тянувшихся по берегам каналов и вдоль дорог. Со временем прихрамовые и городские ирригационные системы соединялись, образуя единую систему

обводнения обширной территории. Именно таким путем возникла так называемая сельскохозяйственная группа Ангкора, протянувшаяся на 35 километров с запада на восток и на 22 — с севера на юг. Здесь, как и в других районах империи, кхмерские крестьяне собирали по три полноценных урожая, и им было что свозить в королевский дворец и храмы.

Это одна из многих причин, почему ангкорские цари заботились о сети дорог, соединяющих самые отдаленные провинции со столицей. Во все концы империи расходились из Ангкора высоко поднятые над уровнем паводковых вод дороги шестиметровой ширины. Одна из них, выходящая из юго-восточных ворот, пересекала сегодняшние провинции Сиемреап, Кампонгтхом и Стынгтраенг, уходила невдалеке от Меконга на север и возвращалась обратно в Ангкор, опоясывая огромным девятисоткилометровым кольцом все восточные провинции империи.

Общая протяженность только магистральных дорог в Ангкорской империи намного превышала две тысячи километров. Хорошие дороги, годные к использованию в любое время года, проходили по насыпям каналов. Причем громоздкие, тяжелые грузы, в первую очередь строительные материалы, перевозились непосредственно по каналам на лодках.

Вдоль магистральных дорог располагались странноприимные дома — большие каменные строения с обширным очагом, являвшиеся чем-то вроде средневековых европейских придорожных трактиров. Полагают, что они служили приютом для многочисленных пилигримов. Как свидетельствуют надписи храма Прах Кхан, в империи насчитывался 121 придорожный дом.

Однако не только в королевский дворец и храмы тянулись обозы с зерном, маслом и другими продуктами. 938 деревень были полностью освобождены от поборов в пользу государственной казны и храмов. Они обслуживали исключительно нужды... народного здравоохранения.

В применении к XII—XIV векам этот современный термин звучит довольно странно. Но в Ангкорской империи действительно существовала четкая и весьма широкая, как мы бы сейчас сказали, организация здравоохранения. Она включала 102 провинциальные лечебницы и несколько столичных госпиталей. Надписи, сохранившиеся на фундаменте одной из лечебниц, рассказывают, что это были далеко не заурядные заведения. Штат каждой лечебницы состоял из двух квалифицированных врачей, шести ассистентов, четырнадцати медицинских сестер, двух поваров и шести больничных служителей. Судя

по запасам продовольствия, поставляемым крестьянами лечебницам (а они одного риса сдавали более 11 тысяч тонн), это были стационарные лечебные заведения, обслуживающие массы населения. Штаты и перечень медикаментов (в основном лекарственных трав), применяемых в Ангкорской империи, позволяют считать — без особого преувеличения,— что медицина древней Камбоджи намного превосходила медицинскую науку Европы того времени.

В XIII веке в ходе кровопролитных оборонительных войн с Сиамом деревни обезлюдели, и ирригационные системы пришли в запустение. Позже эти земли и вовсе были покинуты населением.

Минули века сиамского владычества. Их сменили десятилетия французского колониального господства, во время которого были возвращены Камбодже ее северные провинции. Затем прошли первые 15 лет независимого развития Камбоджи, провозгласившей курс на возрождение «духа Ангкора». Но и в 1970 году ничто не напоминало здесь о некогда цветущем крае. Провинции Сиемреап, Кампонгтхом, Кратьэх и Стынгтраенг — самые крупные по занимаемой территории и одни из самых слаборазвитых, малоисследованных и малонаселенных провинций страны. Некоторым исключением, пожалуй, являлась самая южная из этих провинций — Кратьэх. Здесь были небольшие плантации каучуковых деревьев — гевей, велись заготовки леса, который покрывает почти половину территории провинции. В городах Кратьэх, Чхпонгль и Снуль довольно оживленно торговали лесом. Распространен здесь и рыболовный промысел. Однако дорожная сеть в Кратьэхе развита очень слабо, а сельскохозяйственное производство целиком зависит от погоды.

Существовали лесоразработки и в провинции Кампонгтхом. Однако они, как и в провинции Сиемреап и Стынгтраенг, не играли значительной роли в экономике страны. Об интенсивном сельскохозяйственном производстве в этих провинциях и говорить не приходится: кормят поля местных жителей — и то хорошо. Кстати, населения здесь было немногим больше 600 тысяч человек, а его плотность колебалась от четырех до одиннадцати человек на квадратный километр. Трудно искать в этом крае и следы былого процветания: повсюду господствовало бездорожье. Только сам район Ангкора был легко доступен для путешественника.

Следы древней цивилизации Ангкора лучше всего обнаруживаются с воздуха. С самолета открывается захватывающая дух панорама грандиозной ирригационной системы Ангкора.

Четко видны границы квадратов полей, отделенных друг от друга дамбами, окруженных сетью магистральных и отводных каналов, которые несли воду рек и бараев на самые отдаленные участки полей. Видны границы и самих бараев, контуры дорог, расходящиеся во все стороны от древнего города.

Немного воображения — и на берегах каналов и вдоль дорог возникают утопающие в зелени тропических деревьев деревни, на каналах появляются лодки, груженные камнем и зерном, по дорогам медленно ползут телеги, влекомые буйволами, и повсюду — люди. Возделывающие поля, возводящие новые храмы, ловящие рыбу.

И только увидев эту картину и дополнив ее всем тем, что известно из истории о времени расцвета ангкорской цивилизации, можно понять, что не столько каменные громады культовых сооружений, сколько не представляющие художественно-эстетической ценности земляные валы, рвы и каналы символизируют «дух Ангкора». Столетия район Ангкора находился целиком во власти джунглей. В годы независимости сюда пришли люди, техника.

Но расчищались в первую очередь не водохранилища и каналы, а храмы и прилегающие к ним территории. В провинции, где трудно пробраться от одного города к другому, строились сотни километров асфальтированных дорог, соединяющих древние развалины. В центре провинции, не имевшей ни экономических, ни культурных связей даже с соседями, был построен аэродром международного класса. В одной из самых бедных провинций страны возводились гостиницы, по своему техническому оснащению не уступающие многим европейским, а по роскоши обстановки и оформлению интерьеров даже превосходящие их. Безусловно, памятники ангкорского комплекса являются ценным вкладом в сокровищницу мировой архитектуры. Забота молодого независимого государства об их сохранении, стремление сделать их доступными для посещения совершенно естественны и благородны. Нет, вероятно, ничего предосудительного и в желании привлечь к их посещению иностранных туристов — это и валютные поступления и своеобразная реклама страны. Правда, реклама ее исторического прошлого. А настоящее, если бы оно действительно было посвящено возрождению «духа Ангкора», настоятельно требовало, прежде всего решения таких задач, как создание высокотоварного сельскохозяйственного производства, путей сообщения, необходимых для освоения новых районов страны, создания промышленности, способной удовлетворить первостепенные нужды страны и населения. Если бы в решение этих задач было вложено столько же энергии и средств, сколько в благоустройство пустого пространства, иностранные туристы, вероятно, тянулись бы в Камбоджу. А так даже в самый «урожайный» на туристов год их побывало здесь меньше, чем в любой соседней стране, хотя ни в одной из них нет ничего подобного Ангкору.

Из всех провинций, некогда входивших в центральное ядро Ангкорской империи, пожалуй, только провинция Баттамбанг не растеряла традиций прошлого. Она лежит на запад от озера Тонлесап. Главный город провинции — Баттамбанг — расположен почти в трехстах километрах к северо-западу от Пномпеня. Самый крупный после столицы по населению, город стал в последние годы одним из важнейших экономических центров страны. В Баттамбанге и его окрестностях за годы независимости было построено больше десятка крупных рисоочистительных фабрик, сосредоточилась значительная часть из 500 лесопильных предприятий Камбоджи. Затем вступили в строй джутовая фабрика мощностью в пять миллионов мешков в год и одна из двух построенных в годы независимости в Камбодже текстильных фабрик.

Но главное богатство провинции, определявшее ее лицо и роль в экономике страны,— рис. Провинция располагала значительными излишками этого сельскохозяйственного продукта; недаром ее называли житницей Камбоджи.

Это один из первых районов, где появились сельскохозяйственные кооперативы, где была создана первая государственная рисоводческая ферма, в которой большинство сельскохозяйственных работ механизировано. Но в целом рисоводчество носило здесь экстенсивный характер.

Провинции, с которыми мы только что бегло познакомились, и составляли ядро Ангкорской империи. С некоторыми из них несколько позже мы еще встретимся.

А сейчас заглянем на юг страны, куда несколько веков назад ушли кхмеры, спасаясь от сиамского нашествия.

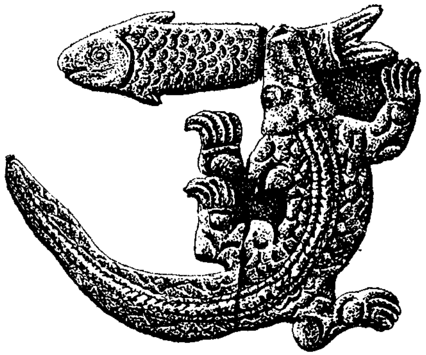
В южной части камбоджийской низменности находится семь провинций. Самые северные из них — Кампонгчнанг, расположенная в верхнем течении реки Тонлесап, и находящаяся к востоку от нее Кампонгтям, земли которой пересекает, деля их почти на две равные части, Меконг.

К югу от провинции Кампонгчнанг находится провинция Кампонгспы, еще южнее раскинулись земли одной из приморских провинций — Кампот. На востоке расположены две самые маленькие провинции страны — Такео и протянувшаяся узкой полосой вдоль Меконга Кандаль. Провинции Прейвенг

и Свайриенг лежат на юг от провинции Кампонгтям. Шесть из восьми южных провинций граничат с Вьетнамом, причем Свайриенг с трех сторон окружена территорией этой страны.

Площадь всех восьми провинций составляет менее одной трети территории Камбоджи. Однако здесь сосредоточена основная часть населения и почти вся промышленность страны. Эти провинции — главные производители основных продуктов сельскохозяйственного производства, начиная с риса и кончая плантационными культурами, прежде всего каучуком. Провинции располагают достаточно густой и удобной сетью путей сообщения. Их пересекают шесть автодорог государственного значения; из Пномпеня в Кампонгсаом, находящийся на юге провинции Кампот, проложена железная дорога, соединяющая три провинции. Пять провинций прорезают судоходные на этом участке в любое время года реки Меконг, Бассак и Тонлесап.

Довольно большое развитие получили здесь и автодороги провинциального значения, особенно в провинциях Прейвэнг и Свайриенг.



По пути в Кампонгсаом

От Пномпеня до Кампонгсаома — 234 километра, то есть не более двух с половиной часов езды по асфальтированной дороге № 4. Можно проехать в Кампонгсаом и по дороге № 3. Она, как и все номерные магистрали государственного значения, находится в хорошем состоянии. От Пномпеня дорога идет на юг 90 километров, а потом резко поворачивает на запад к городу Кампоту. От Кампота до Кампонгсаома шоссе проложено вдоль побережья Сиамского залива и на этом участке повторяет все изгибы побережья. Дорога № 3 более длинная, но самое главное — она проходит через густонаселенные районы провинции Кандаль, Такео и Кампот, поэтому высокую скорость развивать на ней — дело рискованное. Дорога же № 4 проходит через очень слабо населенные провинции Кампонгспы, Кахконг и безлюдный район провинции Кампот. Единственный город, встречающийся на пути,— это Кампонгспы, центр провинции, расположенной всего в 48 километрах от Пномпеня. Но город он только

по названию. На самом деле это очень небольшой населенный пункт.

По пути в Кампонгсаом интересно заглянуть в столичный аэропорт «Почентонг», расположенный всего в 12 километрах от города. Если оценивать его с официальной точки зрения, то он «еще одно яркое свидетельство» успеха в экономическом развитии страны за годы независимого существования. И это утверждение отнюдь не голословно. «Каждому крупному городу — свой аэродром» — так кратко была сформулирована правительственная программа развития авиационного сообщения, которую выполнили уже в 1969 году.

В Камбодже к тому времени существовало два аэропорта международного класса — «Почентонг» и «Сиемреап», четыре — государственного значения (национального класса, по официальной классификации) и 21 — местный (провинциальный). При 16 провинциальных центрах в стране было 27 аэропортов.

Имелись аэродромы, существовала кхмерская авиационная компания. А вот регулярного сообщения ни между провинциями, ни между столицей и провинциями не было. И несмотря на это, официальная статистика говорила о росте числа пассажиров, пользующихся воздушным транспортом: например, аэропорт «Почентонг» обслужил в 1968 году 102 тысячи пассажиров. Это намного больше, чем в предыдущие годы, и в несколько раз больше, чем до независимости. Однако значительную часть пассажиров составляли иностранные туристы, а также иностранцы, совершающие перелеты на линиях Пномпень — Бангкок, Пномпень — Вьентьян (обслуживавшихся не только камбоджийской, но и таиландской и лаосской авиакомпаниями), государственные чиновники и коммерсанты.

Таким образом, подавляющее большинство кхмеров самолетами не пользовались. К этому следует добавить, что грузовые перевозки самолетами в Камбодже не осуществлялись вообще.

Вернемся к дороге № 4. Первые 80 километров она идет по ничем не примечательной и не совсем типичной для кхмерской равнины местности. Повсюду однообразная, голая, побуревшая под солнцем пыльная низменность. Не видно даже сахарных пальм, этой неотъемлемой принадлежности кхмерского пейзажа. Нет и рисовых плантаций. Местами встречаются огромные заболоченные пространства, поросшие редкими корявыми деревьями. Поэтому самое интересное зрелище на этом отрезке дороги № 4 — сама дорога. Ровная, гладкая, прямая. Она не очень широка, всего пять-шесть метров. С обеих сторон — обочины метра по полтора, дальше — крутой и местами довольно высокий скос.

Между прочим, все кхмерские дороги, проложенные по низменности, насыпные, довольно высоко поднимающиеся над местностью. Таким образом, разливы в сезон дождей им не страшны.

Едешь по этим дорогам с ощущением, что нетрудно и свалиться, особенно в сезон дождей, когда шоссе поднимается наподобие дамбы. Очень неважно себя чувствуешь при встречах со стоместными автобусами или десятитонными грузовиками, которые летят со скоростью 100 километров в час. Слишком «притираться» к обочине трудно, да и опасно на большой скорости, так что расходится встречный транспорт, что называется, «впритирку», на расстоянии друг от друга не более полуметра. Происходит это при обоюдной скорости в 100 километров в час мгновенно: ощущаешь сильный удар ветра — и слышишь резкий, как щелчок бича, звук.

Обгон на дорогах Камбоджи — еще более сложная проблема. Если перед тобой крупный транспорт, то дорога, лежащая впереди, совсем не просматривается, особенно на подъемах или закруглениях. Однако подобные ситуации не часты, кхмерское шоссе мало загружено. Даже на дороге № 4, ведущей в единственный в стране морской порт Кампонгсаом, интенсивность грузовых перевозок была невелика. Объясняется это просто: еще недостаточно развита экономика страны, слишком мал грузооборот.

В самый урожайный год, когда экспортировалось много риса, количество машин на дороге почти не увеличилось. А ведь рис — основной (по объему) продукт камбоджийского экспорта. Так что если бы все ввозимые и вывозимые Камбоджей грузы направлялись по единственной шоссейной дороге № 4, она и тогда не была бы перегруженной.

После 80-го километра дорога начинает незаметно подниматься в гору. Впереди открывается уже знакомый нам вид на густо заросшее лесом плато Кирином. Если ехать после захода солнца, справа в горах можно было явственно увидеть голубое сияние. Это свет гидроэлектростанции Кирином, построенной при участии югославских специалистов на средства долгосрочного кредита, предоставленного Камбодже СФРЮ.

Электростанция — одна из крупнейших в стране. Ее мощность — 70 тысяч киловатт. Цифра невелика, но надо учесть, что до завоевания независимости мощность всех электростанций составляла всего 11 тысяч киловатт. Практически электричеством пользовался только Пномпень да еще два-три самых крупных города. К концу же первого периода независимости не было такого провинциального города в Камбодже, который не знал бы электрического освещения; получали электроэнергию и все

крупные предприятия страны. Это, правда, вовсе не означает, что освещением пользовалось все население городов. Более того, даже в столице целые кварталы погружались после захода солнца во тьму.

Вопрос электрификации для страны не простой. Здесь, кроме водных, не существует других энергетических ресурсов: нет ни торфа, ни каменного угля, ни горючих сланцев, не найдено пока и нефти. Основной источник энергии как для нужд мелкой и кустарной промышленности, так и для коммунальных нужд — древесина и древесный уголь. Для этих целей ежегодно заготовлялось до 250 тысяч кубометров дров. В каждой провинции существуют десятки небольших печей по обжигу древесного угля, общее производство которого достигало 35 тысяч тонн в год.

Энергоресурсы горных рек Камбоджи еще мало исследованы. Можно полагать, однако, что они достаточны для удовлетворения нужд страны, и не только сегодняшних, но и в перспективе. Однако большинство горных рек находятся в труднодоступных и малонаселенных районах страны. Исключение — реки провинций Кампот (в частности, река Камчай, протекающая недалеко от Кампонгсаома) и Кампонгспы.

Начиная от Кирирома, дорога резко поднимается вверх, пока не доберется до перевала Пичниль (Кравань). Вырвавшись вскоре из узкого и довольно мрачного ущелья, она бежит некоторое время по совершенно гладкой равнине и потом снова взбирается ввысь, на южный отрог Слоновых гор. Здесь, у местечка Шамкарлоунг, шоссе делает крутой, почти на 90 градусов поворот на юго-восток, километров тридцать бежит вдоль совершенно лишенных растительности гор и наконец выходит на равнину, спускающуюся большими мягкими увалами к морю.

Город Кампонгсаом остается слева, а дорога ведет прямо в порт — к пристани и складам. Чтобы увидеть город, нужно, не доезжая порта, круто свернуть влево и немного вернуться. Здесь на очень живописных, обращенных к морю склонах, поросших красивым светлым лесом, и расположен Кампонгсаом.

Сформировавшегося города, когда я посетил его, еще не было. Имелись небольшие жилые массивы многоэтажных домов, довольно густо застроенный центр с рынком, большой площадью, где размещены автовокзал, магазины, кинотеатр, кафе, рестораны. Но больше всего было асфальтированных улиц, проложенных прямо в джунглях, вдоль которых разбиты небольшие участки для индивидуальной застройки. И только кое-где на этих участках поднимались особняки. Чувствовалось, что город заложен в расчете на то, что он будет разрастаться.

Вдоль побережья — широкая автострада, разделенная газоном, засаженным декоративным кустарником и деревьями. Она соединяет город и порт с уютно расположившейся на самом берегу моря гостиницей, носящей имя «Индепанданс» (Независимость). Это красивое белое восьмиэтажное здание — одна из лучших гостиниц Камбоджи.

Не доезжая 18 километров до Кампонгсаома, можно свернуть на другое шоссе, уходящее на юг. Десять километров пути — и вы окажетесь у моря. Между двумя дорогами, расходящимися под прямым углом, лежит на полуострове Веальринь территория площадью около трехсот квадратных километров, с двух сторон омываемая морем; в северо-восточной части его расположены город и порт Кампонгсаом, в юго-западной — гостиница «Индепанданс» и прекрасный мотель, где отдыхали в выходные дни преимущественно французы, проживавшие в Камбодже, и члены дипломатического корпуса. Здесь же для них были сооружены кемпинги — деревянные домики, живописно разбросанные в лесу по берегу моря.

Новый город и порт сыграли важную роль в укреплении независимости страны. До этого у Камбоджи не было ни одного «выхода» во внешний мир. Единственная в стране железная дорога вела от Пномпеня в Таиланд. Другой путь — по реке Меконг — шел через Вьетнам. Через Сайгон проходила и основная внешнеторговая автомагистраль — шоссе № 1.

Пока Вьетнам, как и Камбоджа, оставался колонией Франции, такое положение можно было считать терпимым. Но как только Камбоджа получила независимость, а южная часть Вьетнама оказалась в полной зависимости от США, отсутствие самостоятельного внешнеторгового пути создало серьезное препятствие проведению провозглашенной Камбоджей политики нейтралитета и самостоятельного экономического развития. Первыми дали это почувствовать сами американцы. США настойчиво стремились подчинить себе только что получившую независимость Камбоджу и вовлечь ее в военный блок СЕАТО, активно используя в качестве средства нажима отсутствие у Камбоджи независимого выхода во внешний мир. Таким образом, вопрос сохранения независимости Камбоджи оказался связанным с вопросом создания собственного порта. Залив Кампонгсаом оказался если не идеальным, то вполне приемлемым местом для этой цели. Франция, стремясь упрочить свои пошатнувшиеся позиции в Камбодже, финансировала строительство порта.

По замыслу кхмерского правительства, Кампонгсаом должен был стать не только портом, но и крупным промышленным центром страны. Отсюда широта при разбивке территории будущего города, в дорожном строительстве в прилегающем к морю районе; с этим же связано строительство отеля, мотеля и аэропорта.

Зона Кампонгсаома была объявлена зоной свободной торговли. А это означало, что иностранные фирмы имели право основывать здесь и любые предприятия, беспошлинно ввозить и вывозить любые товары, свободно распоряжаться валютой без какого-либо вмешательства или контроля со стороны кхмерского государства. Однако иностранный капитал не спешил активизироваться, ожидая, по всей видимости, более надежной и выгодной конъюнктуры.

Тем не менее Кампонгсаом все-таки стал понемногу превращаться в промышленный центр. В 1966 году здесь вступил в строй завод по сборке тракторов и автомашин. Он был построен при экономическом и техническом содействии Чехословакии. Его мощность невелика — всего 400 грузовых автомашин и 300 колесных тракторов в год, которые носят имя «Ангкор». Но это был уже реальный шаг по пути укрепления экономической независимости и прогресса.

Уже через два года завод освоил и выпуск мотопомп, в которых остро нуждается сельскохозяйственное производство.

В 1968 году в районе Кампонгсаома вступило в строй довольно мощное и очень важное для развития экономики страны предприятие — нефтеперерабатывающий завод мощностью в 500 тысяч тонн сырой нефти в год. Завод построен с помощью Франции: 60 процентов акций этого предприятия принадлежали французскому капиталу. Ввод его в действие позволил создать кхмерское национальное акционерное общество по продаже нефтепродуктов (до этого иностранные компании контролировали значительную часть ввозимых в страну нефтепродуктов и почти всю продажу бензина).

Посещение Кампонгсаома, знакомство с его жизнью вызывало у меня всегда двойственное чувство. С одной стороны, порт и строящиеся промышленные предприятия олицетворяли стремление Камбоджи к укреплению экономической и политической независимости, с другой — вся эта зона объявлялась зоной свободной торговли, то есть совершенно неподконтрольной суверенному государству активной деятельности любого иностранного капитала. А ведь казалось бы, что Камбоджа к тому времени могла убедиться в том, что капиталистические государства не вкладывают ни копейки, не преследуя этим выгодных им политических целей.

«Каучуковая» провинция

Из Кампонгсаома в Кампонгтям лучше всего добираться через Пномпень. По крайней мере это самый удобный и быстрый путь. При желании, конечно, всегда можно найти и другой. Но для этого нужно проехать бо́льшую часть пути к столице, потом пересечь по провинциальным дорогам провинции Кандаль и Такео, перебраться через Меконг, снова колесить по провинциальным дорогам и перед самым городом еще раз переправиться через реку.

Для лучшего знакомства со страной этот путь, может быть, и более привлекателен, но лишь для тех, кто приехал в нее не работать, а путешествовать: слишком много он отнимает времени. Что касается впечатлений, то их немало и на 120-километровой дороге, соединяющей Кампонгтям со столицей. Начинается эта дорога в северной части Пномпеня.

Еще сравнительно недавно путешественник встречался здесь с первым серьезным препятствием — переправой на восточный берег реки Тонлесап. В 60-х годах на месте переправы, отнимающей много времени и нервов у водителей, японская строительная фирма соорудила красивый мост длиной 710 метров. С него дорога спускается как бы на полуостров, образуемый Меконгом и Тонлесапом.

Местность за рекой заболочена и покрыта чахлой растительностью, но отнюдь не пустынна. Здесь один из ближайших пригородов Пномпеня. Берег Тонлесап довольно густо заселен, там же фабрика по изготовлению соевого соуса, один из многочисленных в окрестностях Пномпеня лесопильных заводов, а также завод фруктовых вод, гончарная фабрика и, наконец, учебный католический центр. В южной части заречья находится французский медицинский центр — филиал Института Пастера.

Далее дорога идет вдоль Меконга до самого Кампонгтяма. Однако реки часто не видно, так как она, словно плотной шторой, закрыта от взгляда густой стеной деревьев и зарослей; слева же пейзаж, который можно назвать обычным кхмерским только потому, что, как и везде в Камбодже, вдоль дороги высятся сахарные пальмы.

Сахарная пальма в стране встречается повсюду: вдоль дорог, валов, защищающих от разливов реки, почти возле каждого крестьянского домика. Говорят даже, что там, где кончаются сахарные пальмы, кончается и кхмерская территория.

Сахарная пальма — это сахар, разбросанный по дорогам страны. В данном утверждении нет преувеличения. Каждое из растений может дать до 70 килограммов сахара. Сок пальмы, кроме того, служит для приготовления вина, его так и называют — «пальмовое вино».

Однако, как ни парадоксально, до эпохи независимости Камбоджа не имела ни своего сахара, ни своих сахарорафинадных предприятий. Не хватало ей сахара еще и в 1969 году, хотя наряду с крупным сахарорафинадным заводом, построенным Чехословакией и производящим 13 тысяч тонн сахара в год, в стране появился и ряд мелких предприятий по переработке пальмового сока. Имелись они и в провинции Кампонгтям.

Провинция эта вообще отличается от других разнообразием промыслов. Здесь интенсивно велись лесоразработки, было развито рыболовство. Со времен Ангкорской империи она являлась одним из центров кустарной обработки железа. К концу первого периода независимости в Камбодже насчитывалось около двухсот мастерских и полукустарных предприятий по сборке велосипедов, мопедов, производству листового железа и металлических контейнеров.

Провинция Кампонгтям — одна из немногих, где можно встретить обширные плантации хлопчатника. Недаром в годы независимости в городе Кампонгтяме построили довольно крупную текстильную фабрику. Хлопок — не новая культура для провинции, а ткачество — не новый вид промысла. Из 1500 кустарных ткацких мастерских, имеющихся в четырех южных провинциях, значительная часть находится в провинции Кампонгтям.

Каждому, кто видел допотопный деревянный ткацкий станок в лучшем случае в музее, естественно, интересно заглянуть в домашнюю мастерскую. Для этого вовсе не нужно отрывать от дела деревенских ткачей: в 40 километрах от Пномпеня, вверх по Меконгу, есть деревня, которая специально предназначена для посещения ее туристами. Там под навесами и стоят десятки старинных станков, на которых изготовляют изумительный золототканый материал. Сама деревня тоже заслуживает осмотра: ее добротные свайные дома-пайотты украшены орнаментальной резьбой и утопают в пышной тропической зелени. Конечно, «туристская» деревня сильно отличается от обычной кхмерской,

но ткацкие станки там примерно те же, что и во многих крестьянских семьях современной Камбоджи.

Провинция Кампонгтям всегда славилась разнообразием не только промыслов, но и сельскохозяйственных культур, выращиваемых на пойменных землях и плодородных красноземах. Поэтому и пейзаж этой провинции далеко не всегда можно назвать «типично кхмерским». Типично кхмерское — это прежде всего плоская, как доска, местность, рисовые поля и сахарные пальмы вдоль дорог. Здесь же местность холмистая. Нередко можно видеть не встречающиеся в большинстве других камбоджийских провинций обширные кукурузные поля, плантации табака, арахиса и бананов.

Когда входишь в молодую банановую рощу, кажется, что тебя окружают не тропические растения, а обычная кукуруза, только очень мощная. Сходство это не исчезает и при виде «взрослого» банана. Только «метелка» соцветий превращается в огромную кисть, точнее, гроздь, плотно усаженную сомкнутыми рядами плодов. Вес такой «грозди» нередко доходит до 50 килограммов. А само растение достигает пяти метров высоты.

Банан — растение травянистое. Плодоносит один раз в жизни, после чего его вырубают, оставляя лишь один-два молодых побега. И так каждый год. Культивируют банан почти во всех провинциях Камбоджи, но в отличие от сахарной пальмы плантации этого растения можно встретить лишь около некоторых крупных городов. Однако не бананы и не другие сельскохозяйственные культуры принесли известность провинции Кампонгтям, а прежде всего обширные и одни из самых продуктивных в мире каучуковые плантации.

Гевея — так называется каучуковое дерево — появилась на камбоджийской земле сравнительно недавно. Ее начали культивировать французы в начале 20-х годов. Очень скоро плантации гевеи стали исчисляться тысячами гектаров — красноземы Кампонгтяма подошли этой культуре как нельзя лучше. Вначале высаживалось по 220 деревьев на гектар, но потом обнаружилось, что деревья не снижают своей производительности, если их высаживать и по 420 на гектар.

Гевея эксплуатируется в возрасте от 7 до 32 лет, причем больше всего сока она дает между 15 и 25 годами. Белый густой («млечный») сок гевеи — сырье для получения сырой резины, а затем и каучука.

Происходит это следующим образом. Рано утром рабочий делает на коре дерева узкий, спиралевидный, сужающийся книзу надрез. Под ним подвешивается чашечка, иногда просто половинка вычищенного и высушенного кокосового ореха. В нее

Так добывается латекс

стекает сок, белый, как молоко, и густой, как гуммиарабик. К середине дня натекший сок сливается в ведро. В это же время производится второй надрез. Натекший сок вновь собирается вечером и из ведер сливается в автоцистерну, ничем не отличающуюся от обычной молочной. И сами рабочие, выходящие из леса с ведрами, наполненными млечной жидкостью, если их одеть в белые халаты, очень походили бы на дояров. Чтобы сок не загустел, в цистерну добавляют некоторые химикалии, и затем его везут на заводы, расположенные в районе плантаций. Там происходит превращение млечного сока гевеи в листовой латекс, или сырую резину.

Процесс этот таков. Сок гевеи промывают и нагревают, добавляя в него химикалии до тех пор, пока он не станет похож на огромные куски плавленого сыра. Эту массу пропускают сквозь ряд валков. В результате образуются тонкие, как раскатанное тесто, листы. Их сушат на солнце. На этой стадии обработка каучука заканчивается. Именно в таком виде он поступает на мировой рынок.

Работа сборщиков сока гевеи на первый взгляд может показаться легкой, однако это не так. Многие десятилетия плантационные рабочие подвергались самой жестокой эксплуатации. Плантации гевеи, принадлежавшие пяти французским монополиям, были настоящим государством в государстве. Там была своя полиция и специальный воинский батальон под французским командованием. Повсюду выставлялись военные посты. Мало того, каждая деревня, в которой жили рабочие, окружалась колючей проволокой. Администрация плантаций имела собственную тюрьму, больницы же для рабочих не было. На многие тысячи тружеников самых крупных в провинции Чупских плантаций до 1956 года приходился всего один врач.

Вставали они в три часа утра, чтобы до четырех приготовить пищу, поесть и затем выстроиться на поверку. К пяти часам каждый должен находиться на своем участке и приступить к работе. С этого момента и до полной темноты рабочий трудился непрерывно. Не отводилось времени даже на обед. За день каждый должен был собрать сок с 450 деревьев, то есть сделать 900 надрезов. Замешкался — получишь удар сыромятного кнута надсмотрщика.

Тяжелое положение сборщиков сока усугублялось тем, что в заросли гевеи плохо проникает солнечный свет, в них всегда царит полумрак и сырость, они кишат комарами. Не было рабочего, который не страдал бы малярией. Но и больных выгоняли на работу. Только когда человек был уже не в состоянии подняться, он мог рассчитывать на несколько таблеток хинина.

Основной контингент постоянных плантационных рабочих составляли вьетнамцы, завербованные и вывезенные в Камбоджу плантаторами. Вербовка нередко проходила так. Колониальные власти во Вьетнаме фабриковали обвинение против очередного «правонарушителя», а затем подсудимому предлагался выбор: или тюрьма, или несколько лет работы по контракту на камбоджийских каучуковых плантациях.

К окончанию срока контракта оказывалось, что рабочий успел столько задолжать компании, что ему понадобится еще несколько лет, чтобы отработать долги. Так два-три года работы «по контракту» превращались в пожизненное заключение. Точно то же самое происходило и с вьетнамцами, подписывавшими контракт добровольно. В чужой стране, изолированные от местного населения, все они становились бесправными рабами колонизаторов.

Местное население — кхмеры, привлекавшиеся в основном в качестве сезонных рабочих,— находилось в лучшем положении. Их труд более высоко оплачивался, по отношению к ним администрация вела себя сдержаннее. Объяснялось это просто: плантаторы стремились восстановить вьетнамцев против кхмеров и, наоборот, не допустить возникновения контактов постоянных рабочих с местным населением.

Даже не зная подробностей страшной истории чупских плантаций, бродя по ним, автор этих строк невольно испытывал неприятное чувство. Под ногами рыхлая, без единой травинки земля. Повсюду, куда ни глянь, словно памятники многочисленным жертвам, стоят ровные ряды гладкокорых деревьев со стекающими в «жертвенные» чашечки белыми каплями слез. Между стволами в душной полутьме бесшумно движутся темные силуэты людей, совершающих однообразные, наподобие ритуальных, движения. Невольно в этом беззвучном сумрачном мире начинаешь говорить шепотом, и тебя не покидает ощущение, что ты на гигантском кладбище.

«А это и есть настоящее кладбище»,— рассказывали старые рабочие каучуковых плантаций. Несколько десятилетий тысячи умерших хоронили на месте отживших свой век и выкорчеванных деревьев, а сверху, прямо на могилах, сажали новые каучуконосы.

Но не только тяжелые воспоминания могут вызвать каучуковые плантации. С ними связана и память об одном из самых ярких эпизодов борьбы за освобождение Камбоджи от колониального ига. В свое время плантационные рабочие активно поддерживали народное движение за независимость и непосредственно участвовали в нем. Это движение известно под назва-

нием «Некхум иссарак Кхмер», или «Фронт свободы Кхмера»; его сокращенное название, утвердившееся во всей литературе,— «Кхмер иссарак», а его участников — «красные кхмеры».

История возникновения этого движения такова. В 1941 году Камбоджу оккупировала Япония. Правда, она предоставила вишистскому правительству Франции право осуществлять административные функции в стране. И ту и другую стороны это положение вполне устраивало. Не устраивало оно кхмерский народ, который испытывал двойной гнет. В 1943 году в стране началось антиколониалистское движение. С этого момента борьба за свободу не утихала.

В марте 1945 года в Индокитае, и в том числе в Камбодже, власть перешла целиком к японцам, но в августе того же года восставший кхмерский народ вырвал из рук захватчиков государственную власть. Однако ненадолго. Старые «хозяева» — французы высадили в Пномпене парашютный десант. Первая попытка народа взять власть не удалась. Тогда-то и был создан «Кхмер иссарак», поставивший своей целью создание новой, независимой Камбоджи.

Новое движение сразу же поддержало население Пномпеня. Чиновники, рабочие и студенты по призыву «Кхмер иссарак» начали стачечную борьбу, а позже по призыву руководителей многие из них ушли в джунгли, чтобы вести вооруженную борьбу за независимость родины. Движение ширилось и развивалось с каждым днем. Уже в 1946 году кхмерские патриоты сумели нанести первый серьезный удар по врагу: они уничтожили гарнизон колонизаторов в Сиемреапе, захватив все находившееся там вооружение.

Вскоре после этого были созданы партизанские базы в северо-западных, юго-западных и юго-восточных провинциях страны. В 1946—1949 годах во многих провинциях возникли районные и деревенские народные комитеты, в распоряжении которых находились местные отряды обороны. Постепенно была налажена связь между районами, и в стране возник единый военно-политический фронт.

В 1950 году впервые в истории Камбоджи была созвана конференция народных представителей, которая приняла решение о создании Центрального комитета.

Наибольших успехов движение за освобождение Камбоджи достигло в 1953 году. К тому времени под его контролем находилось до одной трети территории страны. И это не были отдаленные районы с малочисленным населением. «Кхмер иссарак» активно действовал в густонаселенных провинциях, нанося колонизаторам чувствительные удары.

Такой территорией, в частности, были каучуковые плантации, расположенные в провинции Кампонгтям, и особенно самые крупные из них — чупские. Окрестности этих плантаций еще в 1948 году стали ареной деятельности «Кхмер иссарак». Представители движения, проникнув в среду сборщиков каучука, разъяснили рабочим кхмерам и вьетнамцам, что колонизаторы искусственно десятилетиями насаждали вражду между ними, что и у кхмеров, и у вьетнамцев один враг — их эксплуататоры.

Примерно в то же время на чупских плантациях впервые со времени их существования был организован подпольный профсоюз и отделение «Кхмер иссарак». В лесах, окружавших плантации, под носом у колонизаторов были созданы мастерские по изготовлению оружия и арсенал. Станки, металл и другое оборудование рабочие выносили с плантаций. Для изготовления гранат, например, в ход шло все вплоть до алюминиевых чашек для сбора латекса.

В 1950 году на плантациях произошло событие, как гром среди ясного неба поразившее французов. 10 марта на утреннюю поверку не явился ни один рабочий всех трех чупских плантаций. Это была первая в истории Камбоджи забастовка. Она окончилась победой рабочих. Их требования тридцатипроцентной прибавки жалованья, выдачи не низкосортного, а белого риса, прекращения практики произвольных арестов и физических насилий были удовлетворены. Администрация согласилась рассмотреть и четвертое требование рабочих — о восьмичасовом рабочем дне.

1 мая здесь же состоялась первая в Камбодже Первомайская демонстрация. Однако уже 5 мая администрация учинила кровавую расправу над рабочими. Ответной мерой борьбы явился саботаж. Использовались все средства, кроме порчи деревьев, которые представители Фронта освобождения считали собственностью камбоджийского народа. Самой распространенной формой саботажа стал слив латекса в землю. К середине 1951 года сбор латекса упал на 30 процентов. Рабочие бежали с плантаций и вступали в части «Кхмер иссарак».

Потеряв надежду подавить движение, колонизаторы в середине 1953 года были вынуждены снять всех рабочих с одной из плантаций Чупа и прекратить на ней полностью добычу латекса.

На других плантациях производство латекса продолжало падать. Напуганные этим, французские капиталисты начали изымать капиталы, вложенные в компанию «Сосьете де Тер руж». Стоимость акций камбоджийских каучуковых плантаций сильно понизилась.

Все это происходило за несколько месяцев до признания независимости Камбоджи.

В первый период независимости Камбоджи французский капитал по-прежнему оставался хозяином положения на каучуковых плантациях провинции Кампонгтям, правда, работали уже здесь почти исключительно кхмеры, и эксплуатация сборщиков латекса не носила столь жестоких форм, как во времена колониализма. Однако заработок на плантациях оставался ниже заработной платы рабочих промышленных предприятий.

Площадь каучуковых плантаций в 1969 году приблизилась к 60 тысячам гектаров. По сбору латекса Камбоджа занимала пятое место в мире и первое в мире по урожайности и по качеству каучука. Доходы от экспорта каучука занимали второе место в камбоджийском бюджете, хотя в денежном выражении составили незначительную часть доходов от экспорта риса. Это объяснялось и тем, что основной доход от экспорта каучука получила не Камбоджа, а иностранные монополии, которые хозяйничали на плантациях.

В последние годы уже не весь каучук, добытый на кхмерской земле, вывозился за границу. В Такмау (пригород Пномпеня) в годы независимости поднялись корпуса шинного завода. Это предприятие мощностью в 135 тысяч покрышек с камерами в год — результат бескорыстной помощи Камбодже социалистической Чехословакии. Благодаря ему Камбоджа не только полностью освободилась от импорта автомобильных покрышек, но стала еще и их экспортером. Кроме построенного Чехословакией шинного завода в Камбодже было создано частное акционерное общество с капиталом в 21 миллион риелей по производству шин для велосипедов и мотороллеров. Были открыты также предприятия по изготовлению пластмассовых изделий и резиновых «пляжных тапочек» — основного вида обуви кхмеров, начиная с детей и кончая монахами-бикху.

Строительство всех этих предприятий, и особенно шинного завода, безусловно, немалый вклад в развитие экономики и укрепление экономической независимости страны. Вряд ли то же можно сказать о сохранявшемся почти в неизменном виде статусе французского «каучукового государства» в независимой стране. Правда, после получения независимости Камбоджа начала предпринимать меры по обеспечению себя собственным каучуком. В 1959 году в стране была создана государственная каучуковая компания, которая выкупила у французского капитала плантации гевеи площадью 1200 гектаров.

Конечный пункт дороги, вьющейся вдоль берега Меконга,— центр провинции — город Кампонгтям.

Кампонгтям — третий по величине и населению после столицы и Баттамбанга город Камбоджи. Он красив, чист, зелен. Как и в каждом кхмерском городе, здесь есть и привилегированные кварталы, и кварталы, где население обитает в тесноте в жилищах на сваях — пайоттах. В городе имеются стадион, кинотеатры, школы, лицеи и университет. Между прочим, это построенное в старом кхмерском стиле островерхое здание, крытое золотистой черепицей. Университет прячется в глубине парка и напоминает дворец из волшебной сказки. Это здание — еще одно свидетельство того, что кхмеры умеют строить хорошо и с большим художественным вкусом.

В Кампонгтяме значительно больший, чем в Пномпене, процент работающего населения и несколько меньший — учащихся. В целом же город, особенно его жизнь, очень мало чем отличается от остальных городов. Так же, как и повсюду, здесь рано встают и рано ложатся. Единственное, чем значительно отличается Кампонгтям от других городов Камбоджи, и прежде всего от столицы,— здесь намного сильнее память о годах борьбы за независимость, намного теплее и глубже чувства, испытываемые к «Кхмеру иссараку» и его деятельности, намного глубже понимание его роли.

Рис, рыба и немного танцев

В начале года на любой из дорог, ведущих в Пномпень, всегда можно было встретить огромные, иногда растянувшиеся на целые километры обозы, состоявшие из повозок, медленно влекомых волами. Здесь и примитивные, грубо сколоченные телеги вроде арбы с приспособленными над ними навесами из циновок, и изящные, сплошь покрытые искусной резьбой и раскрашенные возки, место которым не на пыльной дороге, а в музее искусств и ремесел. Все они загружены мешками с рисом, поверх которых лежит домашний скарб, включая закопченные котлы для приготовления пищи.

Тому, кто впервые встречал такие крестьянские обозы, могло показаться, что он наблюдает переселение народов. Однако вскоре становилось ясно, что вовсе не бедствие заставило этих

людей тронуться с места. Об этом свидетельствовали и веселые мордашки детей, и оживленные женщины, сидевшие на передках телег, и торжественно-серьезные лица вышагивавших несколько в стороне мужчин. Обозы скорее напоминали праздничное шествие. Видимо, так оно и было. Собран очередной урожай, о чем красноречиво говорили полные мешки риса в повозках. Кроме всего прочего, это была почти единственная в году возможность для крестьян и их детей повидать свет, завести новые полезные знакомства и обеспечить семью важнейшим продуктом питания на целый год.

Продукт этот — прахок — рыба, которой изобилуют воды кхмерских рек, прежде всего реки Тонлесап, и которую приготовляют особым образом. Сюда-то, к берегам рек, где расположены рыболовецкие деревни, и устремлялись из глубинных рисоводческих провинций страны крестьяне. Их путешествие длилось иногда до четырнадцати дней. Когда обоз достигал деревни, он останавливался, и между приезжими и жителями деревни завязывалась короткая, но оживленная беседа. После этого часть обоза сворачивала на свободную площадку, остальные продолжали свой путь к следующей деревне. Оставшиеся быстро распрягали волов и закатывали повозки в тень. Их ставили в два ряда оглоблями друг к другу, причем оглобли поднимали кверху и покрывали циновками. Получался огромный общий навес. Вскоре повсюду зажигались костры и женщины принимались за стряпню. Здесь же бегали совершенно голые ребятишки.

Вечером эти стоянки очень напоминали цыганские таборы. Те же костры, те же тихие песни под звуки трехструнных национальных скрипок, тот же нестройный гомон, та же детская возня и плач грудных младенцев. Такой лагерь стоял в прибрежной деревне несколько дней, иногда неделю, пока место мешков с рисом в повозках не занимали глиняные горшки со свежеприготовленным прахоком.

Прахок изготовляется так. Небольшая, вроде сардинки, серебристая, только что выловленная рыба подвозится в каноэ к берегу, где в тени пальм удобно устроились на земле женщины. Они вооружены ножами, перед каждой небольшая деревянная колода, на которой разделывается рыба. Женщины отрубают рыбам головы и, обезглавленных, в корзинах относят в огражденные бамбуком неглубокие затоны. Там, прямо в корзинах, мужчины их топчут босыми ногами, время от времени погружая корзины в воду для промывки. В результате этой несложной операции внутренности рыб и чешуя отделяются и вымываются. Очищенная рыба вновь относится к женщинам.

Теперь они ее укладывают в глиняные жбаны, пересыпая солью и пряностями. Через несколько дней рыба приобретает острый вкус и аромат, который напоминает во много раз усиленный аромат селедки анчоусного засола. Собственно, то, что получается, — уже не рыба, а рыбная масса. Иностранцу нужны большая выдержка и терпение, чтобы привыкнуть к ее запаху, а кхмеры его очень высоко ценят. Когда прахок дойдет до нужной кондиции, горшки запечатывают, укладывают в телеги, и обоз трогается в обратный путь, оставив после себя долго не выветривающийся запах прахока, смешанный с запахом разложившихся на отгороженном мелководье рыбьих внутренностей.

Ни земледельцы, ни рыбаки, торгуя друг с другом, не тратят ни копейки. Рис за прахок — вот и все: закон натурального обмена.

Натуральный обмен, натуральное хозяйство. Для нас это далекая история, для современной Камбоджи — реальная действительность. Всего три цифры сразу раскрывают истинное состояние, истинную основу экономики страны.

Цифры, характеризующие 1970 год, следующие: 77 процентов самодеятельного населения страны занято в сельском хозяйстве и лишь около четырех процентов — в промышленности, включая мелкую полукустарную. А 85 процентов крестьянских семей вели потребительское, полунатуральное и натуральное хозяйство. Одна из наглядных иллюстраций этого — бесконечные обозы с рисом, ежегодно двигавшиеся к рыбацким поселкам по всем дорогам страны. Можно, правда, предположить, что натуральный обмен риса на прахок — дань традиции. Но это далеко не так: рыба в Камбодже — второй после риса продукт питания. Ее вылавливали до 160 тысяч тонн в год, причем в стране не было ни одного рыбоконсервного предприятия. Естественно, что в данном случае традиция опиралась на солидную социально-экономическую базу.

Одна из самых развитых и в промышленном, и в сельскохозяйственном отношении провинций Камбоджи — Баттамбанг. Она давала основную часть идущего на экспорт риса. Баттамбанг справедливо называют житницей Камбоджи.

Здесь же к концу первого периода независимости была сосредоточена значительная часть лесопильных заводов страны, добрая половина всех имевшихся в Камбодже механических рисорушек, на которых перерабатывался рис, шедший отсюда на экспорт. Там же — хлопковые и джутовые плантации. Огромные возможности у этой провинции и для развития животноводства, прежде всего для разведения крупного рогатого скота.

Несмотря на то что Камбоджа занимает одно из первых мест среди стран Юго-Восточной Азии по количеству крупного рогатого скота, пожалуй, только на обширных естественных пастбищах Баттамбанга можно было встретить его стада. Хозяева этих стад — шумы и малайцы, традиционно занимающиеся в Камбодже пастбищным скотоводством. Они же и самые крупные торговцы скотом.

Но основное богатство провинции — рис. Повсюду на ее просторах можно видеть расстилающиеся рисовые поля, разделенные полосами джунглей. Обычно в январе на полях полным ходом идет уборка. На каждом участке — склоненные шеренги жнецов по 50—60 человек. Со стороны кажется, что они не работают, а исполняют утомительный, бесконечный и однообразный ритуальный танец. Шаг вперед, низкий поклон, стереотипное движение руками и несколько шагов назад. Нагибаясь, они захватывают левой рукой пучок рисовых стеблей, срезают его, а затем быстро отступают назад, чтобы сложить его там, где вскоре свяжут сноп. И так целый день.

Все работы, связанные с посевом, выращиванием, уборкой и обмолотом риса велись до последнего времени в основном вручную, теми же самыми орудиями, которые можно видеть на фресках Байона. Тот же серп, та же соха, часто без металлических сошников, те же волы и повозки, свозящие урожай на тока, тот же обмолот вручную. Во время вспашки на поливных землях, как и века назад, крестьянин по пояс в воде бредет по грязи за сохой, готовя почву к посеву.

Половина крестьян владела участком земли площадью всего от одного до двух гектаров. У 35 процентов земледельцев наделы колебались от двух до пяти гектаров. Хорошо если они расположены на аллювиальных землях — чамкар — в дельте Меконга, на которых задерживаются паводковые воды. Там урожай выше и собирают его по два раза в год.

Откуда же тогда шеренги жнецов, если каждый крестьянин имеет хотя и маленький, но собственный участок земли? Объясняется это просто: владельцы многочисленных отдельных участков объединялись для совместной уборки урожая каждого из соседей. Практика поочередной совместной уборки урожая издавна очень широко развита в Камбодже. Некоторые видят в этом высокоразвитое чувство коллективизма у кхмерского крестьянина. На самом деле это скорее проявление сохранившихся традиций общинного землепользования, результат слаборазвитых товарных отношений. Но если при общинном землепользовании земля делилась в основном по числу едоков, то в первый период независимости, как и во времена французской колонизации, сплошь и рядом крестьянину приходилось отдавать значительную часть собранного общими усилиями урожая соседу. Это происходило потому, что очень многие малоземельные крестьяне вынуждены были арендовать часть земли у более зажиточных, имеющих большие наделы. А малоземельные крестьяне в провинции Баттамбанг, например, составляли ни много ни мало $^2/_3$ населения, связанного с сельскохозяйственным производством. При этом необходимо отметить, что из всех пяти рисоводческих провинций в Баттамбанге процент малоземельных крестьян был самый низкий, а минимальные наделы — самые большие. В южных и центральных провинциях, расположенных в дельте Меконга, наделы нередко колебались от половины до одного-двух гектаров, и число собственников таких участков намного превышало $^2/_3$ всего сельскохозяйственного населения провинций.

Это положение, как правило, не являлось результатом обезземеливания крестьян из-за концентрации земли в руках сельской буржуазии. Ее до начала XX века в Камбодже просто не было. Каждый крестьянин, по существовавшим еще до французской колонизации законам, имел право занимать любой свободный участок земли размером до пяти гектаров. По истечении пятилетнего срока обработки этот участок переходил в собственность крестьянина при условии соблюдения им налоговых и трудовых повинностей. Французы не изменили этого правила. А начавшийся при них процесс концентрации земли в руках отдельных собственников происходил в основном за счет освоения целинных земель. Запасы их до сих пор остаются в Камбодже весьма значительными, а их освоение, если оно не связано с обводнением или осушением, не требовало значительных капиталовложений. Таким образом, малоземелье в южных и центральных провинциях объяснялось прежде всего высокой плотностью населения и недостатком доступных для обработки земель, а в провинции Баттамбанг — отсутствием у крестьян возможностей для освоения целинных земель, с одной стороны, и слабой заинтересованностью в товарном производстве — с другой.

Так было до французской колонизации и во время нее.

В первый период независимости положение изменилось. Обезземеливание крестьян приняло более широкие масштабы. Об интенсивности этого процесса убедительно говорят цифры. Сельское население все в больших количествах переселялось в города, прежде всего в Пномпень. Если в 1939 году население столицы насчитывало примерно 100 тысяч человек, то к 1956 году оно утроилось. При этом надо учесть, что приток в города

происходил не только за счет развития капиталистических отношений в деревне и разорения мелких землевладельцев, но и в результате войны 1945—1953 годов, развязанной колонизаторами. Крестьяне, особенно западных и южных провинций, бросали свои хозяйства и бежали из районов военных действий.

После получения независимости приток крестьян из сельских местностей в города не только не ослабел, но и усилился. К 1968 году население только Пномпеня по сравнению с 1956 годом выросло еще на 300 тысяч человек.

Земельная феодальная рента и ростовщичество во все времена являлись бичом малоземельного крестьянина. Те, кто имел в Камбодже наделы менее одного гектара, всегда были вынуждены арендовать дополнительный участок, отдавая за него часть урожая. С другой стороны, мелкий землевладелец-арендатор в первую очередь попадал в зависимость к ростовщику. Бегство в город для таких крестьян нередко являлось единственным путем спасения от ростовщика (официально ростовщичество после независимости было запрещено). А крестьянских хозяйств с наделом менее одного гектара в Камбодже насчитывалось свыше 30 процентов.

Немногим лучше было экономическое положение крестьян, имеющих до двух гектаров земли; их насчитывалось 22 процента. Им тоже приходилось нередко арендовать землю или заниматься отхожим промыслом. Представители данной группы составляли, в частности, значительное число сезонных водителей велорикш.

Вслед за двумя этими категориями крестьян, которых можно назвать бедняками и которые с развитием капиталистических отношений составляют резерв для формирования пролетариата, шла довольно большая группа середняков (32 процента). Они имели до пяти гектаров земли и обеспечивали свои нужды, не прибегая к аренде земли и займам.

Особая категория крестьян — те, которые имели от пяти до десяти гектаров земли. Это кхмерская разновидность кулака, который вел хозяйство силами семьи и наемных батраков или сдавал часть земли в аренду. В любом случае он оставался эксплуататором. Владелец же участка земли в 50 гектаров на аллювиальных почвах в дельте Меконга полностью сдавал в аренду свой участок под плантационные культуры и жил целиком на ренту — это уже буржуа-рантье. И наконец, существовала в кхмерской деревне небольшая, всего около шести процентов, прослойка землевладельцев, имевших от 10 до 50 и более гектаров земли. Таким образом, хотя в Камбодже во все времена

отсутствовали крупные феодалы, здесь всегда было кому эксплуатировать широкие массы крестьянского населения.

Поэтому, когда по дороге в Баттамбанг на полях житницы страны встречались значительные группы крестьян, дружно убиравших рис, не стоило сразу принимать это ни за присущее кхмерскому крестьянину чувство коллективизма, ни за пережиток общинного землепользования. И то и другое в кхмерской деревне существовало. Но прежде всего там существовала эксплуатация большинства меньшинством. В провинции Баттамбанг она проявлялась сильнее, ибо здесь был больший, чем в любой другой провинции, процент хозяйств, имеющих от 10 до 50 и выше гектаров пахотной земли. Этим, собственно, и объясняется то, что провинция Баттамбанг стала житницей: крестьянские хозяйства, имеющие до пяти гектаров земли, товарного риса не производят, а ведут целиком потребительское полунатуральное хозяйство.

На рисовых полях провинции использовалась и современная сельскохозяйственная техника, причем в масштабах бо́льших, чем в любом другом районе Камбоджи. А всего на полях страны работало более полутора тысяч тракторов местного и иностранного производства и значительное количество другой сельскохозяйственной техники. Вся эта техника не могла не способствовать развитию сельскохозяйственного производства страны. Не без ее помощи, в частности, в первый период независимости почти вдвое возросла площадь посевных земель и во столько же увеличился валовой сбор риса. Однако при капиталистических методах ведения сельского хозяйства в Камбодже применение техники неизбежно вело к обезземеливанию крестьян, к усилению их эксплуатации.

Впрочем, приблизительно в сорока километрах от Баттамбанга можно было встретить технику, игравшую иную роль в жизни крестьянина. Она принадлежала опытной государственной сельскохозяйственной ферме, раскинувшей свои поля на бывших землях деревни Тмар Кол. 22 механизатора обрабатывали 1740 гектаров пашни. При этом все полевые работы, включая вспашку, боронование, сев и прополку, выполнялись машинами. Урожай, собираемый этой фермой, на 25 процентов превышал средний урожай на лучших поливных землях Камбоджи.

Эта государственная ферма так и осталась единственной в стране, а развитие сельскохозяйственного производства пошло по пути поощрения инвестиций в частное сельскохозяйственное производство и развития капиталистической формы кооперации.

До независимости в Камбодже не было ни одного сельскохозяйственного кооператива. К 1969 году их насчитывалось более семисот, а кроме того — 13 кредитных и несколько сот кооперативных складов сельскохозяйственной продукции. Политика кооперирования была составной частью программы мероприятий, призванных расширить сельскохозяйственное производство. Среди этих мер предусматривалось наделение каждой крестьянской семьи участком земли до пяти гектаров за счет освоения целины в окраинных провинциях. Всем поселенцам предполагалось выдавать на новых землях ссуды для приобретения рабочего скота и инвентаря.

Мероприятия по вытеснению ростовщического капитала должны были освободить крестьян от полуфеодальной эксплуатации и стимулировать их заинтересованность в товарном производстве. Основную роль в этом и должна была сыграть кооперация, прежде всего снабженческо-сбытовая. Однако в силу ряда объективных причин в жизнь эти меры претворялись очень слабо. Не принесла радикальных изменений в судьбу крестьянина и кооперация.

Обычно понятие «сельскохозяйственная кооперация» ассоциируется у советского человека с первыми шагами деревни по пути к новой жизни без кулаков и помещиков, без эксплуатации человека человеком. Но в условиях буржуазного строя отношения и при кооперации подчиняются его экономическим законам: кооператив нередко превращается в коллективного эксплуататора.

В Камбодже сельскохозяйственная кооперация поддерживалась и финансировалась государством. Участие зажиточных и богатых крестьян в ней не только не ограничивалось, но даже и поощрялось весьма высоким процентом ссудного кредита. А получение кредита зажиточными крестьянами только усиливало их положение и стимулировало процесс первичного накопления в деревне. Зажиточные члены таких кооперативов получали еще более широкую возможность заниматься ростовщичеством как внутри самого кооператива, так и вне его. Сами кооперативы весьма широко использовали наемную рабочую силу. Так, например, по данным еще 1963 года, хлопководческий кооператив Андекхеп, в котором насчитывалось 495 хозяйств, использовал 20 батраков и 500 поденных рабочих.

...Итак, наш маршрут лежит через провинцию Баттамбанг. Промелькнул город Баттамбанг, внешне почти не отличающийся от других провинциальных центров страны: такие же дома, те же пальмы и тропическая зелень.

А вот две дороги у выезда из города: одна — продолжение все той же государственной дороги № 5, уходящей на Сисопхон и дальше в Таиланд, другая, круто сворачивающая на юго-запад,— местная, провинциальная. Она ведет сквозь мощные, поднимающиеся сплошной стеной джунгли в небольшой поселок Пайлин. Поселок расположен неподалеку от границы с Таиландом, возле северо-западных отрогов Краваня.

Немногим более десяти лет назад на месте этой дороги был почти непроезжий проселок. Чтобы проехать по нему, нужно было иметь специальные транспортные средства и железные нервы. Очень кратко и выразительно его в те времена живописал У. Берчет в своей книге «Вверх по Меконгу». Берчет рассказал, что каждый километр пути здесь прорезали до десятка нешироких, но глубоких расселин. Мосты через них представляли собой два бревна, положенные на расстоянии средней ширины автомобильной колеи, а толщина бревен равнялась ширине автомобильной шины.

От Баттамбанга до Пайлина — 83 километра. Помножим число расселин на километры и получим 830. Но, памятуя о том, что у страха глаза велики, сократим эту цифру. Все равно окажется, что для проведения нормальной дороги требовалось построить около четырехсот мостов и мостиков. В годы независимости дорога улучшилась. Двигаясь на машине из Баттамбанга в Пайлин, вы уже могли не рисковать жизнью, но зато наверняка после этих 83 километров ваша машина нуждалась в ремонте.

И все-таки в Пайлин стоило поехать. Живописная россыпь аккуратных деревянных домов, уютно примостившихся на некрутых отрогах Краваня,— таким предстал Пайлин во время моего посещения. Вокруг каждого строения разбиты садики, благоухающие ароматами самых разнообразных цветов, а дома сплошь одеты вьющимися растениями, многие из которых цветут круглый год. В долине на десятки гектаров раскинулись рощи мандариновых и грейпфрутовых деревьев, чьи ветви сгибаются под тяжестью золотистых плодов.

Здесь плодоносные красноземы, горные ручьи, густая тень, смягчающая зной. В окрестностях Пайлина может произрастать и давать обильный урожай множество культур — от каучуконосной гевеи до перца и риса.

Однако жизнь в поселке не идиллия. Вся земля, кроме занятой под садами, насколько хватает глаз, сплошь изрезана траншеями, ямами и канавами. С раннего утра до позднего вечера с лопатами в руках копаются в них люди. С утра до вечера все население деревни, исключая совсем малых детей и древних

старух, отправляется на рытье траншей. Кажется, все вышли на строительство земляных укреплений в ожидании нападения грозного противника. Но никакого отношения к военным приготовлениям их занятие, естественно, не имеет. Пайлин — извечный центр добычи и обработки драгоценных камней. Рубины, сапфиры, цирконы, ониксы добывают уже многие столетия.

Некогда эти камни вымывались ручьями из расположенных рядом гор и отлагались в предгорьях в рыхлых наносах. Сейчас камни находят и у самой поверхности, и на довольно большой глубине. Каждый имеет право копать землю там, где захочет,— никаких ограничений. И ее копают целыми семьями изо дня в день, из поколения в поколение. Часто старатели неделями и месяцами не находят ничего, лишь иногда в бамбуковой трубочке, куда складываются выкопанные камешки, появляется несколько мелких рубинов, не имеющих никакой коммерческой стоимости. Но случается, правда довольно редко, что счастливцы обнаруживают сапфир стоимостью в десятки тысяч риелей.

Работа на этих своеобразных приисках каторжная. Кроме копки приходится просеивать и промывать в примитивном решете горы тяжелой глинистой земли, чтобы отделить от нее песок и гравий, в которых находятся камни. Потом осторожно промыть и просеять эту крупную фракцию, не пропустив среди обычных камешков тех, которые ценятся и которые в своем естественном состоянии весьма невзрачны на вид. Но и произведя всю эту утомительную процедуру и даже найдя драгоценный камень довольно высокой стоимости, старатель не становится богачом.

Дело в том, что здесь всегда «делали деньги» не те, кто работает, а те, кто владеет... водными источниками (теми самыми ручьями, что стекают с гор или бьют из-под земли), и перекупщики-оптовики.

Старатель, которому необходима вода для промывки земли, 25 процентов стоимости найденных камней должен отдать хозяину источника. Этого мало: 50 процентов стоимости каждого камня он отдает перекупщику, одновременно являющемуся и хозяином шлифовальной мастерской.

Насмотревшись на копающихся в земле, покрытых толстым слоем красной пыли людей, наслушавшись рассказов об их жизни, хочется как можно скорее бежать отсюда. И не таким уж душным кажется пропитанный зноем и пылью воздух Баттамбангской равнины, не такими безжизненными представляются ее просторы и не столь уж безнадежно ухабистой дорога.

Дорога от Баттамбанга до Сисопхона, расположенного в северо-западной оконечности провинции, проходит по совершенно безлюдной местности. В Сисопхоне дорога № 5 встречается с дорогой № 6, идущей через Сиемреап и Кампонгтхом в Пномпень. Чтобы не возвращаться из нашего путешествия прежним путем, ею можно воспользоваться, заодно посетив рыболовецкие деревни, расположенные в нескольких километрах от Сиемреапа, на берегу озера Тонлесап.

Рыба, как уже отмечалось,— второй после риса продукт питания кхмеров. Озеро Тонлесап дает добрую половину всего улова.

Рыбацкая деревня Кампонглуан, куда мы отправляемся, расположена всего в 12—15 километрах от крупнейшего туристского центра страны — Сиемреапа, окрестности которого прорезают сотни километров асфальтированных дорог, соединяющих памятники ангкорской цивилизации. Однако путь к берегу озера — это проселок, разъезженный в дождливый сезон тяжелыми машинами. Некогда дорога была мощеной, в чем убеждаешься, подъезжая к раскинувшейся на берегу озера деревне Кампонглуан. Покрытие сохранилось сейчас только на той части дороги, которая полгода находится под водой.

Я уже говорил, что зеркало озера во время дождливого сезона увеличивается вдвое, поэтому несколько километров дороги то появляются, то снова уходят под воду, и тогда о ее существовании и направлении можно судить лишь по параллельным рядам деревьев, уходящим в воды озера.

Если в деревне взять моторную лодку — а они всегда здесь были к услугам туристов — и совершить небольшое путешествие по озеру, то во время полой воды можно обнаружить тысячи гектаров «подводных лесов». После спадания вод леса эти, сплошь облепленные тиной и грязью, представляют собой фантастическое зрелище.

Удаляясь от берега, вы вначале будете лавировать по водяным просекам и тропинкам среди деревьев, лишь наполовину скрытых под водой. Затем, продравшись сквозь заросли кустарника уже на уровне крон, вы поплывете над сказочным миром подводных лесов.

В ветвях этих лесов кишит рыба. Ее сюда привлекает прохлада, возможность полакомиться свежими почками и молодыми листьями деревьев. Именно на этой «привязанности» рыбы к подводным лесам и основан один из распространенных видов лова в сухой сезон. Рыбаки высаживают невдалеке от берега искусственные леса — самсары, втыкая в дно озера свежие бамбуковые ветки. Этот «лес», занимающий порой несколько гектаров, окружается сплошным плетеным из тростника забором.

Рыба, привыкшая к лесной прохладе и лиственной «диете», поселяется в этих лесах, а когда вода спадает, попросту оказывается на дне, запутывается в ветвях или зарывается в ил. Остается собрать улов руками.

Другим постоянно и успешно применяемым способом является лов с помощью камышовых загонов. Они создаются из камышовых заборов приблизительно двухметровой высоты. Устанавливаются они на расстоянии метров пяти друг от друга таким образом, чтобы верхушка несколько выступала из воды. Получается длинный, порой до нескольких сот метров, суживающийся в конце неширокий загон. В суженном конце устраивается опять же из камыша хитроумная ловушка, попадая в которую рыба уже не может выйти.

И конечно, повсюду на озере ловят рыбу сетями. Их устанавливают обычно вдоль северного, мелкого побережья озера. Рыба, стремящаяся на глубину, чтобы идти на нерест в Меконг, в изобилии попадает в сети. В сезон лова рыболовецкие артели извлекают сети каждые 25 минут или полчаса. И каждый заброс дает не менее 200 килограммов рыбы. Причем артели работают на расстоянии 5—10 километров друг от друга по всему 160-километровому северному побережью озера Тонлесап.

Рыбным промыслом заняты целые деревни, расположенные по берегу озера. Куда бы вы ни заехали, везде одна и та же картина. Женщины плетут под навесами тростниковые плавни, вяжут или чинят сети, мужчины возятся с лодками, моторами, выходят со снастью в озеро или гонят лодки, груженные серебристой рыбой, к берегу.

Рыбацкие деревни — и в этом их особенность — всегда остаются у берега, около твердой земли, хотя постоянной береговой линии у озера Тонлесап, как мы уже знаем, не существует. Эти деревни не простые, а кочующие. Прибывает вода, отступает береговая линия, и вместе с водой продвигаются, прижимаясь к новому берегу, деревни. Спадает вода — деревни «переезжают» на прежнее место. Они стоят на воде, но в отличие от «плавающих» деревень на Меконге дома строятся не на лодках, а на плотах. Это настоящие, иногда очень большие пайотты.

На плотах остается еще достаточно места, чтобы разводить свиней, кур и даже делать небольшие насыпные огороды. Каждый плот удерживает своеобразный якорь — бамбуковый кол, вбитый в дно, к которому плот привязан обычной веревкой.

Живет в этих деревнях очень живой и веселый народ. Пожалуй, больше нигде в Камбодже нельзя было услышать столько искреннего смеха, встретить столь же непринужденное, свободное обращение с иностранцами, как в рыбацких деревнях. Здесь все в движении. Вся жизнь, кажется, наполнена своеобразным и волнующим ритмом, который легко и естественно воплощается в танце, превосходно исполняемом рыбаками прямо на берегу озера.

...Известно, что в танцах, музыке, песнях раскрывается душа народа, его истинный национальный характер. Поэтому понять истинный характер кхмеров, не видя их танцев, по-моему, просто невозможно. Во всяком случае это понимание было бы или просто неверным, или очень односторонним. Ведь в обычной жизни кхмеры очень сдержанны, кажутся несколько вялыми, даже отрешенными от мирских забот и суеты. В танцах же и песнях они вдруг раскрываются с совершенно неожиданной стороны.

Не смеяться от души, видя шуточный танец «Павлины», оставаться бесстрастным при исполнении насыщенного тонким юмором танца рыбаков нельзя. А когда на сцене исполняется один из самых распространенных и популярных танцев — танец сборщиков кокосовых орехов, который называется «Коко» (кокосовый орех),— большого, очень большого труда стоило заставить себя не аплодировать, не улыбаться, не прищелкивать пальцами, не притопывать ногами. Особенно тогда, когда ритм танца убыстрялся до фантастического предела, а танцоры мимикой и жестами откровенно приглашали зрителей принять участие в безудержном веселье.

Автор этих строк всегда думал, что с гиканьем и свистом могут исполняться только русские танцы. Оказывается, у кхмеров, которые в жизни никогда не шумят и не повышают голоса, такое исполнение танцев тоже принято и распространено. Есть у них и танцы, исполняемые с частушками. И вообще ритмический рисунок кхмерских танцев представляется удивительно похожим на русские народные танцы. Начинают танцевать кхмеры медленно, плавно, лирично, постепенно темп возрастает, достигая апогея в финале. А может быть, это свойственно всем народным танцам?

В танцах проявляется не только темперамент, который трудно в обычных условиях разглядеть в кхмерах. Они демонстрируют и высокоразвитое у них чувство юмора. Трудно припомнить хотя бы один танец, в котором или очень тонко, или, напротив, несколько утрированно не разыгрывались бы комические ситуации. Кхмеры не только любят шутку, но и не прочь подтрунивать сами над собой, над своими слабостями.

Музей под открытым небом

На территории Камбоджи обнаружено свыше тысячи памятников архитектуры, относящихся к VI—XIV векам. Основные памятники Ангкорской империи сосредоточены к северу от озера Тонлесап. Эта территория с XI по XVI век — с начала расцвета до падения Ангкорской империи — была местом пребывания кхмерских властей.

Среди крупнейших памятников культовой архитектуры не только Камбоджи, но и всего мира — Ангкорват и Байон.

Эти памятники уникальны не только своей грандиозностью, но и прежде всего потому, что представляют единственный в своем роде синтез архитектуры, скульптуры и живописи, основанный на необычайно развитом у древних кхмеров чувстве монументального и декоративного начал. При этом Ангкорват и Байон — не исключение в древней кхмерской архитектуре, а лишь наиболее яркое и полное воплощение ее принципов.

Но Ангкорват и Байон привлекают и тем, что с ними связаны самые яркие и драматические страницы истории Ангкорской империи. Ничто не может подготовить человека к неожиданностям, связанным с эмоциональным восприятием Ангкорвата, возникающим при непосредственном знакомстве с ним. Вы можете знать наизусть по описаниям все его параметры, отчетливо помнить силуэт его башен, внешний вид всего комплекса и отдельных составляющих его частей. И все же неожиданное будет подстерегать вас на каждом шагу, начиная с самого вашего появления на центральной аллее, ведущей к Ангкору. Там перед вами возникает хрупкий, миниатюрный, будто вырезанный из картона и поставленный на фоне джунглей лишь его силуэт с тремя башенками.

По мере приближения он растет, ширится, обрастает деталями, и вот наконец архитектурный памятник предстает во всем своем величии. Отчетливо видны мощные, поднимающиеся уступами террасы, загородившие собой джунгли, а его башни уже парят где-то высоко в небе. Но не только общий вид Ангкорвата, воспринимаемый с любой точки осмотра, рассчитан на

эмоциональный эффект — каждая его деталь, каждый сантиметр его поверхности призваны воздействовать на воображение посетителей, держать их в постоянном напряжении.

Вы поднимаетесь по маршам террас Ангкора, туда, где в центре, господствуя под остальными, возвышается его центральная башня, а она с каждым шагом, приближающим вас к ней, становится все меньше и невзрачнее по сравнению с угловыми башнями. В галереях и проходах сумрачно и сыро, но за каждым поворотом вас встречает светлой, лучезарной улыбкой изваянная из камня апсара, с невыразимой грацией и изяществом протягивающая вам прекрасные цветы. Вы остановились полюбоваться искусным орнаментом, составленным из переплетения листьев и цветов лотоса, и вдруг обнаруживаете, что их вязь переходит в фигуры людей и животных.

Но вот наконец вы у цели восхождения. На третьей площадке, в середине которой установлена центральная башня (та самая, которая со второй площадки выглядела совсем небольшой), вы чувствуете себя пигмеем рядом с гигантом. Недаром разум средневекового человека при виде этих построек обращался к богам и творил легенды о них.

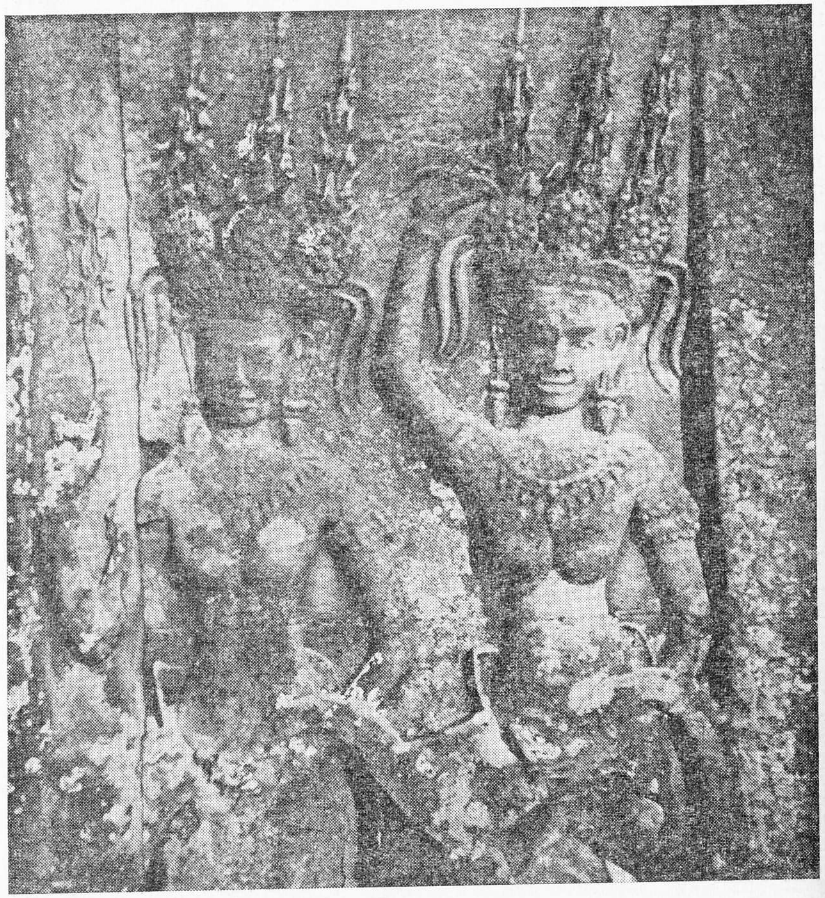
Вот одна из записанных в старые времена легенд, рассказывающая о возникновении Ангкорвата.

Случилось это во время царствования одного великого государя, имя которого осталось неизвестным. Зато имя его сына, героя эпоса, дошло до нас. Его звали Преа Кет Меалеа, что означает «божественное сияние». Под стать имени были и достоинства, которыми наделила судьба венценосного отпрыска. Был он красив и обладал многими другими совершенствами.

Бог Индра — властитель неба, бог грома и бури (местный Зевс), восседая на горе Меру (местный Олимп), узнал о великих достоинствах сына и наследника великого царя. Недолго думая, Индра спустился на землю и пригласил принца к себе. Очень понравилось принцу в царстве бога. Все здесь умиляло и радовало Преа Кет Меалеа. Особенно понравился ему дворец. Пять ажурных башен, верхушки которых сверкали золотом, украшали его. Фасад дворца был искусно инкрустирован алмазами и драгоценными камнями. Внутри — покои, уставленные богатой утварью и украшенные златоткаными занавесями. Всюду слышались музыка и пение, всюду апсары скользили в неземном танце. Так бы и жить принцу, наслаждаясь неземной красотой и покоем: он нравился Индре, и тот даже не помышлял о возвращении Преа Кет Меалеа на землю. Но против принца возроптали тевода. Тевода — это подчиненные богу Индре женские божества. И хотя были они божествами, присутствие прин-

ца таило для них в себе слишком много соблазнов. Так прямо и сказали они Индре: отправь принца на землю — с его появлением слишком волнующий нас земной дух появился на небе, не можем мы его больше спокойно переносить. Индра понял их и ради сохранения спокойствия в своем царстве предложил принцу вернуться на землю. Но, видя, как трудно принцу расставаться с полюбившимся ему дворцом, Индра обещал построить такой же на земле.

Тевада, те самые, из-за которых Преа Кет Меалеа был вынужден покинуть рай бога Индры



Призвал Индра божественного зодчего Преа Пушнука, чья сила и ученость были бесконечны, и повелел ему построить для принца замок. Собрал Пушнук людей всех стран и народностей. Священный бык Нандин указал место строительства — неподалеку от горы Пномбакхенг (холм с храмом того же названия, бывший центром одной из первых столиц кхмерского государства в районе Ангкора).

Были выкорчеваны могучие деревья джунглей, выровнена строительная площадка, обтесаны большие камни, и под наблюдением божьего посланца Преа Пушнука закипела стройка. Вырос сказочный дворец, мифические змеи Нага легли вдоль проходов к нему. Поднялись башни храмов, украшенные тонкой резьбой, появились наполненные водой бассейны, павильоны книгохранилищ. Вокруг всех этих сооружений были воздвигнуты крепостные стены.

«Так боги в лице Преа Пушнука,— заканчивает летописец свое повествование, — воздвигли великолепный дворец».

Но естественно, совершенное творение — Ангкорват — дело рук человеческих. В нем воплощено живое, поэтическое представление людей средневековой Камбоджи о красоте мира, его цельности и внутренней гармонии. Что же касается инициатора строительства — Сурьявармана II, то его в первую очередь волновало не само искусство. Для него невиданное по грандиозности и красоте культовое сооружение должно было явиться символом его собственного могущества и могущества империи, единовластным хозяином которой он стремился стать, памятником величию его дел. Однако замыслам честолюбивого царя не суждено было осуществиться.

Без малого 40 лет правил империей Сурьяварман II. Но только первые четыре года его правления были плодотворны: он сумел объединить государство под своей сильной властью. Остальные годы правления Сурьявармана II — годы безумств, на которые его толкала жажда величия и тщеславие.

Одну за другой отправлял неистовый царь армии для захвата чужих земель, и все они терпели поражения. В результате он, естественно, не завоевал ни пяди соседних территорий, но разорил страну.

Всю жизнь он строил. Но все построенное им не способствовало укреплению империи, а лишь подрывало ее экономику. Он строил храмы, осыпая их служителей с невиданной доселе щедростью подарками.

Однако этого всего было мало Сурьяварману II, и он возвел Ангкорват — памятник, связанный с культом Вишнураджи, в котором предметом поклонения стал сам царь, отождествленный

с богом Вишну. Но смертный владыка скончался и был похоронен в Ангкорвате, который остался памятником не царю, а художественному гению кхмерского народа. Это самый величественный, самый совершенный по законченности своей композиции и наиболее хорошо сохранившийся памятник ангкорской эпохи.

Его композиция принципиально ничем не отличается от композиции других творений классической архитектуры Ангкора. Это пирамидальное строение, увенчанное 65-метровой башней, по форме напоминающей нераспустившийся бутон лотоса. Оно призвано символизировать уже упоминавшуюся нами мифическую гору Меру — «центр Вселенной и местожительство богов».

Ангкорват — сооружение трехступенчатое. Ступенями служат огромные, выложенные каменными плитами террасы. Каждая из них окружена по периметру галереями, крытыми двухскатными крышами. Углы каждой из галерей увенчаны башнями. Длина самой нижней террасы, а следовательно, и галереи равна 180 метрам. Следующая терраса уже меньше — 100 на 115, а размер самой верхней, квадратной — 75 на 75 метров. На ней-то и установлены башни, которые четко выделяются на фоне неба при подходе к храму. Только башен не три, а пять. Четыре по углам и одна в центре. Но так как фасад сооружения обращен строго к западу, а дороги подходят к храму с востока, запада и юга, путешественник, с какой бы стороны ни приближался к Ангкорвату, всегда видит лишь три башни. Ему не видно основания храма: весь комплекс окружен широким прямоугольником колонн, за которыми воздвигнута довольно высокая стена из латерита и песчаника. Ее размеры весьма внушительны — 850 на 1000 метров.

Чтобы через входные портики проникнуть внутрь и увидеть весь храм, нужно перейти ров 200-метровой ширины. Это не составляло труда ни во времена Ангкорской империи, ни сейчас: через ров проложены широкие, мощенные огромными каменными плитами дороги. В древности ров был наполнен до краев водой, а сейчас на его месте лишь небольшие заболоченные озерки, в которых местные дети ловят рыбу. Правда, в сезон дождей древние рвы снова на время наполняются водой, и тогда можно запечатлеть на фото весь этот прекрасный ансамбль, отражающийся в канале.

Широкие дороги, ведущие к храмам и монастырям, окружающие их стены, рвы и бассейны, так же как и устремленные вверх башни культовых сооружений, поставленные на высоких цоколях,— это отличительные черты классической кхмерской

архитектуры. И все они, вместе взятые, не встречаются ни в одной стране мира.

Как и каждый кхмерский храм, Ангкорват призван был поразить красотой и гармонией своих очертаний каждого видящего его издали и богатством скульптурного оформления галерей и стен при более близком рассмотрении. Обе эти цели строителями Ангкорвата осуществлены с невиданной дотоле полнотой. Если обычного путешественника поражают зрительные эффекты, масштабы, великолепие, живопись и образность выполненных рельефов, то специалистов — точный расчет самой шкалы эффектов, высокое владение композицией и техника резчиков по камню, художников и зодчих. Известно, что для того чтобы охватить одним взглядом все сооружение, необходимо отойти от него на расстояние, равное двум или трем его высотам. Как мы помним, длина фасада первой галереи центрального храма равна 180 метрам. Удваивая эту цифру, получаем 360 метров. Именно такое расстояние отделяет путника, перешагнувшего порог внешней ограды от храма Ангкорват. Еще пример. Первая терраса поднята над землей на три с половиной метра, вторая над первой — на семь, третья над второй — на 13, то есть здесь почти точно соблюдена арифметическая прогрессия, позволяющая в данном случае добиться эффекта «роста» сооружения на глазах у приближающегося зрителя. И так во всем: в каждой детали, в каждом здании, в каждой башенке — заложен точный расчет.

Не меньшее мастерство и совершенство ваятелей демонстрируют горельефы и барельефы, сплошь покрывающие огромные площади галерей.

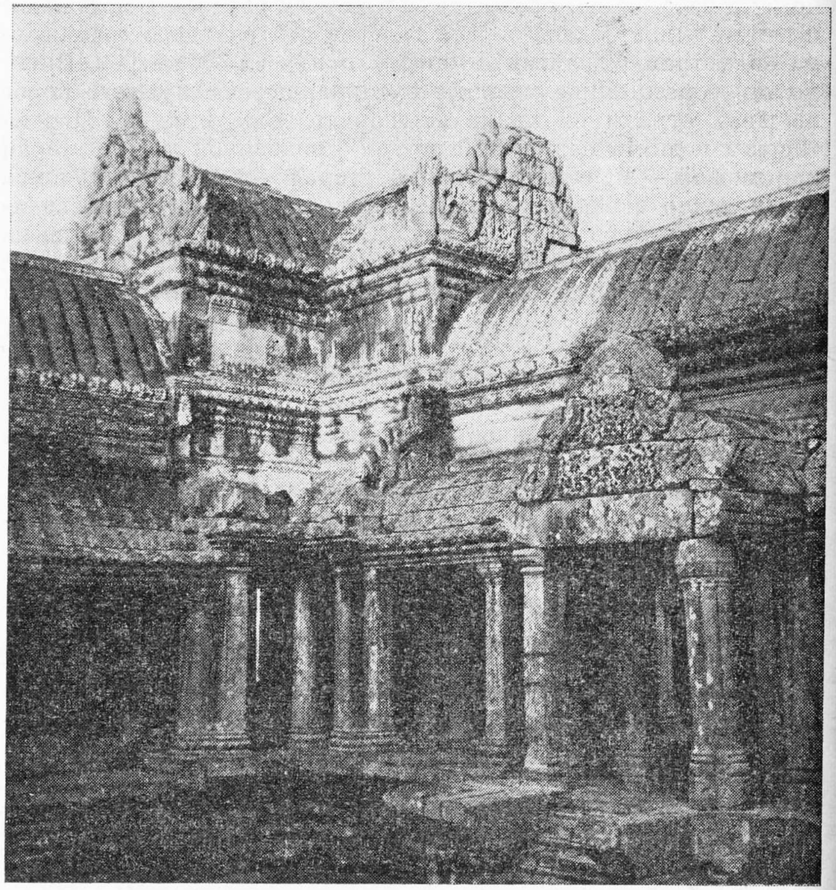
Характерная особенность всех кхмерских храмов периода Ангкорской империи заключается в том, что каждый камень внешних стен, независимо от того, лежал он в цоколе или на самой вершине, был на виду или незаметен, украшался орнаментом или ажурной резьбой. Именно эта особенность позволяет специалистам говорить о синтетическом характере ангкорской архитектуры, основанном на необычайно развитом у древних кхмеров чувстве монументального и декоративного.

Несмотря на все это, кхмерские зодчие не знали элементарных законов строительства. Точнее, кхмеры времен Ангкора не были строителями, а являлись отличными художниками-декораторами и скульпторами. Их сооружения представляли собой нагромождение каменных глыб, которым скульпторы придавали архитектурную форму. Строители не знали самых элементарных правил обработки камня, законов равновесия и устойчивости каменной кладки. Они просто нагромождали камни

один на другой в том самом виде, в котором их доставляли из карьера, не отбирая их и нимало не заботясь о рельефе, который будет придан фасаду. Как утверждает крупнейший специалист по Ангкору и один из самых ревностных хранителей его — Анри Маршаль, Ангкор и Байон не разрушились лишь потому, что в данном случае центрическая система дает нормальное напряжение на нижнем основании. Там, где этого не было, памятники рушились.

Когда смотришь на постройки Ангкорвата и Байона, не ве-

Угловая часть
внутренней галереи
второго этажа Ангкорвата



рится, что эти совершенные формы памятникам придали скульпторы, обработавшие груды неотесанных камней и, кроме того, создавшие удивительные барельефы, орнаменты и статуи. Чтобы составить представление о том, какую работу им пришлось проделать, достаточно сказать, что внутренняя стена галереи первого этажа — она, между прочим, единственная внутренняя часть храма, доступная паломникам,— имеет длину 600 метров при высоте два метра. И нет на этой стене ни одного сантиметра, которого не коснулся бы резец скульптора, вся она сплошное рельефное панно. Правда, с материалом кхмерским скульпторам повезло. Это светлый песчаник, который, как утверждают, почти так же легко поддается резцу, как и дерево.

При отделке галерей Ангкорвата скульпторы очень часто обращались к темам индийских эпических поэм «Рамаяны» и «Махабхараты». И сегодня эти поэмы пользуются в Камбодже, как и во всей Юго-Восточной Азии, большой популярностью. Трудно, пожалуй, найти человека, который бы не знал и не сумел рассказать сюжета этих поэм. А ведь они ровесники гомеровских «Илиады» и «Одиссеи».

Обычно обращают внимание на барельеф, раскрывающий сюжет «Рамаяны», повести о любви и злоключениях Рамы и его возлюбленной Ситы. Рама — это бог Вишну, который, как и некоторые греческие боги, любил перевоплощаться. Только перевоплощение происходило в полном соответствии с индуистскими верованиями. Они не просто, как сделали бы эллинские боги, меняли облик, а должны были вновь родиться. Так, на этот раз Вишну родился в образе сына царя Вашарахты. Став юношей, он влюбился в дочь царя Джанами. Но молодым людям не суждена счастливая и безмятежная жизнь. В результате дворцовых интриг Раме пришлось покинуть пределы царства. С ним вместе отправились его возлюбленная и ее брат Лакшман. Изгнанники терпели лишения, на каждом шагу вынуждены были вступать в борьбу со злыми силами. Но любовь и дружба помогли им преодолеть все препятствия.

Самым сильным из испытаний стала встреча со злым гигантом Раваной, который решил завладетьСитой. Не рискнув вступить в открытую борьбу с двумя смелыми юношами, Равана подослал к ним золотую лань. Юноши устремились за ней, а в это время Равана схватил Ситу и умчал ее на волшебной колеснице в свою страну. Вернувшись с неудачной охоты на золотую лань, принцы обнаружили исчезновение Ситы. Обезьяний царь Суграва рассказал им, что произошло во время их охоты. Поведал он и о своем несчастье: родной брат Сугравы вероломно узурпировал у него трон. Рама и Лакшман решили

восстановить справедливость и помогли Суграве вернуть трон. В свою очередь Сугрaва помог юношам в борьбе с Раваной, дав им обезьянье войско, возглавляемое храбрым предводителем Хануманом. С помощью обезьян войска Раваны были разгромлены, сам великан погиб, а Сита вновь воссоединилась с возлюбленным и братом.

Однако барельефы — не простая иллюстрация к «Рамаяне». Это, если можно так выразиться, застывшие кинокадры, воплощенные неизвестным автором в камне на отрезке стены длиной в пятьдесят метров. «Кадр» за «кадром» раскрывает автор не столько сам сюжет поэмы, сколько свое восприятие ее и отношение к героям и ситуациям, в которые они попадают. Вся композиция поражает динамикой, а каждая из сцен — законченностью, мастерством исполнения, экспрессией, ярко выраженной в каждом жесте, в каждой позе героев. Следует добавить, что все фигуры выполнены в натуральную величину, что создает дополнительную иллюзию реальности происходящего. Поражает композиция и обилием батальных сцен. Здесь и рукопашная битва Сугравы с его братом, и битвы с чудовищами, и поход обезьяньей армии, и, наконец, битва армии Ханумана с войском Раваны. Причем выполнены все сцены с удивительной достоверностью и потрясающим натурализмом.

Между прочим, в рельефах Ангкора и Байона поражает пристрастие скульпторов к изображению пыток, смертей и ужасов. Если убийство — то со всеми подробностями, если пытка — то в деталях, если схватка — то с горой трупов.

Следующий барельеф также занимает пятьдесят метров стены. Он посвящен мифу о взбалтывании молочного моря. Если первая композиция строилась по горизонтальной оси, то эта — по вертикальной. Ею служит ствол, вокруг которого обвилась змея Васуки. Все остальные действующие лица группируются симметрично стволу. Их много, но главные среди них — боги и демоны. Слева тянут змею за голову одни, справа за хвост — другие.

Это, вероятно, единственный зафиксированный историей случай, когда боги и демоны мирно собрались для общего дела — добывания амриты — напитка, дающего бессмертие. Чтобы его получить, нужно было перемешать воды океана. Ни богам, ни демонам отдельно такая работа была не по плечу. Вот они и взялись за дело вместе.

Мутовка для взбивания моря — гора, веревка, с помощью которой ее вращают,— змея. Змею раскручивают, гора вращается, море взбивается. Но обитателям моря приходится плохо: рыбы и морские чудовища разлетаются в клочья.

Так трудились боги. Наконец море взбилось до нужной кондиции и стало отдавать богам свои богатства. Первой вышла апсара, что танцует не в королевском дворце, а в небесном. За ней богиня красоты Лакшми появилась, как греческая Афродита, из пены морской. Потом — предметы, животные и, наконец, амрита. Тут-то боги и демоны забыли об уговоре. Каждая сторона пыталась единолично завладеть драгоценной влагой, и ничего путного, естественно, кроме большой потасовки, не получилось. Все остались без амриты. Прекрасно иллюстрирован в камне этот миф, с большой долей юмора, с огромной фантазией и истинно художественным мастерством.

А теперь познакомимся с Байоном.

Его отделяет от Ангкорвата около трех километров. Разница во времени строительства — всего пятьдесят лет.

Издали Байон кажется монолитной скалой. Только приблизившись к нему на очень небольшое расстояние, можно понять, что перед тобой невиданное по масштабам произведение монументальной архитектуры.

Но прежде о Джаявармане VII. Его почитают в Камбодже как одного из самых выдающихся государственных деятелей страны. Таковым он, по всей вероятности, и был. Не порывая с вишнуистской верхушкой, он покровительствовал распространявшемуся в народе буддизму и сделал махаянистский буддизм государственной религией.

Вместо культа Вишнураджи он ввел новый культ Локешвары. Локешвара, по буддийской мифологии, был святым, или бодисатвой, который остался на земле, чтобы утешать смертных в их горестях. Так он стал символом сострадания.

Введением нового культа Джаяварман VII попытался соединить тягу народа к буддизму со старыми формами обожествления царя. Новый культ, по мнению Джаявармана VII, должен был стать идеологической основой умиротворения выходящего из повиновения народа и укрепления империи перед лицом опасности со стороны внешних врагов. Этим целям и служил Байон.

Ни при одном царе Ангкорской империи не велось в столь больших масштабах строительства общественных зданий, дорог, придорожных гостиниц, больниц, как при Джаявармане VII. При нем в последний раз в истории империи процветала архитектура, скульптура, поэзия и наука. В стране функционировало большое количество учебных заведений, где преподавалась буддийская и индуистская философия, поэзия и риторика. Существовала даже специальная буддийская академия для женщин, главным преподавателем в которой являлась жена Джаявармана VII.

Царствование Джаяварманa VII было самым продолжительным во всей истории кхмерских царей. Умер он чуть ли не в столетнем возрасте, в 1218 году.

Байон, включая участок городской стены, довольно хорошо сохранился на южной стороне города, где и расположен центральный вход на территорию древней кхмерской столицы. Но территория города давно заросла джунглями, через которые к Байону ведут дороги, но уже не старинные, мощенные плитами из камня, а современные, асфальтированные.

Сам храм в отличие от Ангкорвата не окружен стеной, и он весь целиком предстает взору вышедшего из джунглей зрителя. 43-метровая источенная временем глыба поднимается к небу. Точнее, нагромождение глыб-башен (их 16), каждая из которых заканчивается четырехликой головой. Башни венчают собой уступы, поднимающиеся все выше и выше к центральной, самой высокой из них. Странное впечатление производят эти огромные, улыбающиеся, типично кхмерские лица, с широким носом и сочными, хорошо очерченными губами. Кажется, у них всех одинаковое выражение лица, одинаковая мягкая улыбка. Но это только днем, при солнечном свете. Ночью, при луне, лики необычайно преображаются. Среди них не найдешь двух похожих друг на друга, и выражение у них совсем иное. Пожалуй, нет такого оттенка недобрых человеческих чувств, которые бы они не выражали — ведь у Байона шестьдесят четыре улыбки. Здесь и плохо скрываемое презрение, и откровенная злоба, и полубрезгливая усмешка, и гримаса отвращения. Единственное, чего не встретишь, — это доброй улыбки. Приходишь снова днем и видишь совершенно одинаковые бесстрастные лица со взглядом, устремленным то ли внутрь себя, то ли в бесконечность.

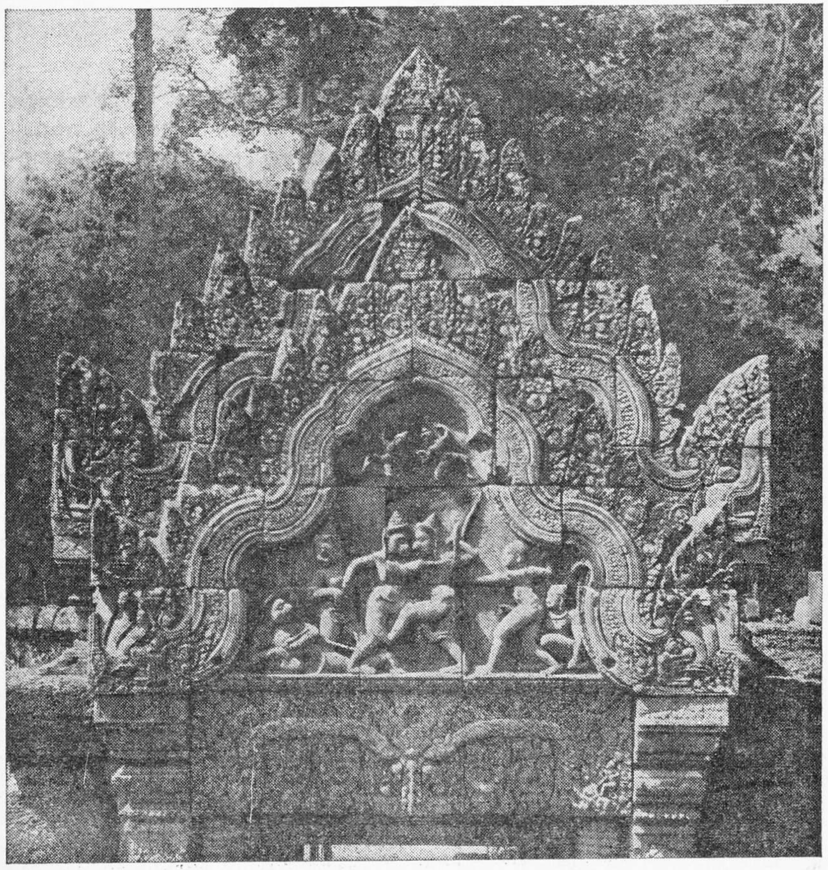
Значение светового эффекта, важность для восприятия скульптурного произведения правильного освещения знает каждый современный скульптор. Некоторые даже утверждают, что освещение для скульптуры — всё. Знали ли это кхмерские скульпторы, высекавшие маски бодисатвы Локешвары, или это у них получилось непроизвольно? А может быть, вовсе и не было игры светотени, а была лишь игра воображения автора, бродившего в полночь по уступам мрачной скалы?

Байон, как и Ангкор,— «трехэтажный». Галерея, окружающая самый нижний этаж, имеет протяженность всего 60 метров, внутренние стены второго — 300 метров, а третий уступ образует центральная башня. Стены галереи второго этажа украшены рельефами на мифологические темы, и после Ангкора они могут всерьез заинтересовать главным образом специалиста.

Зато от изображений на задней стене галереи первого этажа трудно оторваться. Очень странное чувство испытываешь, разглядывая рельефы.

Если отбросить военные сюжеты, то кажется, ты встретился с художественным, но очень достоверным изображением жизни Камбоджи. Вот плывет по реке лодка с музыкантами и танцорами, такая же лодка, с такими же людьми, каких можно видеть на празднике Возвращения вод. Оркестр играет на тех же самых инструментах, что и национальный оркестр в Пномпене. И ор-

Бантеайсрей.
Фрагмент одного из входов
в древний монастырь



кестранты так же сидят, поджав под себя ноги. Телеги с поднятыми кверху оглоблями, что едут и сегодня за прахоком. Те же, что и сейчас, орудия труда у плотников, у крестьян, убирающих рис. Тот же базар, где торгуют одни женщины.

XII и XX века как бы встретились на фресках Байона, и это производит огромное впечатление.

...Исторические памятники, как и сама история, предостерегают, воспитывают, учат, в частности учат не повторять ошибок прошлого. Они учат бережному отношению к богатствам страны, учат различать истоки истинной гордости и величия народа и государства, предупреждают от безрассудного, ради мнимого престижа расточительства материальных и духовных богатств страны и народа.

* * *

Немногим более пяти лет прошло с той поры, как я простился с Камбоджей. И все эти годы в памяти оставался живым образ этой удивительной страны, образ ее народа, через века лишений и борьбы пронесшего и сохранившего лучшие черты создателей могущественной древней цивилизации. Такова сила впечатления от достижений древних кхмеров во всех областях экономической и культурной жизни, настолько ярки были виденные мной примеры неиссякаемых потенциальных возможностей современных наследников древней цивилизации.

Хочется верить, что на новом этапе строительства независимой, миролюбивой Камбоджи, Демократической Кампучии, будут созданы все условия для того, чтобы эти возможности кхмерский народ смог раскрыть до конца.

Оглавление

Наследница древней цивилизации
3

Земля и люди Камбоджи
14

По дну и берегам древнего морского залива
14

+40 по Цельсию после захода солнца
20

Слоны на улицах столицы
25

Пномпень
35

Счастье вдовы Пень
35

Облик кхмерской столицы
39

Пномпень с утра до вечера
47

Пномпень ночью
52

Кто живет в Пномпене?
54

Перед светофорами Пномпеня
68

Праздники
72

От концертного зала до стадиона
81

Бикху—буддийский монах
86

От Кампонгсаома до Сиемреапа
92

По следам былого
величия Камбоджи
92

По пути в Кампонгсаом
98

«Каучуковая» провинция
104

Рис, рыба и немного танцев
113

Музей под открытым небом
126

Литвинов И.

Л 64 Кампучия — страна кхмеров. М., «Мысль», 1976.
140 с. с ил. и карт.; 8 л. ил.

Книга И. П. Литвинова посвящена Камбодже, одной из стран Юго-Восточной Азии. Автор, побывавший там в длительной командировке, делится своими впечатлениями от виденного, рассказывает о природе страны, ее истории и культуре, о народе, ее населяющем, его образе жизни, обычаях, хозяйственном укладе. Вместе с автором читатель совершит путешествие по стране: побывает в столице Пномпене, на живописном озере Тонлесап, в болотистых джунглях, на горных плато, посетит музей под открытым небом — величайший памятник древней архитектуры Ангкорват.

Книга написана живо, хорошо иллюстрирована и рассчитана на массового читателя.

Л $\frac{20901-152}{004(01)-76}$ БЗ-89-25-75 **91 (И5)**

Литвинов,
Игорь Петрович

Кампучия — страна кхмеров

Заведующий редакцией
И. К. Мячин

Редакторы
Ф. Н. Арский, С. Н. Кумкес

Младший редактор
О. В. Харитонова

Художественный редактор
Е. М. Омельяновская

Технический редактор
Л. Е. Аникаева

Корректор
И. В. Равич-Щербо

Сдано в набор 12 декабря 1975 г. Подписано в печать 19 мая 1976 г. Формат 60×84/16. Бумага тип. № 2. Усл. печатных листов 9,3 с вкл. Учетно-издательских листов 9,33 с вкл. Тираж 60 000 экз. А03677. Заказ № 3820. Цена 54 коп.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

Новые книги

В 1976 г. издательство «Мысль» выпустит книги из серии «У карты мира». В книгах этой популярной серии о зарубежных странах, которые начали выходить в 1950 г., читатель найдет краткие сведения о природе, естественных ресурсах, особенностях экономического развития, современном состоянии промышленности и сельского хозяйства, о быте и нравах населения этих стран.

Винокуров Ю. И. Заир. 5 л., с ил. (У карты мира), 33 к.

Автор, много лет занимающийся страной, рассказывает о государстве в Экваториальной Африке, об истории и экономике, культуре и обычаях населения этой страны.

Очерк об этой Африканской стране с интересом встретит широкая читательская аудитория.

Гонионский С. А. Панама и Панамский канал. 4 л. с ил. («У карты мира»), 24 к.

Небольшое государство Центральной Америки — Панама привлекает пристальное внимание мировой общественности, в первую очередь из-за проходящего по ее территории межокеанского канала. Автор более 25 лет занимался проблемами Панамы и Панамского канала и собрал интересный материал по географии и истории этой страны, о борьбе панамского народа за призвание США национального суверенитета Панамы над зоной канала.

Книга рассчитана на широкие круги читателей.

Надеждин Г. Сомали. 4 л. (У карты мира), 25 к.

Сомали — государство на востоке Африканского материка, сбросившее в 1960 г. колониальное господство и вставшее на путь самостоятельного развития.

Автор несколько лет жил в стране, изучил ее. В доходчивой форме рассказывает он о природе, истории и сегодняшней жизни республики, о ее городах, нравах и обычаях народа, наконец, о проблемах социального и экономического развития.

Популярный очерк о дружественной нам стране с интересом встретит широкая читательская аудитория.

Тарасов К. С. Колумбия. 4 л., с ил., (У карты мира), 25 к.

Колумбия — третья по числу жителей (после Бразилии и Аргентины) страна Южной Америки, обладающая богатыми запасами различных по-

лезных ископаемых, прежде всего нефти, занимающая второе место в мире по производству и экспорту кофе. Это единственная из южноамериканских стран, имеющая выход к двум океанам — Тихому и Атлантическому.

Колумбия полна контрастов: наряду с густонаселенными районами с развитой промышленностью здесь можно встретить уголки, почти лишенные населения, не посещавшиеся исследователями. О природе, особенностях экономической, политической и культурной жизни, обычаях и быте населения этой интереснейшей страны, о новых тенденциях в антиимпериалистической борьбе народов и рассказывается в данной книжке.

Рассчитана на массового читателя.